

Скачок в будущее Flashforward, Robert J. Sawyer, 1999

Переведено на сайте www.notabenoid.com

<http://notabenoid.com/book/4063/>

Переводчики: Injekcia, Anonimka, Timson, tipopellet, Dove_Dm, Sarnetsky, zombie_new, jyulya, Miss_Lia, remas, yuliasha, 1000and1, analyst, asdp555, bananapapa, BellaTe, CurlyWind, fustacre, GaponovAlex, Irina73, marvel, mipolina, Mirabella, REUn10n, someonelikethey, soroka, Stan, vadikgg, Viktorianka, Wetold.

Оглавление

Книга I	
1.....	3
2.....	11
3.....	17
4.....	22
5.....	26
6.....	32
7.....	37
8.....	40
9.....	47
10.....	52
11.....	57
Книга II	
12.....	64
13.....	69
14.....	73
15.....	78
16.....	83
17.....	88
18.....	92
19.....	94
20.....	98
21.....	104
22.....	109
23.....	112
24.....	116
25.....	120
26.....	124
27.....	128
Книга III	
28.....	131
29.....	133
30.....	142
31.....	153
32.....	159
33.....	162

Пытаясь доказать теорию существования частиц, группа физиков случайно меняет сознание человечества на 20 лет вперёд. "Потеряны" всего 2 минуты, однако, эти воспоминания порождают новые культы, кажущиеся нелогичными сделки на рынках, новые патенты. Соперничество двух учёных за одну женщину принимает серьёзный оборот, потому что скачок в будущее показал, что она выйдет замуж за "не того" человека. Один из соперников, Тэо Прокопидес, предвидит своё собственное убийство, но не своего убийцу. Хотя до убийства 21 год Тэо в панике и пытается найти зацепки в воспоминаниях других людей по всему миру. В конце концов, новая команда учёных решает повторить эксперимент со скачками в будущее, но провести его под большим контролем. Повторение этого эксперимента показывает читателю видения апокалипсиса. У Прокопидес появляется одержимость осторожностью в его попытках избежать собственной смерти.

Книга I

Апрель 2009 года

Тот, кто предвидит катастрофы, страдает от них дважды.

--- Бейлби Портеус

1

День первый: вторник, 21 апреля 2009 года

КРОШЕЧНАЯ ЧАСТЬ ЧЕРЕЗ БЕСКОНЕЧНОЕ ВРЕМЯ...

Здание управления Большого Адронного Коллайдера Европейской организации по ядерным исследованиям (ЦЕРН) было новым. Его строительство было одобрено в 2004 году н. э., а завершено в 2006. Здание окружало внутренний двор, который неминуемо был назван "ядром". Окна каждого кабинета выходили либо внутрь - на ядро, либо наружу - на остальной комплекс зданий ЦЕРН. Прямоугольное здание, окружавшее ядро, было двухэтажным, однако у главных лифтов было 4 остановки: 2 этажа под землей - подвал с размещенными в нём котельной и складом; этаж на уровне 100 метров под землей выходил на площадку монорельса, который использовали для перемещения по 27-километровой окружности тоннеля коллайдера. Сам тоннель пролегал под фермерскими угодьями, окраинами Женевского аэропорта, и предгорьями Юрских гор.

Южная стена основного коридора здания управления была разделена на 19 длинных секций, каждая из которых была украшена мозаикой, сделанной художником из одной из стран участниц ЦЕРН. Греческая изображала Демокрита и происхождение атомической теории, мозаика из Германии живописала путь Эйнштейна, а датская - Нильса Бора. Тем не менее, не на всех мозаиках были изображены физики. Французский художник изобразил Париж на фоне неба, итальянский художник изобразил виноградник с тысячами отполированных аметистов, которые представляли собой виноградинки.

Сама же комната управления Большого Адронного Коллайдера (БАК) представляла собой идеальный квадрат, с широкими, раздвижными дверями, расположенными точно по центру двух его сторон. В комнате было 2 яруса, на верхнем ярусе были стеклянные стены, чтобы экскурсионные группы могли наблюдать за всеми действиями; ЦЕРН предлагал 3-часовые экскурсии по понедельникам и субботам в 9:00 и 14:00. На стенах под окнами висели 19 флагов стран-участниц - по пять флагов на каждой стене, плюс двадцатый - синне-золотой стяг Евросоюза.

В комнате управления были дюжины пультов управления. Один из них отвечал за работу инжекторов частиц, он контролировал начало экспериментов. Рядом с этим пультом был другой - с угловым монитором и десятью встроенными мониторами, которые отображали результаты детекторов ALICE и CMS, огромных подземных систем, которые записывали и пытались распознать частицы, произведённые в результате экспериментов на БАК. Мониторы на третьем пульте показывали части мягко изгибающегося подземного туннеля коллайдера, с путями двутавровой монорельсовой дороги, идущими сверху.

Ллойд Симко, исследователь из Канады, сидел за пультом инжекторов. Ему было 45 лет, он был высоким и чисто выбритым. У него были голубые глаза, а волосы "ёжиком" были такого темно-каштанового цвета, что все называли их чёрными, за исключением висков. Виски у него были наполовину седыми.

Физики частиц не особо были известны за своё пристрастие к высокой моде, и Ллойд до недавних пор не был исключением. Но пару месяцев назад он пожертвовал всю свою одежду Армии Спасения в Женевской церкви и разрешил своей невесте выбрать новый гардероб. Если говорить честно, то на его вкус одежда была немного вульгарной для него, но он вынужден был признать, что ещё никогда не выглядел таким изысканным. Сегодня на нём была бежевая рубашка, кораллово-красный пиджак, коричневые брюки с накладными карманами и итальянские черные кожаные туфли, дань моде. Ллойд также перенял несколько международных символов социального статуса, что тоже было не очень привычно: ручка Mont Blanc, которую он прикрепил к внутреннему карману пиджака, и золотые швейцарские аналоговые часы.

Справа от него, за детекторным пультом, сидела сама "виновница" этого перевоплощения, невеста Ллойда, инженер Мичико Комура. Мичико была на десять лет младше Ллойда. У нее был маленький, вздернутый носик и блестящие черные волосы, которые она стригла в модном тогда стиле - под пажа.

Позади нее стояла Тэо Прокопидес, коллега Ллойда по исследованиям. Тэо было 27 лет, и он был младше Ллойда на 18 лет; уже ни один шутник сравнивал консервативного Ллойда и его темпераментного греческого коллегу с командой Крика и Уотсона. У Тэо были вьющиеся, густые, темные волосы, серые глаза и выступающая нижняя челюсть. Он почти всегда носил красные джинсы - Ллойд у них не нравились, но никто под 30 лет уже не одевал синие джинсы - и бесконечный ряд футболок, изображавших мультяшных героев со всего мира; сегодня он одел футболку с почтенной Tweety Bird. Дюжина других ученых и инженеров размещались у остальных пультов.

Продвижение куба...

За исключением слабого гула кондиционеров и тихого шума кулеров, в комнате управления было довольно тихо. Все были возбуждены и напряжены после долгого дня подготовки к этому эксперименту. Ллойд обвел комнату взглядом и глубоко вздохнул. Его сердце забилось быстрее и в животе порхали бабочки.

Часы на стене были аналоговыми, а на его пульте - электронные. На обоих часах время быстро приближалось к 17:00, или, как все еще считал Ллойд даже после двух лет, проведенных в Европе, к 5:00 после полудня.

Ллойд был руководителем совместной работы почти тысячи физиков, использующих детектор ALICE¹ (коллайдер для поиска кварк-глюонной плазмы или кварк-глюонной жидкости в столкновениях ионов свинца). Вместе с Тэо они провели два года, моделируя сегодняшнее столкновение частиц - два года, чтобы сделать работу, которая могла занять целых две жизни. Они пытались вновь создать уровни энергии, которые перестали существовать через наносекунду после Большого Взрыва, когда температура Вселенной достигла 10 000 000000 000000 градусов. В процессе они надеялись обнаружить Святую Чашу Грааля физики высоких энергий давно желанный бозон Хиггса, частицу взаимодействия, которая наделяла другие частицы массой. Если их эксперимент сработает, то Нобелевская премия, которую вероятно вручат исследователям бозона Хиггса, будет их.

Весь эксперимент был автоматизирован и точно рассчитан. Не было никакого большого рубильника, который следовало опустить, никакого выключателя, спрятанного под крышкой на пружинке, которого нужно нажать. Да, Ллойд спроектировал, а Тэо запрограммировал основные модули программы их эксперимента, но теперь все было под контролем компьютера.

Когда электронные часы достигли 16:59:55 Ллойд начал считать вслух в обратном порядке.

- Пять.

Он посмотрел на Мичико.

- Четыре.

Она ободряюще улыбнулась в ответ. Боже, как он любил ее.

- Три.

Он переместил свой взгляд на юного Тэо, вундеркинда - молодую звезду, которой Ллойд надеялся сам стать, но так не стал.

- Два.

Тэо, всегда самоуверенный, дал ему знак, подняв большие пальцы.

- Один.

"Пожалуйста, Боже... - подумал Ллойд. - Пожалуйста".

- Ноль.

И затем ...

А затем, внезапно, все стало другим.

Немедленно изменилось освещение – тусклая иллюминация комнаты управления сменилась солнечным светом, исходящим из окна. Но ему не пришлось приспосабливаться, он не почувствовал никакого дискомфорта... и не было ощущения, что зрачки Ллойда сокращались. Как будто он уже привык к более яркому свету.

И еще Ллойд не мог контролировать свои глаза. Он хотел осмотреться вокруг, увидеть, что происходит, но его глаза двигались как будто по своей воле.

Он лежал на кровати - явно голым. Он чувствовал, как простыня скользила по его коже, когда он приподнялся на одном локте. Так как его голова двигалась, он мельком увидел слуховое окно, которое явно находилось на втором этаже загородного дома. Были видны деревья и ...

Нет, не может быть. Листья были цвета осени, как замершее пламя. Но сегодня 21 апреля - весна, а не осень.

Взгляд Ллойда продолжал идти и, внезапно, с чего надо было начать, он понял, что в кровати не один. Кто-то еще был с ним.

Он отскочил.

Нет - нет, это не правда. Физически он не отреагировал вообще, как будто его тело было разведено с разумом. Но он почувствовал, как отскочил.

¹ "A Large Ion Collider Experiment"

Другим человеком была женщина, но...

Что, черт возьми, происходит?

Она была старой, морщинистой, ее кожа была полупрозрачной, ее волосы - тонкие и седые. Коллаген, который однажды заполнял ее щеки, обосновался как плетень в уголках ее рта, рта теперь улыбающегося, линии смеха почти потерялись среди постоянных морщин.

Ллойд попытался откатиться от ведьмы, но его тело отказалось сотрудничать.

Что, во имя Господа, происходило?

Была весна, не осень.

Если...

Если, конечно, он был сейчас в южном полушарии. Каким-то образом переместился из Швейцарии в Австралию.

Но нет. Деревья, которые он мельком увидел в окне, были кленами и тополями, должно быть это Северная Америка или Европа.

Его рука потянулась. Женщина была одета в темно-синюю блузку. Это была не пижама, хотя... Эполеты с пуговицами и несколько карманов - приключенческая одежда из грубого хлопчатобумажного полотна, типа товаров L.L. Bean или Tilley, которые практичная женщина может одевать для работы в саду. Ллойд почувствовал, как его пальцы прикоснулись к ткани, ощущая ее нежность и мягкость. А затем...

А затем его пальцы нашли пуговицу, твердую, пластиковую, нагретую ее телом, полупрозрачную, как ее кожа. Без тени сомнения его пальцы схватили пуговицу, приподняли ее, протиснули ее между обшитыми краями петли. Прежде чем пижама была полностью расстегнута, взгляд Ллойда, все еще двигаясь по собственной инициативе, поднялся снова к лицу пожилой женщины, остановившись на ее бледно-голубых глазах, с белым ореолом вокруг зрачков.

Он почувствовал, как его щеки растянулись в улыбке. Его рука скользнула женщине под пижаму, нашла ее грудь. Он снова хотел отпрянуть, одернуть руку назад. Грудь была мягкая и сморщенная, кожа ее обвисла ... как у сгнившего фрукта. Пальцы его сжались, следуя контурам груди, найдя сосок.

Ллойд почувствовал давление вниз. На одно ужасное мгновение ему показалось, что у него начинается эрекция, но дело было не в этом. Вместо этого, неожиданно, он ощутил, что его мочевой пузырь полон, ему надо было помочиться. Он убрал руку и увидел, как брови пожилой женщины вопросительно поднялись. Ллойд почувствовал, как его плечи поднялись и опустились, он слегка пожал плечами. Она улыбнулась ему - теплой понимающей улыбкой, как если бы это все было самой естественной вещью на свете, как если бы ему часто приходилось, извинившись, удаляться перед началом. Ее зубы были слегка пожелтевшими - от старости - но в остальном в прекрасном состоянии.

Наконец его тело сделало то, чего он жаждал все это время: оно отодвинулось от женщины. Ллойд почувствовал боль в колене, когда сделал это, резкий укол. Было больно, но он сделал вид, что ничего не произошло. Он спустил ноги с кровати, подошва слегка коснулась прохладного деревянного пола. Когда он встал, он смог лучше разглядеть мир за окном. Была или середина утра или середина вечера, тень от одного дерева падала на другое. На одной из веток пряталась птица, неожиданное движение в спальне ее спугнуло, и она резко вспорхнула и улетела. Малиновка - большой североамериканский дрозд, не маленькая малиновка старого света; это определенно была США или Канада. На самом деле, это выглядело весьма похоже на Новую Англию - Ллойд любил краски осени в Новой Англии.

Ллойд обнаружил, что двигается медленно, почти шаркает ногами по доскам пола. Он понял теперь, что комната была не в доме, а скорее в коттедже; мешанина стилей в обстановке была обычной для загородного дома. Этот ночной столик - низкий, сделанный из ДСП, обклеенный сверху тонкой фанерной пленкой под дерево: в конце концов, он его

узнал. Предмет мебели, который он купил еще студентом, и, в конце концов, поставил его в гостевую комнату своего дома в Иллинойсе. Но что он делает здесь, в этом незнакомом месте?

Он продолжил идти. Его правое колено причиняло ему беспокойство при каждом шаге; интересно, что с ним было такое. На стене висело зеркало; его рама была сделана из узловатой сосны, покрытой прозрачным лаком. Это диссонировало с более темным "деревом" ночного столика, конечно, но...

Господи.

Господи Боже.

Глаза его сами собой обратились к зеркалу, когда он проходил мимо, и он увидел себя...

На долю секунды ему показалось, что он видит своего отца. Но это был он. Волосы, которые остались на его голове, были все с проседью, а на его груди - белыми. Его кожа была морщинистой и обвислой, а его походка сутулой.

Это могла быть радиация? Эксперимент, возможно, повлиял на него? Может...

Нет. Нет, это невозможно. Он чувствовал это по костям - его *артритическим* костям. Это невозможно.

Он был *стар*.

Как будто он постарел на двадцать или больше лет, как если бы...

Два десятка жизни прошли, не оставив следа в его памяти.

Ему захотелось крикнуть, заорать, возмутиться несправедливостью, возмутиться потерей, потребовать ответа от вселенной...

Но он не мог сделать ничего из этого; он не контролировал ситуацию. Его тело продолжило медленно, преодолевая боль, ковлять в ванную.

Когда он повернулся, чтобы войти в комнату, он бросил взгляд назад на пожилую женщину на кровати, лежавшую теперь на боку, подперев голову рукой, ее улыбка была озорной, соблазнительной. Его зрение по-прежнему было острым - он заметил блеск золота на безымянном пальце ее левой руки. Плохо было уже то, что он спал с пожилой женщиной, но спать с замужней пожилой женщиной...

Простая деревянная дверь была слегка приоткрыта, но он вытянул руку, чтобы полностью распахнуть ее, и боковым зрением увидел такое же обручальное кольцо на своей собственной левой руке.

И тут до него дошло. Эта старушка, эта незнакомка, эта женщина, которую он никогда раньше не видел, эта женщина, которая была совершенно не похожа на его любимую Мичико, была его женой.

Ллойд хотел снова взглянуть на нее, попытаться представить ее несколькими десятилетиями раньше, восстановить красоту, которой она когда-то обладала, но...

Он вошел в ванную, повернулся к унитазу, наклонился, чтобы приподнять крышку и...

... и неожиданно, невероятно удивительным образом, слава Богу, Ллойд Симко снова был в ЦЕРН, в комнате управления БАК. По какой-то причине он безвольно развалился в своем виниловом кресле. Он выпрямился и руками поправил рубашку.

Что за поразительная галлюцинация! За это придется расплачиваться чертовски дорого: предполагалось, что они надежно защищены здесь, между ними и кольцом коллайдера были сотни метров земли. Но он слышал, что сильные выбросы энергии могут вызывать галлюцинации; конечно именно это и произошло.

Ллойд потратил минуту, чтобы сориентироваться в ситуации. Не было никакого перехода между *здесь* и *там*: никакой вспышки света, никакого головокружения или заложенных ушей. В одно мгновение он был в ЦЕРН, потом в следующее, он оказался в ка-

ком-то другом месте, на... сколько?... две минуты, наверное. И теперь, так же мгновенно, он оказался обратно в комнате управления.

Конечно, он и не исчезал вовсе. Конечно, это была иллюзия.

Он огляделся, пытаясь прочитать выражения лиц остальных. Мичико выглядела потрясенной. Следила ли он за Ллойдом, пока у него была галлюцинация? Что он делал? Бился в припадке как эпилептик? Вытянул руку в пустоту, как будто бы ласкал невидимую грудь? Или просто обмяк в кресле, потеряв сознание? Если так, то он не мог оставаться без сознания долго - ничего похожего на две минуты, которые, как ему показалось, это длилось – или, конечно же, Мичико и другие сгрудились бы над ним сейчас, проверяя его пульс и расстегивая воротничок. Он посмотрел на аналоговые настенные часы, они действительно показывали две минуты шестого вечера.

Потом он оглянулся на Тэо Прокопидеса. Выражение лица юного грека было менее выразительным, чем у Мичико, но он был насторожен, как и Ллойд, по очереди обращая взгляд на каждого присутствующего в комнате, отводя его, как только этот человек тоже переводил взгляд на него.

Ллойд открыл рот, чтобы заговорить, хотя он не был уверен, что хотел сказать. Но он закрыл его, когда услышал стон, доносившийся через ближайшую открытую дверь. Мичико, судя по всему, тоже его услышала; они оба встали одновременно. Она, правда, была ближе к двери, и когда Ллойд дошел до нее, она уже вышла в коридор. "О, Господи! - произнесла она. - Ты в порядке?"

Один из лаборантов - Свен - изо всех попытался подняться на ноги. Правой рукой он держался за нос, который сильно кровоточил. Ллойд поторопился обратно, в комнату управления, сорвал аптечку со стены и побежал обратно в коридор. Аптечка была в белой пластиковой коробке; Ллойд открыл ее и начал разматывать марлю.

Свен начал говорить на норвежском языке, но через секунду остановился и продолжил на французском: "Я... я, должно быть, упал в обморок".

Коридор был покрыт твердой плиткой, так что Ллойд мог увидеть алое пятно крови там, где Свен ударился лицом об пол. Он протянул марлю Свену, который кивнул в благодарность и прижал к носу. "Безумнейший случай, - сказал он. - Как будто я заснул стоя. - Он усмехнулся. - Я даже видел сон".

Ллойд почувствовал, как его брови поднялись. "Сон?" - спросил он также на французском.

- Яркий как никогда, - ответил Свен. - Я был в Женеве - около Ле Роззель. - Ллойд хорошо знал это место: блинная в бретонском стиле на улице Гранд. - Но там было как будто в научно-фантастическом рассказе. Там были машины, зависающие в воздухе, не касаясь земли, и

- Да, Да! - это был женский голос, но не в ответ Свену. Он раздался из комнаты управления. - То же самое случилось со мной.

Ллойд вернулся в слабо освещенную комнату: "Что случилось, Антония?"

Коренастая итальянка разговаривала с двумя другими людьми, находящимися в комнате, но теперь повернулась к Ллойд. "Было похоже, как будто, я вдруг оказалась в другом месте. Пэрри сказал, что с ним случилось то же самое".

Мичико и Свен теперь стояли в дверном проеме, прямо за Ллойдом. "И со мной тоже", - сказала Мичико, и в ее голосе было слышно облегчение от того, что она не одна в этой ситуации.

Тэо, который теперь стоял рядом с Антонией, хмурился. Ллойд посмотрел на него. "Тэо? А у тебя?"

- Ничего.

- Ничего?

Тэо покачал головой.

- Все мы, должно быть, упали в обморок, - сказал Ллойд.

- Я точно, - ответил Свен. Он отвел марлю от своего лица, затем снова коснулся его носа, чтобы убедиться, что кровотечение остановилось. Не остановилось.

- Как долго мы были в обмороке? - спросила Мичико.

- И... Боже!...Что с экспериментом? - спросил Ллойд. Он подбежал к мониторам ALICE и ввел несколько ключей.

- Ничего, - сказал он, - *Черт*.

Мичико разочарованно вздохнула.

- Все должно было сработать,- сказал Ллойд, ударив ладонью по пульту. - Мы должны были получить частицу Хиггса.

- Ну, что-то случилось, - сказала Мичико, - Тэо, ты ничего не видел, пока у нас всех были... видения?

Тэо покачал головой. "Абсолютно ничего. Полагаю... Наверное, я тоже *отключился*. Только у меня была чернота. Я смотрел на Ллойда, когда он вел обратный отсчет: пять, четыре, три, два, один, ноль. Потом было как в кино, резкий скачок к следующей сцене. Неожиданно Ллойд без сознания лежал в своем кресле".

- Ты видел, как я потерял сознание?

- Нет, нет. Я же говорю: в одно мгновение ты сидел, а в следующее уже лежал без сознания, без всяких промежуточных телодвижений. Думаю... думаю, я *отключился*. Пока я осознал, что ты лежишь без сознания, ты уже снова сел ровно и...

Неожиданно звук воющей сирены взрезал воздух... какая-то неотложка. Ллойд выбежал из комнаты управления, все поспешили за ним. В комнате на противоположной стороне коридора было окно. Мичико, которая добралась до него первой, уже поднимала венецианские жалюзи; вечернее солнце осветило комнату. Машиной с сиреной оказался пожарный грузовик ЦЕРН, один из трех, приписанных к этой территории. Он мчался через кампус, направляясь к главному административному корпусу.

У Свена наконец-то перестала идти кровь из носа; теперь он держал в руке окровавленный комок марли. "Интересно, кто-нибудь еще упал?" - спросил он.

Ллойд посмотрел на него.

- Они используют пожарные машины для скорой помощи помимо случаев возгорания, - сказал Свен.

Мичико осознала ошеломляющее значение предположения Свена. "Мы должны проверить все комнаты, убедиться, что со всеми все в порядке".

Ллойд кивнул и двинулся обратно в сторону коридора. "Антония, проверь всех в комнате управления. Мичико, ты возьми Джейка и Свена и иди в эту сторону. Тэо и я проверим все в том направлении". Он ощутил короткий укол чувства вины из-за того, что отсылал Мичико, но ему нужно было немного времени, чтобы осмыслить то, что он видел, то, что пережил.

В первой комнате, в которую вошли Ллойд и Тэо, обнаружилась женщина без сознания; Ллойд не мог вспомнить ее имя, но она работала в отделе связей с общественностью. На плоском мониторе перед ней был знакомый трехмерный рабочий стол Линукс 2009. Она все еще была без сознания; судя по огромному кровоподтеку у нее на лбу, она упала вперед, ударившись головой о металлический край ее стола, и от удара потеряла сознание. Ллойд сделал то, что видел во множестве фильмов: он взял ее левую руку в свою правую, тыльной стороной ладони кверху, и нежно похлопал по ней своей другой рукой, пытаясь заставить ее очнуться. Что она, в конце концов, и сделала.

- Доктор Симко? - спросила она, смотря на Ллойда, - Что случилось?

- Я не знаю.

- У меня был этот... этот сон, - сказала она. - Я была в какой-то художественной галерее, смотрела картины.

- Сейчас вы в порядке?

- Я... Я не знаю. У меня болит голова.

- Возможно у вас сотрясение. Вам нужно в больницу.

- Что это за сирены?

- Пожарные машины. - Он замолк. - Послушайте, сейчас я должен идти. Другие люди также могут быть ранены.

Она кивнула: "Я буду в порядке".

Тэо уже шел дальше по коридору. Ллойд вышел из комнаты и пошел за ним. Он прошел мимо Тэо, который склонился над кем-то, кто тоже упал. Коридор поворачивал направо, Ллойд прошел вдоль новой секции. Он прошел через двери офиса, которые тихо открылись, как только он подошел, но люди с другой стороны казались в порядке, хотя они возбужденно обсуждали различные видения, которые у них случились. Там было три человека: две женщины и один мужчина. Одна из женщин заметила Ллойда.

- Ллойд, что случилось? - спросила она по-французски.

- Пока не знаю, - ответил он также на французском. - Все в порядке?

- Мы в норме.

- Я не мог не подслушать, - сказал Ллойд, - У вас троих тоже были видения?

Все вокруг закивали.

- Они были очень реалистичны?

Женщина, которая еще не говорила с Ллойдом, указала на мужчину: "Не у Рауля. У него было что-то вроде психоделического опыта". Она сказала это так, как будто этого и следовало ожидать, исходя из жизненного стиля Рауля.

- Я бы не сказал, что именно "психоделично", - сказал Рауль, словно пытаюсь оправдаться. Его светлые волосы были длинными и чистыми и завязаны в великолепный конский хвост. - Но уж точно они не были реалистичными. Там был этот парень с тремя головами, смотр...

Ллойд кивнул, пропуская эту часть информации. "Если вы все в порядке, присоединяйтесь к нам - некоторые люди серьезно пострадали, когда что бы это ни было случилось. Нам необходимо найти всех, кто мог пострадать".

- А почему бы не воспользоваться системой селекторной связи и не сообщить всем, кто может, чтобы собрались в лобби? - предложил Рауль. - Тогда мы сможем пересчитать всех и понять, кто пропал.

Ллойд понял, что это отличная идея. "Продолжайте осмотр, некоторые люди могут нуждаться в немедленном внимании. Я поднимусь к главному офису". Он вышел из комнаты, и другие тоже вывалились в коридор. Ллойд выбрал самый короткий путь к офису, пробежав мимо нескольких мозаик. Когда он пришел, часть сотрудников администрации столпилась над кем-то, кто, очевидно, сломал руку, когда упал. Одна женщина ошпарилась, когда упала прямо на горячую кружку кофе.

- Доктор Симко, что случилось? - спросил мужчина.

Ллойду до смерти надоел этот вопрос. "Я не знаю. Вы умеете обращаться с ПУ?"

Мужчина уставился на него; очевидно Ллойд использовал североамериканский сленг, которого этот парень не знал.

- Ну, ПУ, - сказал Ллойд, - Переговорное устройство.

Мужчина по-прежнему смотрел на него непонимающим взглядом.

- Интерком!

- О, конечно, - ответил он, его английский был резким из-за немецкого акцента. - Здесь. - Он подвел Ллойда к пульта и нажал несколько кнопок. Ллойд поднял тонкий пластмассовый микрофон.

- Говорит Ллойд Симко. - Он мог слышать свой голос, доносящийся из динамика в коридоре, но фильтры в системе убрали обратную связь. - Несомненно, что-то случилось. Несколько человек ранены. Если вы амбулаторны... - Он остановился, английский здесь был вторым языком для большинства сотрудников. - Если вы можете передвигаться, и если люди рядом с вами также могут передвигаться или, по крайней мере, вы можете их

оставить, пожалуйста, сразу пройдите в главный вестибюль. Кто-то мог упасть в закрытом помещении, мы должны узнать отсутствует ли кто-нибудь. - Он отдал микрофон мужчине. - Сможете ли вы повторить суть этого на немецком и французском?

- *Jawohl*², - ответил мужчина, уже мысленно переключившись. Он начал говорить в микрофон. Ллойд отошел от пульта переговорного устройства. Потом он выпроводил тех, кто был в состоянии передвигаться, из офиса в вестибюль, который украшала длинная медная панель, спасенная из одного из старых зданий, которые были разрушены, чтобы освободить место для центра управления БАК. На панели был выбито первоначальное название ЦЕРН: *Conseil Européenne pour la Recherche Nucléaire*³. Сегодня это название уже ничего не означало, но его исторические корни тут читали.

Люди в вестибюле были в основном белокожие, за исключением нескольких... Ллойд остановил себя прежде, чем мысленно обозначить их как пигментированных американцев, термин, который в настоящее время казался предпочтительным большинству чернокожих американцев. Хотя Питер Картер, стоявший там, был из Стэнфорда, большинство других чернокожих были на самом деле из Африки. Так же тут было несколько азиатов, включая, конечно, Мичико, которая вышла в вестибюль, откликнувшись на объявление интеркома. Ллойд подошел к ней и обнял. Слава Богу, она, по крайней мере, не была ранена. "Есть серьезно раненые?" - спросил он.

- Несколько синяков и еще один разбитый нос, - ответила Мичико, - но ничего серьезного. А у тебя?

Ллойд огляделся в поисках женщины с разбитой головой. Она еще не пришла. "Одно возможное сотрясение мозга, сломанная рука и сильный ожог. - Он помолчал. - Нам правда стоит вызвать машины скорой помощи, чтобы отвезти раненых в госпиталь".

- Я позабочусь об этом, - сказала Мичико. Она удалилась в офис.

Собравшаяся группа становилась все больше; теперь в ней было около двух сотен человек. "Внимание! - крикнул Ллойд. - Прошу всеобщего внимания! *Votre attention, s'il vous plaît*!"⁴ - Он подождал, пока все глаза обратились к нему. - Оглянитесь и убедитесь, что все ваши коллеги или друзья по работе или работники лаборатории находятся здесь. Если кто-то, кого вы сегодня видели, отсутствует, сообщите мне. И если кому-то здесь в вестибюле необходима срочная медицинская помощь, то тоже сообщите мне. Мы вызвали скорую помощь".

Как раз когда он это сказал, вернулась Мичико. Ее кожа была даже бледнее, чем обычно, и ее голос дрожал, когда она заговорила. "Скорая не приедет, - сказала она. - Не в ближайшее время, во всяком случае. Оператор скорой сказал мне они все на вызовах в Женеве. Похоже, все водители на дорогах отключились; они не могут даже начать подсчитывать количество погибших".

2

ЦЕРН был основан 55 лет назад, в 1954 году. Его штат состоял из 3 тысяч человек, треть из которых были физиками или инженерами, треть - техническим персоналом, а оставшаяся треть была равномерно распределена между административным персоналом рабочими.

² Да (нем.)

³ Европейский совет для ядерных исследований (фр.)

⁴ Внимание, пожалуйста (фр.)

Большой Адронный Коллайдер был построен за 5 миллиардов долларов США внутри того же подземного туннеля на швейцарско-французской границе, в котором до сих пор находится старый, давно не использующийся Большой Электронно-Позитронный коллайдер (БЭП); он использовался с 1989 по 2000 года. БАК использовал дипольные десяти тесловые сверхпроводимые электромагниты, чтобы гонять частицы по гигантскому кольцу. В ЦЕРН находится самая большая и мощная в мире система охлаждения, использующая жидкий гелий для охлаждения магнитов до 1.8 градусов по Цельсию выше абсолютного Нуля.

На самом деле Большой Адронный Коллайдер – это два ускорителя в одном: один направляет частицы по часовой стрелке; другой - против. Поток частиц, двигающихся в одном направлении, можно заставить столкнуться с другим потоком, двигающимся в противоположном направлении, и затем...

А затем $E=mc^2$. Успех.

Уравнение Эйнштейна говорит о том, что энергия и материя взаимозаменяемы. Если вы сталкиваете частицы на достаточно большой скорости, кинетическая энергия столкновения может быть преобразована в совершенно новую форму.

БАК был запущен в 2006 году, и в течение первых нескольких лет его работы проводили столкновения протон-протон, выделяя энергию до 14 триллионов электрон-вольт.

Но сейчас пришло время идти дальше, ко Второй Фазе, и Ллойд Симко с Тэо Прокопидесом возглавили команду для проведения первого эксперимента. Во Второй Фазе, вместо сталкивания друг с другом протонов, будут происходить столкновения ядер атомов свинца, каждое из которых в сто семнадцать раз тяжелее протона. Эти столкновения должны будут произвести тысячу сто пятьдесят электрон-вольт, что сравнимо с энергетическим уровнем вселенной всего через одну миллиардную секунды после Большого Взрыва. На таком энергетическом уровне Ллойд и Тэо должны были бы получить бозон Хиггса, частицу, которую физики пытались открыть последние полвека.

Вместо этого они получили смерть и разрушение в ужасающих масштабах.

Гастон Беранже, генеральный директор ЦЕРН, был маленьким волосатым мужчиной с острым горбатым носом. Когда все случилось, он сидел в своем кабинете. Это был самый большой кабинет в городке ЦЕРН, с длинным переговорным столом из натурального дерева прямо перед его столом, и большим и хорошо обставленным баром с зеркальной задней стенкой. Сам Беранже не пил - больше нет; не было ничего хуже, чем быть алкоголиком во Франции, где вино лилось рекой за каждым обедом; Гастон жил в Париже пока не получил назначения в ЦЕРН. Но когда послы приезжали посмотреть, на что тратились их миллионы, ему необходимо было иметь возможность налить им стаканчик, ни разу не обнаружив то, насколько сильно ему хочется к ним присоединиться.

Конечно, Ллойд Симко и его напарник Тэо Прокопидес собирались провести свой великий эксперимент на БАК этим вечером; он мог бы расчистить свое расписание и пойти понаблюдать за этим, но всегда было что-то важное и срочное, и если бы он ходил смотреть на каждый запуск ускорителя, ему некогда было бы работать. Кроме того, ему нужно было подготовиться к встрече завтра утром с командой из Gec Alsthom и...

- Подбери это!

У Гастона Беранже не было сомнений по поводу того, где он: это был его дом, на правом берегу Женевского озера. Книжные стеллажи из IKEA были все теми же, так же, как и диван, и мягкое кресло. Но телевизора Sony и подставки, на которой он стоял, не было на месте. Вместо этого, на стене над тем местом, где раньше был телевизор, висело что-то вроде плоскопанельного монитора. На нем демонстрировалось международное соревнование по лакроссу. Одна команда была явно из Испании, но он не смог узнать другую команду, одетую в зелено-фиолетовую форму.

В комнату вошел молодой мужчина. Его Гастон тоже не узнал. На нем было что-то вроде черной кожаной куртки, и он бросил ее на край дивана, откуда она соскользнула на покрытый ковровым покрытием пол. Маленький робот, не больше коробки из-под обуви, выехал из-под стола и направился к упавшей куртке. Гастон ткнул в робота пальцем и рявкнул: "*Arrêt!*"⁵ Машинка замерла, потом, через мгновение, вернулась обратно под стол.

Молодой мужчина обернулся. На вид ему было девятнадцать или может быть двадцать лет. На его правой щеке было что-то похожее на анимированную татуировку в виде молнии; она пробежала через все лицо молодого человека за пять отдельных скачков, потом этот цикл повторялся снова и снова.

Когда он повернулся, стала видна левая сторона его лица... и это было ужасно, все мускулы и сосуды были видны снаружи, словно он химически обработал кожу так, что она стала прозрачной. Правая рука молодого человека была покрыта перчаткой из экзоскелета, превращавшей его пальцы в длинные механические пальцы, оканчивавшиеся блестящими хирургически острыми ногтями.

- Я сказал, подбери это! - резко сказал Гастон по-французски... или, по крайней мере, это был его голос; он не заметил, как произнес эти слова. - Пока я плачу за твою одежду, ты будешь, как следует с ней обращаться.

Молодой человек пристально смотрел на Гастона. Он был уверен, что не знает его, но он действительно был похож на... кого? Из-за жуткого полупрозрачного лица сказать было сложно, но высокий лоб, тонкие губы, эти холодные серые глаза, этот орлиный нос...

Выпущенные когти искусственно удлиненных пальцев с жужжанием втянулись, и парень поднял куртку, держа ее между искусственным большим и указательным пальцами так, словно это было нечто неприятное. Гастон проводил его взглядом, пока он шел через гостиную. За это время Гастон не мог не заметить, что многие другие детали были неправильными: привычный порядок на книжной полке совершенно изменился, как будто в какой-то момент кто-то переставил все совершенно по другому принципу. И действительно, книг было гораздо меньше, чем должно было быть, словно в семейной библиотеке была проведена чистка. Другой робот, похожий на паука, размером с растопыренную человеческую ладонь, пробирался через полки, похоже убирая пыль.

На стене, где раньше висела репродукция "*Мулен де ла Галетт*" Моне в раме, теперь была ниша, в которой стояло нечто похожее на скульптуры Генри Мура... но, нет, нет, там не может быть ниши, эта стена одновременно была стеной соседнего дома. Это должно быть на самом деле было нечто плоское, голограмма или что-то вроде того, висевшее на стене и создающее иллюзию глубины; если так, иллюзия эта была абсолютно идеальна.

Двери гардеробной тоже изменились; они сами собой разошлись, когда парень подошел к ним. Он протянул руку, достал вешалку и повесил на нее куртку. Потом он повесил вешалку в шкаф... и куртка соскользнула с нее на пол гардероба.

Голос Гастона снова ругнулся: "Черт возьми, Марк, ты не мог бы быть аккуратнее?"

Марк...

Марк!

*Mon Dieu*⁶!

Вот почему он выглядел знакомым!

Семейное сходство.

Марк. Имя, которое Мэри-Клэр и он выбрали для ребенка, которого она вынашивала.

Марк Беранже.

⁵ Остановись (фр.)

⁶ Мой Бог (фр.)

Гастон даже еще не держал ребенка на руках, не давал ему срыгнуть на свое плечо, не менял ему пеленки, а он уже стоял здесь, взрослый человек - пугающий и враждебный.

Марк посмотрел на упавшую куртку, его щека еще вспыхивала, но потом он просто отошел от шкафа, позволяя двери с шипением закрыться за ним.

- Черт возьми, Марк, - раздался голос Гастона. - Меня тошнит от твоего отношения. Ты никогда не найдешь работу, если будешь вести себя так.

- Да пошел ты, - ответил парень, его голос был глубоким, а тон - насмешлив.

Это были первые слова ребенка - не "мама", не "папа", а "пошел ты".

И, чтобы не осталось никаких сомнений, Мэри-Клэр вошла в поле зрения Гастона, появляясь из других раздвижных дверей. "Не говори так со своим отцом", - сказала она.

Гастон был захвачен врасплох; это без сомнений *была* Мэри-Клэр, но она была больше похожа на свою мать, чем на себя. Ее волосы были седыми, ее лицо - в морщинах, и набрала она добрых 15 килограмм.

- Пошла ты тоже, - ответил Марк.

Гастон предположил, что его голос возразит: "Не разговаривай так с матерью". Это не разочаровывало его.

Прежде чем Марк снова обернулся, Гастон успел заметить бритый затылок парня и металлическую пластину, имплантированную в него хирургическим путем.

Это должно быть галлюцинация. *Должно быть*. Но что за ужасная галлюцинация! Мэри-Клэр должна родить со дня на день. Они пытались завести ребенка несколько лет - Гастон был способен точно объединить электрон и позитрон, но почему-то он и Мэри-Клэр никак не могли объединить яйцеклетку и сперматозоид, которые в миллион раз больше, чем все эти элементарные частицы вместе взятые. Но наконец-то это случилось; наконец Бог улыбнулся им, и, в конце концов, она забеременела.

И теперь, наконец, девять месяцев спустя они скоро должны были родить. Все эти уроки у Ламазе, все это планирование, все эти договоренности с няньками... все это скоро должно было принести свои плоды.

И теперь этот сон; это должен быть сон. Просто кошмар. Трусость; ему приснился самый жуткий кошмар за всю жизнь как раз перед свадьбой. Почему с этим должно быть иначе?

Но *было* по-другому. Это было куда более реалистично, чем любой сон, который он когда-либо видел. Он подумал о переключателе на затылке своего сына; подумал о картинках, транслируемых напрямую в мозг - наркотик будущего?

- Отвяжись от меня, - сказал Марк. - У меня был плохой день.

- О, действительно? - ответил Гастон с сарказмом. - У тебя был тяжелый день, да? Тяжелый день, проведенный за запугиванием туристов в Старом Городе, да? Мне следовало оставить тебя гнить в тюрьме, ты неблагодарный панк...

Гастон был шокирован тем, что вел себя так похоже на своего собственного отца... все те слова, которые его отец говорил ему, когда он был в возрасте Марка, слова, которые, как он пообещал себе, он никогда не скажет своим детям.

- Ну, Гастон... - сказала Мэри-Клэр.

- Ну, если он не ценит того, что у него тут есть...

- Мне не нужно это дерьмо, - презрительно сказал Марк.

- Довольно! - резко оборвала Мэри-Клэр. - Достаточно.

- Я ненавижу вас, - произнес Марк. - Я ненавижу вас обоих.

Рот Гастона открылся для ответа, и потом...

... а потом, внезапно, он вернулся в свой офис в ЦЕРН.

После сообщений новостей обо всех смертях, Мичико Комуро немедленно вернулась в секретариат центра управления БАК. Она продолжала пытаться дозвониться до

школы в Женеве, куда ходила ее восьмилетняя дочь Тамико; Мичико была разведена со своим первым мужем, руководителем из Токио. Но все, чего она смогла добиться, это короткие гудки, и швейцарская телефонная компания по каким-то причинам не предлагала ей автоматически сообщить, когда линия освободится.

Ллойд стоял позади нее, пока она продолжала пробовать, но, в конце концов, она оглянулась на него, в ее глазах было отчаяние. "Я не могу прозвониться, - сказала она. - Я должна поехать туда".

- Я поеду с тобой, - сразу ответил Ллойд. Они выбежали из здания на теплый апрельский воздух, красное солнце уже касалось горизонта, горы неясно вырисовывались в дали.

Машина Мичико, "тойота", была припаркована рядом, но они взяли арендованный "фиат" Ллойда, Ллойд сел за руль. Они стали выезжать с территории ЦЕРН мимо возвышающихся цилиндрических резервуаров с жидким гелием, повернули на улицу Мейрин, которая вела в город Мейрин на востоке от ЦЕРН. Хотя они увидели несколько автомобилей на обочине, все выглядело не хуже, чем после одного из зимних ураганов, если, конечно, не считать того, что на земле не было снега.

Они быстро проехали через город. На небольшом расстоянии виднелся Женевский Аэропорт. Столбы черного дыма поднимались в небо; большой самолет Швейцарских авиалиний разбился на взлетно-посадочной полосе. "Боже мой, - произнесла Мичико. Она поднесла ладонь ко рту. - О, мой Бог".

Они приближались к Женеве, расположенной на самом западе от озера Леман. Женева - дорогая столица с 200 000 населением, известная своими ультра-шикарными ресторанами и чрезвычайно дорогими магазинами.

Знаки, которые обычно горели, погасли, и множество машин - большинство из них "мерседесы" и прочие дорогие марки - съехали с дороги и въехали в здания. Витрины нескольких магазинов были разбиты, но грабежей было не видно. Даже туристы, похоже, были слишком шокированы произошедшим, чтобы воспользоваться ситуацией.

Они заметили одну скорую, занимавшуюся пожилым человеком на обочине, были так же слышны сирены пожарных машин и прочих служб. В какой-то момент они увидели вертолет, застрявший в стеклянной стене небольшого офисного здания.

Они проехали по Машинному мосту через реку Рона, чайки летали над водой, покинув Правый Берег с его аристократическими отелями, и въехали на исторический Левый Берег. Проезд вокруг *Vieille Ville* - Старый Город - был заблокирован аварией из четырех машин, поэтому им пришлось изменить маршрут и поехать по узким, кривым улицам с односторонним движением. Проехав улицу Сите, они свернули на улицу Гранд. Но она тоже была заблокирована рейсовым автобусом, который потерял управление и сейчас занимал обе полосы. Они попробовали другую дорогу, Мичико нервничала все сильнее с каждой минутой, но и тут все было перегорожено разбитыми машинами.

- Как далеко до школы?- спросил Ллойд.

- Меньше километра, - ответила Мичико.

- Давай пойдем пешком. - Он вернулся на улицу Гранд и поставил машину на обочине. Там нельзя было парковаться, но Ллойд решил, что вряд ли в такой момент это вряд ли будет кого-то беспокоить. Они вышли из "фиата" и побежали в горку по мощеной улице. Через несколько шагов Мичико остановилась снять туфли на шпильках, чтобы бежать быстрее. Они побежали дальше, но вскоре им снова пришлось остановиться, чтобы надеть туфли обратно, так как они вышли на тротуар, покрытый осколками стекла.

Они поспешили вверх по улице Жан-Кальвин, мимо музея Барбье Мюллера, повернули на улицу Пуитс Сан Пьерри, и пронеслись мимо семисотлетнего дома-музея Тавель, старейшего частного дома в Женеве. Они лишь слегка замедлились, когда пробежали строгое здание Аудитории Кальвина, где однажды проповедовали Джон Кальвин и Джон Нокс.

С бешено колотящимися сердцами и сбившимся дыханием они продолжали бежать вперед. Справа от них был кафедральный собор Святого Петра и здание аукционного дома Кристи. Мичико и Ллойд поспешили через вытянутую площадь Бург де Фур, с ореолом из *cafés*⁷ на открытом воздухе и *pâtisseries*⁸ вокруг центрального фонтана. Многие туристы и женеvцы все еще лежали ничком на мостовых; другие сидели на земле, обрабатывая свои собственные царапины и синяки самостоятельно или с помощью других прохожих.

Наконец они добрались до территории школы на улице Шодронри. Школа Дукоммун была давно существующим учреждением, обслуживающим детей иностранцев, работающих в Женеве или рядом. Главные здания были старше двухсот лет, но несколько дополнительных строений были добавлены в последние десятилетия. Хотя уроки заканчивались в четыре вечера, до шести вечера были организованы дополнительные занятия, так что работающие родители могли оставить здесь детей на весь день, и хотя сейчас уже было почти семь вечера, большое количество детей все еще были здесь.

Мичико была не единственным родителем, который спешил сюда добраться. Окрестности были заполнены длинными тенями дипломатов, богатых предпринимателей и прочих родителей, чьи дети ходили в Дукоммун; десятки их обнимали детей и плакали от облегчения.

Здания выглядели целыми. Мичико и Ллойд, тяжело дыша, продолжили бежать через аккуратный двор. По давней традиции у входа школы были вывешены флаги каждой страны, откуда были ее учащиеся; в настоящее время Тамико была единственной зачисленной японкой, но флаг с восходящим солнцем развивался на весеннем ветру.

Они вошли в холл с прекрасными мраморными полами и стенами, обшитыми панелями из темного дерева. Кабинет директора был дальше направо, и Мичико последовала к нему. Дверь раздвинулась, открывая длинную деревянную перегородку, отделяющую секретаря от посетителей. Мичико подошла к перегородке и, несмотря на сбиваемое дыхание, начала: "Здравствуйте, я..."

- О, мадам Комуро, - произнесла женщина, появившаяся из кабинета. - Я пыталась вам дозвониться, но не смогла прорваться. - Она неуклюже остановилась. - Пожалуйста, входите.

Мичико и Ллойд прошли вдоль перегородки в кабинет. На столе стоял компьютер с подсоединенной к нему компактной клавиатурой.

- Где Тамико? - спросила Мичико.

- Пожалуйста, - ответила женщина. - Садитесь. - Она посмотрела на Ллойда. - Я мадам Северин, директор школы.

- Ллойд Симко, - ответил Ллойд. - Я жених Мичико.

- Где Тамико? - снова спросила Мичико.

- Мадам Комуро. Мне очень жаль. Я... - Она остановилась, сглотнула и продолжила. - Тамико была снаружи. Машина выскочила на парковку и... Мне так жаль.

- Как она? - спросила Мичико.

- Тамико умерла, мадам Комуро. Мы все... Я не знаю, что случилось, мы все потеряли сознание или что-то вроде этого. Когда мы пришли в себя, мы нашли ее.

У Мичико из глаз рекой лились слезы. У Ллойда защемило в груди. Мичико нашла кресло, упала в него и спрятала лицо в ладонях. Ллойд опустился на колени рядом с ней и обнял ее.

- Мне так жаль, - сказал Северин.

Ллойд кивнул: "Это не ваша вина".

Мичико продолжала рыдать, затем подняла голову, ее глаза покраснели. "Я хочу увидеть ее".

⁷ Кафе (фр.)

⁸ Кондитерские (фр.)

- Она все еще на парковке. Мне очень жаль... мы *вызвали* полицию, но они пока не приехали.

- Покажите мне, - попросила Мичико слабым голосом.

Северин кивнула, и они вывели их на задний двор. Несколько малышей стояли и смотрели на тело, оно и пугало и в то же время влекло их, как нечто неизведанное. Персонал был слишком занят детьми, которые были ранены, чтобы собрать всех подопечных обратно в школу.

Тамико лежала там... просто лежала. Не было никакой крови, ее тело казалось неповрежденным. Машина, которая, по-видимому, сбила ее, стояла в нескольких метрах под странным углом. На бампере была вмятина.

Мичико приблизилась метров на пять, а потом упала в изнеможении, громко плача. Ллойд поднял ее и обнял. Северин некоторое время была поблизости, но вскоре ее позвали другие родители, с другой проблемой.

Наконец, по просьбе Мичико, Ллойд подвел ее к телу. Он склонился над ней, почти ничего не видя из-за слез, с разрывающимся на части сердцем, и нежно убрал волосы с лица Тамико.

У Ллойда не находилось слов; что мог он сказать, чтобы утешить в такой момент? Они стояли там, обнявшись, наверное, около получаса, и все это время тело Мичико сотрясали рыдания.

3

Тэо Прокопидес проковылял по мозаичному полу коридора до своего маленького кабинета, стены которого были оклеены постерами комиксов: тут Гал Астерикс, там Рен и Стимпи, Багс Банни и Фред Флинстоун и Гага из Вага над столом.

У Тэо кружилась голова, он был совершенно сбит с толку. Хотя у него не было видения, похоже, у всех остальных оно было. И даже просто обморока было достаточно, чтобы он почувствовал себя не в своей тарелке. К этому надо было добавить ранения друзей и коллег и новости о смертях в Женеве и окрестных городах. Он был совершенно разбит.

Тэо знал, что люди считали его заносчивым и наглым... но он таким не был. Вовсе нет, по крайней мере, глубоко внутри. Просто он знал, что он хорош в том, чем занимается, и он знал, что пока другие говорили о своих мечтах, он упорно трудился день за днем, чтобы претворить свою мечту в жизнь. Но это... это заставило его засомневаться и утратить уверенность.

Сведения продолжали поступать. Сто одиннадцать человек погибли при крушении рейса Швейцар 797 в аэропорту Женевы. При обычных обстоятельствах при обычном крушении некоторые могли бы и выжить - но никто не поспешил эвакуироваться прежде чем самолет загорелся.

Тэо беспомощно опустился в свое черное вращающееся кожаное кресло. Он видел, как вдали поднимается дым; его окно выходило на аэропорт - чтобы получить кабинет с видом на Юрские горы, нужна была должность гораздо выше.

Они с Ллойдом не хотели причинить никому вреда. Черт, Тэо не мог даже примерно представить, что могло вызвать всеобщий обморок. Гигантский электромагнитный импульс? Но это определенно нанесло бы больший ущерб компьютерам, чем людям, а вся чувствительная аппаратура ЦЕРН, похоже, работала как обычно.

Тэо крутанул в кресле, когда сел в него; теперь он был спиной к открытой двери. Он не заметил, что кто-то вошел, пока не услышал, как мужчина откашливается.

Он повернул кресло и увидел Джейкоба Хоровитца, молодого аспиранта, который работал с Тэо и Ллойдом. У него была копна рыжих волос и куча веснушек.

- Это не ваша вина, - сказал Джейк сочувственно.

- Конечно, наша, - сказал Тэо так, словно это было совершенно очевидно. - Ясно, что мы не учли какой-то важный фактор, и...

- Нет, - твердо сказал Джейк. - Нет, правда. Это не ваша вина. Это никак не связано с ЦЕРН.

- Что? - Тэо сказал это так, словно не понял ни слова из сказанного Джейком.

- Пойдем в комнату отдыха для персонала.

- Я не хочу сейчас никого видеть и...

- Нет, давай, пошли. Там есть CNN и...

- Это уже попало в новости?

- Увидишь. Пошли.

Тэо медленно поднялся с кресла и пошел. Джейк жестом призвал его идти быстрее, и, наконец, Тэо почти побежал рядом с Джейком. Когда они пришли, в холле было, наверное, человек двадцать.

- ... Хелен Майклс с репортажем из Нью-Йорка. Слово тебе, Берни.

Строгое, покрытое морщинами лицо Бернарда Шоу заполнило экран телевизора высокой четкости. "Спасибо, Хелен. Как видите, - сказал он в камеру, - похоже, это глобальный феномен, что означает, что первоначальное предположение, о том, что это было какое-то чужеземное оружие, вряд ли верно, хотя конечно, возможность того, что это был террористический акт, сохраняется. Пока никакая сила не заявляла о своей ответственности и... о, готов австралийский репортаж, который мы обещали вам несколько минут назад".

Картина изменилась, теперь это был Сидней с белыми парусами оперного театра на заднем фоне, ярко светившимися на фоне темного неба. Репортер мужского пола стоял в центре кадра. "Берни, здесь в Сиднее пятый час утра. У нас нет кадров, чтобы проиллюстрировать то, что тут произошло. Сведения доходят медленно по мере того, как люди понимают, что то, что они пережили, не было уникальным. Много трагедий: мы слышали, что в городском госпитале умерла женщина, потому что в момент операции все, находившиеся в операционной, просто перестали работать на несколько минут. Так же мы слышали и историю об ограблении, которое расстроилось, потому что все участники - включая грабителя - одновременно упали без сознания ровно в два часа утра по местному времени. Грабитель, судя по всему, потерял сознание, ударившись головой о пол, и работник, очнувшийся раньше него, смог отобрать у него пистолет. У нас все еще нет четкого представления о числе жертв тут в Сиднее, не говоря уж обо всей Австралии".

- Пол, как насчет галлюцинаций? О них тоже сообщается?

Наступила небольшая пауза, пока вопрос Шоу проходил через спутники от Атлантиды до Австралии. "Берни, люди много говорят об этом, да. Мы не знаем, какой процент населения испытал галлюцинации, но, похоже, большой. У меня самого была чрезвычайно яркая".

- Спасибо, Пол. - Картинка за спиной Шоу сменилась на эмблему американского президента. - Президент Болтон, как нас проинформировали, обратится к нации через пятнадцать минут. Разумеется, CNN покажет прямую трансляцию его заявления. А пока у нас есть репортаж из Исламабада, Пакистан. Юсеф, ты на связи...?

- Видишь, - вполголоса сказал Джейк. - Это никак не связано с ЦЕРН.

Тэо был одновременно потрясен и чувствовал облегчение. Что-то случилось с целой планетой, конечно же, эксперимент не мог иметь такого эффекта.

И все же...

И все же, если это не было связано с экспериментом на БАК, то, что могло быть причиной? Были ли Шоу прав... было ли это какое-то оружие террористов? С момента

случившегося прошло всего чуть больше двух часов. Команда CNN демонстрировала потрясающий профессионализм; Тэо все еще не мог полностью прийти в себя.

Если отключить сознание всему человечеству сразу на две минуты, сколько будет жертв?

Сколько машин столкнулось?

Сколько самолетов разбилось? Сколько дельтапланов? Сколько парашютистов отключилось, не сумев дернуть вытяжной трос?

Сколько операций потерпели неудачу? Сколько *родов* пошли неправильно?

Сколько людей упало с лестниц?

Конечно, большинство самолетов вполне успешно могут лететь пару минут без вмешательства пилота, если только они в этот момент не садились или не взлетали. На спокойных дорогах машины, наверное, могут даже постепенно остановиться без риска аварии.

Но все же... все же...

- Удивительно то, - сказал Бернارد Шоу с экрана. - Что, насколько мы можем судить, все человечество потеряло сознание ровно в полдень по времени восточного побережья. Поначалу казалось, что время не было тем же самым, но мы сверили часы тех, кто доставлял сообщения с нашими здесь в центре CNN в Атланте, настроенными, само собой, по сигналу из Национального Института Стандартов и Технологии в Боулдере, Колорадо. С учетом немного неточных данных о времени у разных людей, мы обнаружили, что феномен произошел с точностью до секунды в полдень по восточному времени, и...

"С точностью до секунды", - подумал Тэо.

С точностью до секунды.

Господи Боже.

В ЦЕРН, конечно, используют атомные часы. И было запрограммировано, что эксперимент начнется точно в 17:00 по женевскому времени, это...

... это полночь в Атланте.

- У нас в гостях астроном Дональд Пурт из Технологического Института Джорджии, поскольку последние два часа он находится здесь, - сказал Шоу. - Он должен был быть гостем на программе "*CNN этим утром*", и нам повезло, что он уже в студии. Доктор Пурт выглядит немного бледным, пожалуйста, простите за это. Мы торопились отправить его в эфир, у него было шанса наложить грим. Доктор Пурт, спасибо, что согласились присоединиться к нам.

Пурт был мужчиной немного за пятьдесят с худым, осунувшимся лицом. Он действительно выглядел мертвенно-бледным под софитами студии... как будто не видел солнца со времен администрации Клинтона. "Спасибо, Берни".

- Доктор Пурт, расскажите нам еще раз, что произошло?

- Ну, как вы заметили, феномен произошел ровно в полдень. Конечно, в каждом часе 3600 секунд, так что шансы возможности того, что событие произойдет точно в тот момент, когда стрелки часов находятся на верху - если использовать фразы, которые вы, медийщики, любите - один из 3600. Другими словами, ничтожно малы. Что дает мне возможность подозревать, что мы имеем дело с антропогенным происшествием, с чем-то, что произошло *по графику*. Но относительно того, что было этому причиной, я без понятия...

- Проклятье, - подумал Тэо. - Черт возьми. Это должно быть эксперимент на БАК; это не могло быть совпадением, чтобы самое высокоэнергетичное столкновение частиц в мировой истории произошло точно в тот же момент, что и начало феномена.

Нет. Нет, это не честно. Это был не феномен; это был *бедствие*... возможно, самое большое в истории человечества.

И он, Тэо Прокопидес, так или иначе, стал его причиной.

В этот момент в комнату отдыха вошел Гастон Беранже, генеральный директор ЦЕРН. "Вот ты где!" - сказал он, как будто отсутствовал несколько недель.

Тэо обменялся нервным взглядом с Джейком и повернулся к генеральному директору: "Здравствуйте, доктор Беранже".

- Что, черт возьми, вы натворили? - сердито спросил Беранже на французском языке. - И где Симко?

- Ллойд и Мичико уехали за дочерью Мичико... она в школе Дукоммун.

- Что случилось? - снова сердито спросил Беранже.

Тэо развел руками. "Без понятия. Не могу представить, что могло послужить этому причиной".

- Это... *чтобы это ни было* произошло точно в то время, когда было запланировано начало вашего эксперимента на БАК, - сказал Беранже.

Тэо кивнул и показал пальцем на телевизор. "Так Бернард Шоу говорил".

- Это на CNN! - завопил француз, как будто все было потеряно. - Как они узнали о вашем эксперименте?

- Шоу ничего не упоминал про ЦЕРН. Он просто...

- Слава богу! Слушайте, никому ничего не говорите о том, чем вы занимались, понятно?

- Но...

- Ни слова. Ущерб, несомненно, идет на миллиарды, если не на триллионы. Наша страховка не покрывает и малую часть этого.

Тэо не знал Беранже хорошо, но, несомненно, все научные руководители во всем мире были сделаны из одного теста. И то, как Беранже рассуждал о судебной ответственности, заставило молодого грека увидеть все в иной перспективе. "Черт возьми, у нас не было никакой возможности узнать, что случится такое. Нет такого эксперта, который смог бы заявить, что можно было предвидеть такие последствия нашего эксперимента. Но произошло *нечто*, с чем мы никогда раньше не сталкивались, и мы единственные, кто имеет хоть какое-то представление о том, что стало причиной произошедшего. Мы должны провести расследование".

- Конечно, мы проведем расследование, - сказал Беранже. - У меня уже более сорока инженеров в туннеле. Но мы должны быть осторожны, и не только ради ЦЕРН. Думаете, никто не подаст исков лично и коллективно против каждого члена вашей команды? Не важно, насколько непредсказуем был такой результат, найдутся те, кто скажут, что это было следствием преступной халатности, и мы должны понести личную ответственность.

- Индивидуальные иски?

- Именно так. - Беранже повысил голос. - Все! Все, прошу внимания!

Лица присутствующих обратились к нему.

- Вот как мы поступим с этой проблемой, - сказал он, обращаясь к группе. - Никаких упоминаний о возможной роли ЦЕРН вне этих стен. Если поступит письмо или телефонный звонок с запросом об эксперименте на БАК, который должен был быть пройти сегодня, отвечайте, что запланированный запуск был отложен до 17.30 из-за компьютерной неисправности, и что после того, что случилось, что бы это ни было, эксперимент вообще сегодня проведен не был. Это ясно? Кроме того, никаких контактов с прессой; вся информация должна проходить через службу связи с прессой, понятно? И ради бога, никто не должен запускать БАК снова без моего письменного разрешения. Это ясно?

Люди согласно кивали.

- Мы справимся с этим, - сказал Беранже. - Я вам обещаю. Но нам придется работать вместе. - Он понизил голос и снова повернулся к Тэо. - Я хочу получать ежедневные отчеты о том, что вам удалось выяснить. - Он повернулся, чтобы уйти.

- Подождите, - сказал Тэо. - Не могли бы вы поручить одному из секретарей смотреть CNN? Кто-то должен отслеживать все новости, на случай если всплывет что-то важное.

- Доверьтесь мне, - сказал Беранже. - Я поручу людям отслеживать не только CNN, но международную трансляцию BBC, французский новостной канал, новости CBS и вообще все, что мы принимаем со спутника, мы будем все записывать. Я хочу точные записи репортажей о происходящем; я не хочу, чтобы кто-нибудь после завысил размер ущерба.

- Меня больше интересуют идеи насчет того, что послужило причиной феномена, - сказал Тэо.

- Мы будем отслеживать и это тоже, конечно же, - сказал Беранже. - Помните, информируйте меня в начале каждого часа.

Тэо кивнул, и Беранже ушел. Пару секунд Тэо тер виски. Черт, хотелось бы ему, чтобы Ллойд был здесь. "Что ж, - в конце концов, сказал он Джейку, - думаю, мы должны начать полную проверку каждой системы в центре управления; если что-то сработало не как надо, мы должны это выяснить. И давайте соберем команду вместе и посмотрим, что мы можем выяснить о галлюцинациях".

- Я могу собрать некоторых людей, - сказал Джейк.

Тэо кивнул. "Хорошо. Воспользуемся большой переговорной на втором этаже".

- Ладно, - сказал Джейк. - Я приду туда как можно скорей.

Тэо кивнул, и Джейк ушел. Он знал, что ему нужно действовать, но какое-то время он просто стоял тут, все еще ошарашенный случившимся.

Мичико смогла взять себя в руки достаточно для того, чтобы попытаться дозвониться до отца Тамико в Токио... хотя там не было еще и четырех утра... но все телефонные линии были заняты. Такие сообщения не посылают по электронной почте, но если какая-то система международной связи и работала, то это интернет, это дитя холодной войны, созданное совершенно децентрализованным, так, чтобы вне зависимости от того, сколько его звеньев разрушено вражескими бомбами, сообщения все равно продолжали бы доходить. Она воспользовалась одним из школьных компьютеров и послала сообщение по-английски - у нее была *кандзи* клавиатура в ее квартире, но тут такой не нашлось. Правда, Ллойд пришлось самому отправить сообщение: Мичико снова разрыдалась, когда пыталась кликнуть на нужную кнопку.

Ллойд не знал, что сказать или сделать. Обычно смерть ребенка - самая большая беда, которая может произойти с родителем, но, ну, несомненно, Мичико была не единственной, кто переживал сегодня такую трагедию. Произошло так много смертей, так много травм, так много разрушений. Происходящий ужас конечно ни на каплю не облегчает потерю Тамико, но...

... но есть вещи, которые нужно сделать. Возможно, Ллойд никогда не должен был покидать ЦЕРН; в конце концов, его с Тэо эксперимент, возможно, стал причиной всего этого. Несомненно, он сопровождал Мичико не только из-за любви к ней и беспокойства о Тамико, но также и потому, что, по крайней мере, частично он захотел убежать от того, что могло пойти не так.

Но сейчас...

Сейчас они должны вернуться в ЦЕРН. Если кто-то и сможет выяснить, что произошло - не только здесь, но и по всему миру, как следовало из радиосообщений и подслушанных им замечаний других родителей - это будут люди из ЦЕРН. Они не могли ждать, пока скорая приедет и заберет тело - это может занять часы или дни. Сами они тоже по закону не могли убрать тело, пока полиция не осмотрела его, хотя казалось крайне маловероятным, что водитель может быть признан ответственным.

В конце концов, вернулась мадам Северин, и предложила, что она сама и ее персонал позаботятся об останках Тамико до прихода полиции.

Лицо Мичико было опухшим и красным и в глазах полопались сосуды. Она столько проплакала, что у нее не осталось сил, но каждые несколько минут ее тело вздрагивало, словно она все еще всхлипывала.

Ллойд тоже любил маленькую Тамико... она стала бы его приемной дочерью. Он провел столько времени, утешая Мичико, что у него еще не было возможности поплакать самому; он знал, что это придет позже... но сейчас, *прямо сейчас*, он должен быть сильным. Указательным пальцем он нежно приподнял лицо Мичико за подбородок. У него уже готовы были слова... долг, ответственность, работа, которую надо выполнить, мы должны идти... но Мичико и сама была по-своему сильной, и мудрой, и удивительной, и он любил ее до глубины души, и произносить заготовленные слова не потребовалось. Она нашла силы коротко кивнуть, ее губы дрожали. "Я знаю, - сказала она по-английски тонким, осипшим голосом. - Я знаю, нам надо возвращаться в ЦЕРН".

Он помогал ей идти, одной рукой обняв ее за талию, другой поддерживая ее за локоть. Вой сирен не прекращался - скорые, пожарные, полицейский машины, гудящие и завывающие на переключающихся частотах, стали постоянным фоном сразу после того, как случился феномен. Они добрались обратно до машины Ллойда в вечернем сумраке... многие уличные фонари вышли из строя... и поехали по заполненным мусором улицам в ЦЕРН, Мичико всю дорогу сидела, обхватив себя руками.

Пока они ехали, Ллойд на мгновение вспомнил о случае, про который ему однажды рассказывала его мать. Он был еще малышом, слишком маленьким, чтобы помнить это самому: ночь, в которую отключили свет, большое отключение света на восточном побережье Северной Америки в 1965 году. Электричества не было несколько часов. Его мать была с ним дома одна в ту ночь; она сказала, что все, кто пережил это невероятное отключение, на всю оставшуюся жизнь запомнили, где именно они находились в момент, когда отключился свет.

Так будет и на этот раз. Каждый человек запомнит, где он был, когда наступила тьма - тьма другого рода.

Каждый из тех, кто выжил, конечно.

4

К моменту возвращения Ллойда и Мичико, Джейк и Тэо собрали группу сотрудников БАК в комнате совещаний на втором этаже центра управления.

Большая часть сотрудников ЦЕРН жила или в швейцарском городке Мейрин (который граничил с восточной границей городка ЦЕРН), или в Женеве - в дюжине километров дальше, или во французских городах Сен-Жени и Туаре, к северо-западу от ЦЕРН. Но они приехали сюда со всех концов Европы и остального мира. Среди дюжины лиц, обращенных сейчас к Ллойд, не было одного похожего на другое. Мичико тоже присоединилась к группе, но выглядела отстраненной, взгляд ее был устремлен в пустоту. Она просто сидела в кресле, медленно качаясь взад и вперед.

Ллойд как руководитель проекта взял инициативу в ведении совещания на себя. Он переводил взгляд с одного человека на другого. "Тэо рассказал мне, что сообщили по CNN. Полагаю, точно установлено, что по всему миру у людей были разнообразные видения. - Он прервался, чтобы сделать глубокий вдох. Фокус, цель... вот, что ему сейчас было необходимо. - Давайте посмотрим, сможем ли мы точно установить, что произошло. Может, пойдем по кругу? Не вдавайтесь в детали; просто каждый в одном предложении расскажите о том, что вы видели. Если не возражаете, я буду записывать, хорошо? Олаф, может, начнем с тебя?"

- Конечно, давайте, - ответил мускулистый блондин. - Я был в загородном доме своих родителей. У них есть шале около Сандсвалла.

- Другими словами, - сказал Ллойд, - в месте, которое тебе хорошо знакомо?

- О, да.

- И насколько точным было это видение?

- Очень точным. Все было именно таким, как я помню.

- Был ли в твоём видении еще кто-то кроме тебя?

- Нет. Что было несколько странно. Единственное, зачем я туда езжу, это повидать родителей, а их там не было.

Ллойд подумал о состарившейся версии самого себя, которую он видел в зеркале.

- А ты ... видел ли ты самого себя?

- Ты имеешь в виду в зеркале или вроде того? Нет.

- Хорошо, - сказал Ллойд. - Спасибо.

Женщина рядом с Олафом была среднего возраста и чернокожая. Ллойд почувствовал себя неуютно; он знал, что *должен* помнить ее имя, но не помнил. В конце концов, он просто улыбнулся и сказал: "Следующий".

- Я была в центре города Найроби, я думаю, - сказала женщина. - Ночью. Был теплый вечер. Я думала, это была улица Динезен, но она выглядела слишком плотно застроенной, чтобы быть ею. И там был Макдональдс.

- Разве в Кении нет Макдональдсов? - спросил Ллойд.

- Конечно, есть, но... знак *говорил*, что это был Макдональдс, но логотип был неправильный. Понимаете, вместо золотых изгибов была обычная буква М, с совершенно прямыми линиями... очень современного вида.

- Итак, видение Олафа было видением места, в котором он часто бывал, но вы видели место, где раньше не были или, по крайней мере, не видели?

Женщина кивнула: "Думаю, это так".

Мичико была в четырех шагах дальше по кругу. Ллойд не мог сказать, воспринимает ли она происходящее или нет.

- Как насчет тебя Франко? - спросил Ллойд.

Франко де ла Роббиа пожал плечами. "У меня это был Рим, ночью. Но... я не знаю... на самом деле, должно быть это была какая-то видеоигра. Что-то вроде виртуальной реальности".

Ллойд наклонился вперед. "Почему ты так говоришь?"

- Потому что это, и, правда, был Рим. Судя по Колизею. И я вел машину... вот только я не совсем вел ее, если быть точным. Машина вроде как управлялась сама по себе. И я не уверен, насчет той машины, в которой сидел я, но многие машины *парили* где-то в двадцати сантиметрах над землей. - Он пожал плечами. - Как я и говорил, что-то вроде симуляции.

Свен и Антония, которые сегодня уже упоминали летающие машины, энергично закивали в ответ. "Я видел то же самое, - сказал Свен. - Ну, не Рим... но я видел летающие машины".

- И я, - сказала Антония.

- Потрясающе, - сказал Ллойд. Он повернулся к своему юному аспиранту, Джейк-бу Хоровитцу. - Джейк, что ты видел?

Голос Джейка был тонкий и гнусавый. Он нервно прошелся веснушчатыми пальцами по своим рыжим волосам. "Помещение очень сложно описать. Какая-то лаборатория. Желтые стены. Правда, на одной из стен была периодическая таблица, названия были написаны на английском. И там была Карли Томпкинс".

- Кто? - спросил Ллойд.

- Карли Томпкинс. По крайней мере, я думаю, что это была она. Она выглядела гораздо старше, чем когда я последний раз ее видел.

- Кто такая Карли Томпкинс?

Ответ пришел не от Джейка, а от Тэо Прокопидеса, сидевшего дальше по кругу. "Ты должен ее знать, Ллойд, она тоже из Канады. Карли исследует мезоны, и последний раз, когда я о ней слышал, она работала в TRIUMF."

Джейк кивнул. "Так и есть. Я встречал ее всего пару раз, но я вполне уверен, что это была она".

Антония, которая была следующей на очереди, вопросительно подняла брови. "Если Джейк видел Карли, интересно, видела ли Карли Джейка?"

Все, заинтригованные, посмотрели на итальянку. Ллойд слегка пожал плечами. "Есть только один способ узнать. Мы можем ей позвонить. - Он посмотрел на Джейка. - У тебя есть ее номер?"

Джейк покачал головой. "Как я сказал, я ее почти не знаю. Мы встречались на нескольких семинарах на последней встрече Американского Общества Физиков, и я был на ее докладе по хромодинамике".

- Если она член АОФ, - сказала Антония. - То она будет в справочнике. - Она плавной походкой прошла через комнату и порылась на полке пока не нашла тонкую книгу в простой картонной обложке. Она пролистала страницы. - Вот она, - сказала Антония. - Домашний и рабочий телефоны.

- Я... э, я не хочу ей звонить, - сказал Джейк.

Ллойд был удивлен его сопротивлением, но не стал настаивать. "Все в порядке. Тебе в любом случае не стоило бы с ней говорить. Я хочу увидеть, назовет ли она твое имя по собственному почину".

- Вы можете и не прозвониться, - сказал Свен. - Телефонные линии забиты из-за людей, пытающихся связаться с родственниками и друзьями... не говоря уже о линиях, разрушенных автомобилистами.

- Стоит попытаться, - сказал Тэо. Он встал, прошел через комнату и взял у Антонии справочник. Но потом он посмотрел на телефон и снова посмотрел на номера в справочнике. - Как отсюда звонить в Канаду?

- Так же как и в США, - ответил Ллойд. - Код страны тот же: ноль - один.

Палец Тэо заскакал по кнопкам телефона, вводя длинный набор цифр. Потом, чтобы аудитория знала, что происходит, он поднимал палец за пальцем, чтобы отметить, сколько гудков прошло. Один. Два. Три. Четыре...

- О, здравствуйте. Будьте добры, Карли Томпкинс. Здравствуй, доктор Томпкинс. Я звоню из Женевы, из ЦЕРН. Послушайте, нас тут целая группа. Ничего если я включу громкую связь?

Заспанный голос ответил: "...как хотите. В чем дело?"

- Мы хотим знать, что вы видели, когда отключились.

- Что? Это какой-то розыгрыш?

Тэо посмотрел на Ллойда. "Она не знает, - Ллойд прокашлялся и потом заговорил. - Доктор Томпкинс, это Ллойд Симко. Я тоже из Канады, только я был с группой D-Zero в Фермилаб до 2007, а последние два года провел тут, в ЦЕРН. - Он замолчал, не зная, что говорить дальше. А потом спросил. - Сколько у вас там времени?"

- Полдень, чуть позже. - Раздался звук подавляемого зевка. - Сегодня мой выходной, я отсыпаюсь. В чем дело?

- То есть вы сегодня еще не просыпались?

- Нет.

- У вас в комнате есть телевизор? - спросил Ллойд.

- Да.

- Включите его. Посмотрите новости.

Она была раздражена. "Вряд ли я смогу посмотреть швейцарские новости тут в Британской Колумбии".

- Это не должны быть швейцарские новости. Включите любой новостной канал.

Вся комната слышала, как Томпкинс тяжело вздохнула в трубку телефона: "Хорошо. Подождите секунду".

Они услышали на заднем фоне какое-то бормотание, судя по всему новостного канала CBS. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Томпкинс вернулась к телефону.

- Боже мой! - сказала она в трубку. - Боже мой.

- Но вы все это время проспали? - спросил Тэо.

- Боюсь, что да, проспала, - ответил голос с другого конца света. Она на секунду замолчала. - Почему вы мне позвонили?

- Новости, которые вы смотрели, еще не упоминали видения?

- Джоэл Готлиб как раз сейчас об этом говорит, - сказала она, судя по всему имея в виду канадского ведущего новостей. - Звучит безумно. В любом случае, со мной ничего такого не произошло.

- Хорошо, - сказал Ллойд. - Простите, что разбудили вас, доктор Томпкинс. Мы...

- Стойте, - сказал Тэо. Ллойд посмотрел на молодого мужчину. - Доктор Томпкинс, меня зовут Тэо Прокопидес. Мы встречались, думаю, раз или два на конференциях.

- Если вы так говорите, - отозвался голос Томпкинс.

- Доктор Томпкинс, - продолжал Тэо. - Я, как и вы... Я тоже ничего не видел. Ни видений, ни снов, ничего.

- Снов? - спросил голос Томпкинс. - Ну, теперь, когда вы это упомянули, полагаю, я видела сон. Забавно, что он был цветной... Я никогда не вижу цветных снов. Но я помню парня, который там был, с рыжими волосами.

Тэо выглядел расстроенным... он явно был рад обнаружить, что он не одинок. Но у остальных брови взлетели вверх и все обернулись посмотреть на Джейку.

- И не только волосы, - сказала Карли, - нижнее белье у него тоже было красным.

Юный Джейк тут же сам стал именно такого цвета.

- Красное нижнее белье? - повторил Ллойд.

- Именно так.

- Вы знаете этого человека? - спросил Ллойд.

- Нет, не думаю.

- Он вам не напомнил никого, с кем вы раньше встречались?

- Не думаю.

Ллойд пододвинулся поближе к микрофону.

- Как насчет... насчет *отца* кого-нибудь из тех, кого вы встречали раньше? Не выглядел ли он похожим на чьего-нибудь отца?

- К чему вы клоните? - спросила Томпкинс.

Ллойд вздохнул, потом оглядел комнату, чтобы посмотреть, не будет ли кто-нибудь против того, чтобы он продолжил. Никто не возражал.

- Имя Джейкоба Хоровитца что-нибудь вам говорит?

- Нет... хотя, подождите. О, да. Точно, точно. *Вот кого* он мне напоминал. Да, это был Джейкоб Хоровитц, но Бог мой, ему стоит лучше за собой следить. Он выглядел так, словно постарел на десятилетия с тех пор, как я последний раз его видела.

Антония охнула. Ллойд чувствовал, что его сердце бешено колотится. "Послушайте, - сказала Карли. - Я хочу убедиться, что с моей семьей все в порядке. Мои родители в Виннипеге... Мне надо идти".

- Можем мы вам перезвонить попозже? - спросил Ллойд. - Видите ли, Джейкоб Хоровитц тут с нами, и его видение, похоже, совпадает с вашим... что-то вроде того. Он сказал, что он был в лаборатории, но...

- Да, правильно. Это была лаборатория.

В голосе Ллойда послышалось недоверие.

- И он был в нижнем белье?

- Ну не в конце видения... Послушайте, мне надо идти.

- Спасибо, - сказал Ллойд. - До свидания.

- До свидания.

Из динамика раздался швейцарский гудок свободной линии. Тэо потянулся и выключил его.

Джейкоб Хоровитц все еще выглядел до крайности смущенным. Ллойд хотел было сказать ему, что, наверное, половина всех физиков хотя бы однажды занимались этим в лаборатории, но парень выглядел так, словно у него случится нервный срыв, если кто-то скажет ему сейчас хоть что-нибудь. Ллойд снова оглядел собравшихся. "Хорошо, - сказал он. - Хорошо. Я сам это скажу, потому что я знаю, что вы все об этом думаете. Что бы ни произошло, оно вызвало эффект перемещения во времени. Видения не были галлюцинациями, это действительно был взгляд в будущее. Тот факт, что Джейкоб Хоровитц и Карли Томпкинс оба, судя по всему, видели одно и то же, однозначно на это указывает".

- Но видение Рауля было психоделическим, разве не так кто-то сказал? - спросил Тэо.

- Да, - сказал Рауль. - Как сон или что-то вроде того.

- Как сон, - повторила Мичико. Ее глаза были все еще красными, но она реагировала на окружающую действительность.

Впрочем, это было все, что она сказала, но через мгновение Антония уловила ее намек и продолжила развивать идею.

- Мичико права, - сказала итальянка. - Никакой загадки... в какой-то момент в будущем, куда нас перенесли видения, Рауль будет спать, и действительно видеть сон.

- Но это безумие, - сказал Тэо. - Послушайте, у меня не было никакого видения.

- А что у тебя *было*? - спросил Стен, который не слышал, как Тэо описывал это раньше.

- Это было... не знаю, как пауза, что ли. Неожиданно, оказалось на две минуты позже; я не почувствовал, что прошло время, и у меня не было ничего похожего на видение. - Тэо защитным жестом скрестил руки на своей широкой груди. - Как вы это объясните?

В комнате воцарилась тишина. По выражениям боли, появившимся на многих лицах, Ллойд понял, что они тоже это поняли, но никто не хочет высказаться вслух. Наконец, Ллойд слегка пожал плечами. "Просто, - сказал он, глядя на великолепного, высокомерного, двадцатисемилетнего партнера. - Через двадцать лет... или насколько там лет вперед нас перенесли видения..., - Он ненадолго замолчал, потом развел руки. - Мне жаль, Тэо, но через двадцать лет ты будешь мертв".

5

Видение, о котором Ллойд больше всего хотел узнать, было видением Мичико. Но она все еще была – и, несомненно, продолжит оставаться еще долгое время - не в себе. Когда очередь по кругу дошла до нее, Ллойд пропустил ее. Как бы ему хотелось просто забрать ее домой, но вне всяких сомнений сейчас ей лучше было не оставаться одной, и не было никакой возможности ни у Ллойда, ни у кого-то еще, бросить все, чтобы побыть с ней.

Прочие видения, собранных в комнате для совещаний людей, не пересекались друг с другом - не было никаких признаков того, что они были видением одной реальности и одного и того же времени, хотя было похоже на то, что почти все наслаждались или отпуском или выходным. Но оставалась проблема Джейка Хоровитца и Карли Томпкинс - между ними было почти полмира и все-таки они, похоже, видели друг друга. Конечно, это

могло быть совпадением. И все же, если видения совпадали, не только в общих чертах, но в мельчайших деталях, то это *было бы* очень существенно.

Ллойд и Мичико вернулись в кабинет Ллойда. Мичико свернулась в плотный клубок в одном из кресел, и укрылась ветровкой Ллойда как одеялом. Ллойд взял со стола наушники от переговорного устройства и позвонил. "*Bonjo*,- сказал он. *La police de Genève? Je m'appelle Lloyd Simcoe; je suis avec CERN*".⁹

- *Oui, Monsieur Simcoe*¹⁰ - ответил мужской голос. Он переключился на английский; швейцарцы часто так делали в ответ на акцент Ллойда. - Чем мы можем вам помочь?

- Я знаю, что вы ужасно заняты...

- Это еще мягко сказано, *monsieur*¹¹. Мы, как вы говорите, увязли насмерть.

"*Вас засосало насмерть*", - подумал Ллойд.

- Но я надеюсь, что какой-нибудь из ваших специалистов по допросам свободен. У нас есть теория о видениях и нам нужна помощь профессионала в снятии показаний.

- Я соединю вас с нужным отделом, - ответил голос.

Пока его соединяли, в дверь кабинета просунул голосу Тэо. "Международный канал ВВС сообщает, что у многих людей были совпадающие видения, - сказал он. - Например, многие женатые пары, даже если они не находились в одной комнате в момент всеобщего отключения, сообщили о похожих переживаниях".

Ллойд кивнул в ответ на эту информацию. "Все же остается возможность сговора, я полагаю, ради неких целей, или, оставив в стороне Карли и Джейка, возможность, что синхронизация видений была локальным феноменом. Но..."

Он не сказал этого вслух... в конце концов, он разговаривал с Тэо, у которого не было видения. Но если Карли Томпкинс и Джейкоб Хоровитц - она в Ванкувере, он рядом с Женовой - действительно видели одно и то же, тогда практически не остается сомнений, что видения были видением общего будущего, мозаической картиной завтрашнего дня... дня, в котором не было места для Тэо Прокопидеса.

- Расскажите мне о комнате, в которой вы находились, - произнесла проводящая допрос женщина, швейцарка средних лет. Перед ней была мини-клавиатура, сама она была одета в свободную спортивную рубашку; последний раз считавшуюся модной в конце 1980х, они снова набирали популярность.

Джейкоб Хоровитц закрыл глаза, отключаясь от помех, пытаясь вспомнить каждую деталь. "Это была некая лаборатория. Желтые стены. Лампы дневного света. Пластиковые покрытия столов. Периодическая таблица на стене".

- И в лаборатории был кто-то еще?

Джейк кивнул. Боже, ну почему допрашивающей должна была оказаться женщина? "Да. Там была женщина... белая женщина, с темными волосами. На вид ей было около сорока пяти или вроде того".

- И что на ней было надето, на этой женщине?

Джейк судорожно сглотнул. "Ничего..."

Швейцарский специалист по проведению допросов удалилась, и Ллойд с Мичико занялись сверкой рассказов Джейкоба и Карли об их видениях; Карли согласилась на допрос в полиции Ванкувера, и конспект этой беседы электронной почтой был переслан в ЦЕРН.

За прошедшие часы Мичико немного оживилась. Она явно старалась сконцентрироваться, старалась двигаться дальше, помочь в борьбе с глобальным кризисом, но раз в

⁹ Здравствуйте, - ... - Полиция Женевы? Меня зовут Ллойд Симко. Я работаю в ЦЕРН. (фр.)

¹⁰ Да, мистер Симко. (фр.)

¹¹ Господин (фр.)

несколько минут она словно увядала, и глаза ее увлажнялись. И все же она смогла прочитывать оба транскрипта, не намочив бумаги.

- Нет никаких сомнений, - сказала она. - Они совпадают во всех деталях. Они были в одной и той же комнате.

Ллойд попытался слегка улыбнуться. "Дети, - сказал он. Он знал Мичико всего два года; они никогда не занимались любовью в лаборатории - но когда он был аспирантом, Ллойд и его тогдашняя девушка Памела Риджли, несколько раз зажигали на лабораторных стойках в Гарварде. Но тут он встряхнул головой от удивления. - Видение будущего. Потрясающе. - Он помолчал. - Могу себе вообразить, что найдутся люди, которые на этом разбогатеют".

Мичико слегка пожала плечами. "Возможно, в конечном итоге. Те, кому случилось смотреть на репортажи о рынке акций в будущем, могут разбогатеть - через десятилетия. Результата придется ждать долго".

Ллойд немного помолчал, потом сказал: "Ты пока не рассказала мне, что ты видела, о чем было твое видение".

Мичико отвела взгляд. "Нет, - сказала она. - Не рассказала".

Ллойд нежно коснулся ее щеки, но ничего не сказал.

- В тот момент... в тот момент, когда у меня было это видение, оно казалось прекрасным, - начала она. - Я имею в виду, я растерялась и не вполне понимала, что происходит. Но само видение было радостным. - Она слабо улыбнулась. - Только теперь, после того, что случилось...

И снова Ллойд не стал настаивать. Он сидел, терпеливо ожидая.

- Была поздняя ночь, - наконец сказала Мичико. - Я была в Японии; Я уверена, что это был японский дом. Я была в спальне маленькой девочки, сидела на краю ее кровати. И эта девочка, лет семи или восьми, сидела в постели и разговаривала со мной. Она была красивой девочкой, но она не была... не была...

Если видения были видениями будущего через десятилетия вперед, конечно она не была Тамико. Ллойд мягко кивнул, избавляя ее от необходимости закончить мысль. Мичико всхлипнула. "Но... но она была моей дочерью, должна была быть. Дочерью, которую я еще не родила. Она держала меня за руку и называла меня *okaasan*, это мамочка по-японски. Как будто бы я укладывала ее спать, желала ей спокойной ночи".

- Твоя дочь... - сказал Ллойд.

- Ну, наша дочь, я уверена, - сказала Мичико. - Твоя и моя.

- Что ты делала в Японии? - спросил Ллойд.

- Не знаю, навещала семью, наверное. Мой дядя Масайуку живет в Киото. Не считая того факта, что у нас была дочь, я вообще не заметила, что это все было в будущем.

- Этот ребенок, она... - Ллойд оборвал себя.

Вопрос, который он хотел задать, был невежливым, грубым. "У нее были раскосые глаза?" Или возможно он вовремя спохватился бы и сформулировал это более элегантно: "У нее была веконосная складка?" Но Мичико не поняла бы. Она подумала бы, что вопрос Ллойда вызван предрассудками, какими-нибудь глупыми предубеждениями против смешения рас. Но он не был. Ллойд было совершенно все равно, будут ли их дети в итоге иметь больше восточного или западного в их внешности. Они, разумеется, могли бы оказаться и такими, и эдакими, или смесью, и он любил бы их точно так же, предполагая конечно...

Предполагая, конечно, что это были бы *его* дети.

Видения, судя по всему, относились к моменту времени на два десятилетия дальше в будущем. И в его видении, о котором он еще не рассказал Мичико, он был где-то, возможно в Новой Англии, с другой женщиной. С белой женщиной. И Мичико была в Киото, в Японии, с дочерью, которая могла быть азиаткой или европеоидной или чем-то средним, все в зависимости от того, кто был ее отцом.

- *Этот ребенок, она была...*

- Она была что? - спросила Мичико.

- Ничего, - сказал Ллойд, отвернувшись.

- Как насчет твоего видения? - спросила Мичико. - Что ты видел?

Ллойд глубоко вздохнул. Когда-нибудь ему придется рассказать ей, рассудил он, и...

- Ллойд, Мичико - вам стоит спуститься в комнату отдыха. - Это был голос Тэо; он только что снова просунул голову в дверь. - Мы только что записали кое-что с CNN, что вам стоит увидеть.

Ллойд, Мичико и Тэо вошли в комнату отдыха. Там уже было четыре человека. Беловолосый Лу Вотерс скакал вверх вниз по экрану телевизора; видеомагнитофон в комнате отдыха был стареньким - кто-то из персонала отдал свой старый - и в нем не было нормальной паузы.

- А, хорошо, - сказал Рауль, когда они вошли. - Посмотрите на это.

Он нажал кнопку паузы на пульте и Вотерс вернулся к жизни.

- ...Дэвид Хаусман расскажет об этом подробнее. Дэвид?

Картинка сменилась, теперь на экране был репортер CNN Дэвид Хаусман, стоявший напротив стены с античными часами - даже выпуская в эфир срочную новость, CNN все равно прилагала усилия, чтобы сделать картинку интересной.

- Спасибо, Лу, - сказал Хаусман. - Видения большинства людей, конечно, не содержали ссылок на время и дату, но достаточное количество людей оказалось в помещениях с часами или календарями на стене, или читающими электронные газеты - похоже бумажных уже не осталось - чтобы мы смогли установить дату. Похоже, видения относились к моменту, отстоящему на двадцать один год, шесть месяцев, два дня и два часа от момента, когда они были увидены: видения отображали период с 2:21 до 2:23 часов вечера по восточному времени в среду, 23 октября 2030 года. Это если предположить, что случайные отклонения объяснимы: некоторые люди читали газету от двадцать второго октября 2030 или даже более раннюю - предположительно они читали старые издания. И, конечно же, отсылки на время серьезно зависели от того, в каком часовом поясе оказался человек. Мы предполагаем, что большинство людей продолжали жить в том же часовом поясе через два десятилетия, в котором они живут и сейчас, и что те, кто сообщают о времени, отличающемся ровно на несколько часов от ожидаемого, были в других часовых поясах...

Рауль снова поставил на паузу.

- Это все, - сказал Рауль. - Конкретная цифра. Мы сделали что-то, что каким-то образом заставило сознание всего человечества перескочить на двадцать один год вперед на две минуты".

Тэо вернулся в свой кабинет, за окном была темная ночь. Все эти разговоры о видениях напрягали его, особенно потому что у него самого видения не было. Прав ли Ллойд? Будет ли Тэо мертв всего через двадцать один год? Ему было всего двадцать семь, черт возьми; через двадцать лет, ему не будет еще и пятидесяти. Он не курил - не бог весть какое достижение для североамериканца, но повод для гордости среди греков. Он регулярно ходил в спортзал. С какой стати он должен вскоре умереть? Должно быть, какое-то другое объяснение того, что у него не было видения.

Запикал его телефон. Тэо поднял трубку. "Алло?"

- Здравствуйте, - произнес женский голос по-английски. - Это, ммм, Тэодосий Прокпидес? Она запнулась на имени.

- Да.

- Меня зовут Кейтлин ДеВрис, - сказала женщина. - Я раздумывала, не позвонить ли вам. Я звоню из Йоханнесбурга.

- Йоханнесбург? Вы имеете в виду из Южной Африки?

- Пока еще да, - ответила она. - Если верить видениям, в следующий двадцать один год ее собираются официально переименовать в Азанию.

Тэо молча, ждал, когда она продолжит. Через минуту она заговорила.

- И я звоню вам из-за видений. Видите ли, вы были в моем.

Тэо почувствовал, как его сердце заколотилось. Что за прекрасная новость! Может, у него по какой-то причине не было своего видения, но эта женщина видела его через двадцать один год. Конечно, он был жив тогда; конечно Ллойд ошибался, когда сказал, что Тэо умрет.

- Да? - ответил Тэо затаив дыхание.

- Ммм, мне неловко вас беспокоить, - сказала ДеВрис.

- Могу я... могу я спросить, что вы видели в своем видении? - Тэо выдохнул.

- У меня его не было, - сказал он.

- О. Мне жаль слышать это. Но... тогда, я думаю, это не было ошибкой.

- Что не было ошибкой?

- Мое видение. Я была здесь, в моем доме, в Йоханнесбурге, читала газету за обедом... только газета не была бумажной. Она была на такой штуке, которая выглядела как тонкий пластмассовый лист; думаю, своего рода компьютеризованный экран для чтения. В любом случае, статья, которую я читала, была... простите, не знаю, как сказать это по-другому. Она была о вашей смерти.

Тэо однажды прочитал рассказ Лорда Дансени о человеке, страстно желающем прочитать завтрашнюю газету сегодня, а когда, наконец, его желание исполнилось, он был ошеломлен, увидев в ней свой некролог. Шок, который он при этом испытал, был достаточно силен, чтобы убить его, сообщение, о чем будет, конечно же, напечатано в завтрашнем выпуске. Это было оно; все совпало - и завязка и кульминация. Но это... это не завтрашняя газета; она появится через два десятилетия.

- Моей смерти, - повторил Тэо, как будто эти два слова почему-то были пропущены на уроках английского.

- Да, верно.

Тэо собрался.

- Послушайте, откуда мне знать, что это не афера или шутка?

- Простите, я знала, мне не следовало звонить. Я...

- Нет, нет, нет. Не вешайте трубку. Пожалуйста, оставьте мне ваше имя и номер телефона. Чертов экран показывается только "Вне зоны". Вы должны разрешить мне перезвонить вам; этот звонок, должно быть, стоит вам целое состояние.

- Меня зовут, как я говорила, Кейтлин ДеВрис. Я работаю медсестрой в доме престарелых. - Она продиктовала ему свой телефон. - Но, правда, я буду рада оплатить звонок. Поверьте, мне ничего от вас не нужно и я не пытаюсь вас обдурить. Но, э... видите ли, я постоянно вижу, как умирают люди. У нас в среднем умирает один пациент, но им в массе своей за восемьдесят или девяносто или даже сто. Но вы... когда вы умрете, вам будет всего сорок восемь, и это слишком рано, чтобы умирать. Я подумала, что если позвоню вам, сообщу вам, то возможно вы каким-то образом сможете предотвратить свою смерть.

Несколько секунд Тэо молчал, потом спросил: "Так... в некрологе сообщалось, от чего я умер? - На одно краткое безумное мгновение, Тэо был польщен, что его смерть заслужила упоминания в международных газетах. Он почти собрался спросить, не были ли первыми двумя словами в статье слова "нобелевский лауреат". - Я знаю, я должен следить за холестерином; это был сердечный приступ?"

На несколько секунд воцарилась тишина. "Эмм, доктор Прокопидес, простите, думаю, я должна была выразиться более ясно. Я читала не некролог, а новости. - Он слышал, как она судорожно сглотнула. - Новость о вашем убийстве".

Тэо молчал. Он мог бы недоверчиво повторить то, что она только что сказала. Но это не имело смысла.

Ему было двадцать семь лет; со здоровьем все было в порядке. Как он думал несколько минут назад, конечно он не мог умереть по естественным причинам через двадцать один год. Но... убийство?

- Доктор Прокопидес? Вы еще здесь?

- Да. - Пока.

- Я... Мне очень жаль, доктор Прокопидес. Я знаю, это должно быть шоком для вас.

Тэо помолчал еще немного, а затем поинтересовался: "В статье, которую вы читали... там говорилось, кто убил меня? "

- Боюсь, что нет. Это, очевидно, нераскрытое преступление.

- Так что *говорилось* в статье?

- Я записала, сколько смогла вспомнить; я могу послать вам e-mail, но, вот, давайте я вам зачитаю. Помните, что это реконструкция; я думаю, она достаточно точная, но я не могу гарантировать, что каждое слово в ней правда. - Она запнулась, прокашлялась и продолжила. - Заголовок гласил: "Физик застрелен насмерть".

"Застрелен, - подумал Тэо. - Боже".

ДеВри продолжила: "В выходных данных статьи значилось "Женева". В самой статье говорилось: "Тэодосий Прокопидес, греческий физик, работавший в ЦЕРН, европейском центре ядерной физики, сегодня был найден мертвым. Прокопидес, который получил докторскую степень в Оксфорде, был директором Такион-Тардийонского Коллайдера в..."

- Повторите это еще раз, - попросил Тэо.

- Такион-Тардийонского Коллайдера, - сказала ДеВри. Она неправильно произносила "такион", произнося "х" вместо "к". - Я никогда не слышала таких слов раньше.

- Такого коллайдера не существует, - сказал Тэо. - По крайней мере, пока. Пожалуйста, продолжайте.

- ...директором Такион-Тардийонского Коллайдера в ЦЕРН. Доктор Прокопидес работал в ЦЕРН двадцать три года. Пока нет никаких предположений о мотиве убийства, но ограбление было исключено, поскольку бумажник доктора Прокопидеса был найден при нем. Физик, по-видимому, был застрелен вчера между полднем и часом дня по местному времени. Расследование продолжается. У доктора Прокопидеса остались его...

- Да? Да?

- Простите, это все.

- Вы имеете в виду, что ваше видение кончилось до того, как вы дочитали статью?

Ответом была короткая пауза.

- Ну, не совсем. Остальная часть статьи не поместилась на экране и вместо того чтобы нажать на кнопку для пролистывания страниц... я ясно видела эту кнопку на боку устройства для чтения - я выбрала другую статью.- Она замолчала. - Мне жаль, доктор Прокопидес. Я - версии 2009 года - очень хотела узнать, о чем говорилось в остальной части статьи, но версию меня 2030 года это, похоже, не интересовало. Я попыталась заставить ее - заставить *меня* - нажать на кнопку переворачивания страниц, но это не сработало.

- То есть вы не знаете, кто меня убил и почему?

- Простите.

- И газета, которую вы читали - вы уверены, что это была свежая газета? Ну, вы знаете, от 23 октября 2030 года.

- Вообще-то нет. Там была... как это называется? Строка состояния? В верхней части ридера была строка состояния, в которой яркими буквами была указана дата и название

газеты "*Йоханнесбург Стар*", вторник, 22 октября 2030 года. Так что я думаю, это была, так сказать, вчерашняя газета. - Она снова помолчала. - Простите, что пришлось сообщить вам плохие новости.

Тэо немного помолчал, пытаясь переварить услышанное. Было нелегко справляться уже с тем фактом, что он может быть мертв всего через двадцать лет, но мысль о том, что кто-то может его *убить*, была почти невыносимой.

- Мисс ДеВри, спасибо вам, - сказал он. - Если вы вспомните какие-нибудь еще подробности - все что угодно - пожалуйста, пожалуйста, сообщите мне. И будьте добры, пришлите мне факсом тот конспект, о котором вы говорили. - Он дал ей номер своего факса.

- Пришлю, - сказала она. - Я...мне очень жаль, судя по голосу, вы приятный молодой человек. Надеюсь, вы сможете узнать, кто сделал это - кто собирается это сделать - и найти способ это предотвратить.

6

Была почти полночь. Ллойд и Мичико шли по коридору к его кабинету, когда они услышали, как их окликнул голос Джейка Хоровитца из открытой двери: "Эй, Ллойд, взгляни на это".

Они вошли в комнату. Юный Джейк стоял напротив телевизора. Его экран был заполнен рябью.

- Рябь, - любезно подсказал Ллойд, подойдя и встав рядом с Джейком.

- Вот именно.

- Какой канал ты пытаешься посмотреть?

- Никакой. Я просматриваю запись.

- Запись чего?

- Это запись камеры наблюдения на главных воротах городка ЦЕРН. - Он нажал кнопку извлечения кассеты; видеокассета выпрыгнула наружу. Он заменил ее на другую. - А это камера наблюдения в Микрокосме. - Он нажал пуск и экран снова наполнился рябью.

- Ты уверен, что это подходящий видеомagniтофон? - Швейцария использовала формат PAL для записи, и хотя мультистандартные машины были наиболее распространенным вариантом, в ЦЕРН было несколько видеомagniтофонов, поддерживающих только формат NTSC.

Джейк кивнул.

- Я уверен. Мне потребовалось время, чтобы найти такой, что все-таки покажет, что на пленке - большинство видеомagniтофонов показывают стандартный синий экран, если на кассете нет картинки.

- Ну, если с видеомagniтофоном все в порядке, тогда значит что-то не так с кассетами. Ллойд нахмурился. - Может быть это... ну что бы это ни было... было связано с электромагнитным выбросом; это могло затереть кассеты.

- Мне тоже именно это сразу пришло в голову, - сказал Джейк. - Но посмотри на это.

Он нажал на кнопку обратной перемотки на пульте. Рябь на экране усилилась, и буквы REV - сокращение было одинаковым во многих европейских языках - появились в правом верхнем углу экрана. Через полминуты неожиданно появилась изображение, это была выставка Микрокосма, галереи ЦЕРН, предназначенной для объяснения ядерной физики туристам. Джейк перемотал еще немного и отпустил кнопку.

- Видите? - спросил он. - Это то, что было записано на пленке раньше, посмотрите на время. - В центре экрана рядом с нижним его краем в картинку было встроено поле, на котором отображалось время записи: "16:58:22", "16:58:23", "16:58:24"...

- Примерно за полторы минуты до начала феномена, - сказал Джейк. - Если бы произошло нечто вроде ЭМИ, то оно стерло бы и предыдущую запись.

- Что ты пытаешься сказать? - спросил Ллойд. - Рябь на пленке появляется как раз в момент начала феномена? - Он бы хотел услышать, что произошло от самого Джейка.

- Да... и изображение снова появляется ровно через минуту и сорок три секунды. На всех проверенных мною пленках одно и то же: одна минута и сорок три секунды пустоты.

- Ллойд, Джейк, быстро сюда! - Это было голос Мичико; оба мужчин повернулись и увидели, что она зовет их, стоя в дверях. Они побежали за ней в комнату напротив, холл, в котором был свой собственный телевизор, показывавший CNN.

"... и конечно было сделано сотни тысяч видеозаписей в момент, когда сознание людей отключилось, - говорила ведущая Петра Дэвис. - Съемки камер безопасности, домашние камеры, оставшиеся включенными, пленки телестудий - включая наши собственные архивные записи, сделанные тут на CNN, которые мы делаем по требованию FCC, и так далее. Мы рассчитывали, что на них будет явно видно, как все теряют сознание и тела падают на землю".

Ллойд и Джейк переглянулись. "Но, - продолжила Дэвис, - ни на одной из них ничего не было. Или точнее говоря, не было ничего кроме ряби - белых и черных полос, мелькающих на экране. Насколько мы можем судить, во всем мире видео, сделанные во время Скачка в Будущее, представляют собой только рябь, длящуюся ровно минуту и сорок три секунды. Так же и наши другие записывающие устройства, как те, что закреплены на оборудовании, используемом для слежения за погодой и прогнозов, ничего не записывало в то время, когда все отключилось. Если у кого-то, кто смотрит это, есть видеозапись, сделанная в это время, на которой есть картинка, мы бы хотели с ним связаться. Вы можете позвонить нам по бесплатному телефону..."

- Невероятно, - сказал Ллойд. - Заставляет всерьез задуматься, что же именно происходило в тот момент.

Джейк кивнул. "Именно".

- Скачок в Будущее, а? - сказал Ллойд, прицениваясь к термину, который использовала ведущая. - Неплохое название для случившегося.

Джейк кивнул. "Уж точно лучше, чем 'катастрофа ЦЕРН', или что-то подобное".

Ллойд нахмурился. "Да уж".

Тэо откинулся на спинку своего офисного кресла, закинув руки за голову и глядя на созвездия дыр в звукоизолирующих потолочных плитах, размышляя о том, что сказала эта женщина, ДеВри.

Это было не то же самое, как узнать, что погибнешь в аварии. Если человека предупредить, что он попадет под машину на такой-то улице в такое-то время, ну, тогда он сможет просто постараться не оказаться в этом месте в это время, и - voilà!¹² - проблема решена. Но если кто-то всерьез вознамерился тебя убить, то это рано или поздно все равно произойдет. Просто не быть здесь - или где там должно было произойти это убийство; статья из Йоханнесбурга вообще-то не упоминала точное место - 21 октября 2030 года не обязательно будет достаточным, чтобы спасти Тэо.

У доктора Прокопидеса остались его...

Остались его кто? Родители? Папе будет тогда восемьдесят два, а маме семьдесят девять. Отец Тэо перенес сердечный приступ несколько лет назад, но с тех пор был чрез-

¹² Вот! (фр.)

вычайно аккуратен со своим холестерином, отказавшись от саганаки и салатов с фетой, которые он так любил. Разумеется, они могут быть все еще живы к тому времени.

Как папа это переживает? Предполагается, что отец не должен пережить своего сына. Посчитает ли папа, что он уже прожил хорошую долгую жизнь? Не потеряет ли он волю к жизни, тихо отойдя в мир иной через несколько месяцев, оставив доживать ее жизнь в одиночестве? Тэо конечно надеялся, что его родители все еще будут живы через двадцать один год, но...

У доктора Прокопидеса остались его...

... жена и дети?

Обычно так пишут в некрологах. Его жена... его жена *Антоула*, допустим, чудесная греческая девушка. Это бы сделало отца счастливым.

Только вот...

Только вот Тэо не знал ни одной милой греческой девушки... или милой девушки любой другой национальности. По крайней мере... ему в голову пришла одна мысль, но он прогнал ее... по крайней мере, ни одной свободной.

Он посвятил себя работе. Сначала тому, чтобы набрать достаточно баллов, чтобы попасть в Оксфорд. Потом защите докторской. Потому тому, чтобы попасть на работу сюда. О, у него, разумеется, были женщины - американские школьницы еще там, в Афинах, секс на одну ночь со студентками, и даже однажды проститутка, когда он был в Дании. Но он всегда считал, что позже придет время для любви, жены, детей.

Но когда оно придет, это время?

Он всерьез хотел поинтересоваться, не начиналась ли та статья со слов "нобелевский лауреат". Она не начиналась, но он задался этим вопросом... и если быть честным с самим собой, то он задался этим вопросом на полном серьезе. Нобелевская премия означала бессмертие; она означала, что его будут помнить вечно.

Эксперимент на БАК, подготовке которого они с Ллойдом посвятили годы, должен был привести к созданию бозона Хиггса; если бы они добились этого, Нобелевская премия точно не заставила бы себя ждать. Но прорыва у них не вышло.

Прорыва... как будто бы его устроил бы всего один прорыв.

Он умрет через двадцать один год. Кто будет его помнить?

Все это было совершенно дико. Совершенно невероятно.

Ведь он Тэодосий Прокопидес, ради всего святого. Он бессмертен.

Конечно, бессмертен. Конечно, бессмертен. Кто не бессмертен в двадцать семь лет?

Жена. Дети. Наверняка некролог упомянул их. Наверняка, если бы только мисс ДеВри перелистнула страницу, она бы увидела их имена, и возможно их возраст.

Но постойте... постойте!

Сколько страниц в обычной газете большого города? Ну, скажем, пара сотен. Сколько читателей? Обычный тираж крупного ежедневного издания может быть порядка полумиллиона. Конечно, ДеВри сказала, что читала вчерашнюю газету. И все же она не могла быть единственной, кто смотрел на эту статью в момент двухминутного скачка в будущее.

И потом, Тэо вроде как должен будет быть убит здесь, в Швейцарии... в выходных данных статьи значилась Женева... и все же эта история попала в южно-африканскую газету. Что означает, что она должна была бы попасть и в другие газеты и группы новостей по всему миру, возможно с разными версиями события. Определенно в "*Женева Трибьюн*" должна была бы быть более подробная статья. Должны были бы быть сотни - может быть тысячи - людей, которые прочли сообщение о его смерти.

Он может разместить объявления в интернете и крупных газетах, чтобы найти их. Узнать больше... и выяснить наверняка, была ли хоть крупинка правды в том, что сказала эта женщина, ДеВри.

- Посмотри на это, - сказал Джейк Хоровитц. Он швырнул свой компьютер на стол Ллойда; на экране был сайт.

- Что это?

- Данные от Геологического Обзора США. Показания сейсмографов.

- И?

- Посмотри на более ранние данные за сегодня, - сказал Джейк.

- Вот это да.

- Вот именно. В течение почти двух минут, начиная с 17:00 нашего времени, приборы не зафиксировали абсолютно ничего. Или они зарегистрировали нулевую активность... что невозможно, Земля всегда слегка подрагивает, даже если это только приливные взаимодействия с луной... или они не зарегистрировали ничего. Это так же как с видеокамерами: нет ни одной записи того, что все-таки происходило в течение этих двух минут. И я связался с различными национальными службами погоды. Их оборудование - регистрирующее силу ветра, температуру, атмосферное давление и так далее - не зарегистрировало ничего во время Скачка в Будущее. И NASA и ESA тоже сообщили о мертвых зонах в передаче спутниковых данных в течение этих двух минут.

- Как такое возможно? - спросил Ллойд.

- Я не знаю, - сказал Джейк, проведя рукой по своим рыжим волосам. - Но каким-то образом каждая камера, каждый датчик, все записывающее оборудование во всем мире просто перестало записывать, пока длился Скачок в Будущее.

Тэо сидел за своим столом в своем кабинете, а сверху с монитора на него таранился пластиковый Дональд Дак, Тэо думал о том, как сформулировать то, что он собирался сказать. Он решил выразиться просто и прямо. В конце концов, ему требовалось поместить информацию в форме маленького газетного объявления в сотне газет мира; если он не будет краток, это будет стоить ему целое состояние. У него были три клавиатуры - французская AZERTY, английская QWERTY и греческая. Он воспользовался английской:

"Тэодосий Прокопидес, уроженец Афин, работающий в ЦЕРН, будет убит в понедельник, 21 октября 2030 года. Если ваше видение было как-то связано с этим преступлением, пожалуйста, сообщите по адресу procopides@cern.ch".

Он подумал было на этом остановиться, но потом добавил последнюю строчку: "Я надеюсь предотвратить свою собственную смерть".

Тэо мог сам перевести это на греческий и французский, его компьютер мог бы перевести это на все остальные языки, но, если и было что-то, что он усвоил, работая в ЦЕРН, это то, что компьютерные переводы часто бывали неадекватны... он все еще помнил ужасное происшествие на рождественской вечеринке. Нет, он воспользуется помощью различных людей в ЦЕРН... и заодно попросит совета о том, какие газеты имеют больший вес в других странах.

Но одно он может сделать немедленно: поместить свое объявление в различных новостных группах. Так он и сделал, прежде чем отправиться домой спать.

Наконец, в час ночи, Ллойд и Мичико покинули ЦЕРН.

Они снова бросили ее "тойоту" на парковке - работать всю ночь было обычным делом для сотрудников ЦЕРН. Мичико работала на Суимитомо Электрик; она была инженером, специализирующимся на технологии сверхпроводящих ускорителей, прикомандированным на долгосрочной основе к ЦЕРН, который закупил несколько компонентов для БАК у Суимитомо. Ее работодатель снял для нее и Тамико прекрасные апартаменты на правом берегу Женевского озера. Ллойд платили несколько меньше, и не оплачивали ему жилье; его квартира находилась в городе Сен-Жени. Ему нравилось жить во Франции, работая преимущественно в Швейцарии; у ЦЕРН была собственная пограничная застава,

которая позволяла сотрудникам проходить границу между двумя странами, не беспокоясь о предъявлении паспортов.

Ллойд снимал квартиру с мебелью; хотя он работал в ЦЕРН два года, он не считал ее своим домом, идея покупки мебели, транспортировка которой обратно в Северную Америку была бы непростой задачей, казалась ему глупой. Мебель, доставшаяся ему с квартирой, была несколько старомодна и вычурна на его вкус, но, по крайней мере, все хорошо сочеталось друг с другом: темное дерево, блекло оранжевый ковер, темно-красные стены. Это создавало уютную теплую атмосферу, правда одновременно квартира казалась меньше, чем на самом деле. Но у него не было сердечной привязанности к его квартире... он никогда не был женат и никогда не жил ни с кем противоположного пола, и за двадцать пять лет, прошедших с того момента, когда он начал жить отдельно, он сменил одиннадцать адресов. И все же сегодня у него не было сомнений, что они должны пойти домой к нему, а не к ней. В женевской квартире будет слишком много от Тамико, больше, чем можно вынести так скоро после всего.

Квартира Ллойда находилась в здании, построенном сорок лет назад, с электрическими обогревателями. Они сели на диван. Он обнял ее за плечи, и пытался утешить ее. "Мне жаль", - сказал Ллойд.

Лицо Мичико все еще было опухшим. У нее были моменты спокойствия, но потом она вдруг начинала плакать, и казалось, что это никогда не кончится. Она слегка кивнула.

- Это невозможно было предвидеть, - сказал Ллойд. - Невозможно было предотвратить.

Но Мичико покачала головой. "Что я за мать? - сказала она. - Я увезла мою дочь за тридцать земель от ее бабушки и дедушки, от дома".

Ллойд ничего не сказал. Что он мог сказать? Что это казалось замечательной идеей? Учиться в Европе, даже если тебе всего восемь, это необычайно увлекательный опыт для любого ребенка. Конечно, привезти Тамико в Швейцарию было хорошей идеей.

- Мне стоит попытаться позвонить Хироши, - сказала Мичико. Хироши был ее бывшим мужем. - Убедиться, что он получил сообщение.

Ллойд хотел было заметить, что Хироши скорее всего проявит к своей дочери не больше интереса сейчас, когда она умерла, чем он проявлял к ней, когда она была жива. Хотя они никогда не встречались, Ллойд ненавидел Хироши по многим причинам. Он ненавидел, что Хироши сделал Мичико несчастной... не раз или два, но в течение многих лет. Ллойд больно было думать о ней, бредущей по жизни без улыбки на лице, без радости в сердце. Кроме того, если быть предельно откровенным с самим собой, он ненавидел Хироши, потому что тот был с ней раньше. Но Ллойд ничего не сказал. Он только погладил черные блестящие волосы Мичико.

- Он не хотел, чтобы я привозила ее сюда, - сказала Мичико, всхлипывая. - Он хотел, чтобы она осталась в Токио, ходила в японскую школу. - Она вытерла слезы. - В 'правильную' школу", - сказал он. - Она помолчала. - Если бы я только его послушала.

- Феномен был глобальным, - ласково сказал Ллойд. - Она была бы в неменьшей опасности в Токио, чем в Женеве. Ты не можешь винить себя.

- Я не виню себя, - сказала Мичико. - Я...

Но она не договорила. Ллойд не мог не гадать, не собиралась ли она сказать: "Я виню тебя".

Мичико пришла в ЦЕРН не ради того, чтобы быть с Ллойдом, но ни у одного из них не было сомнений, что он был причиной того, что она решила остаться. Она попросила Суимитомо оставить ее здесь после того, как оборудование, за которое она отвечала, было установлено. Первые два месяца Тамико оставалась в Японии, но Мичико, когда она решила продлить свое пребывание тут, организовала переезд дочери в Европу.

Ллойд любил и Тамико тоже. Он знал, что быть приемным отцом непросто, но они с ней ладили. Не все дети бывают рады, когда разведенный родитель находит нового

партнера; сестра Ллойда разошлась со своим бой-френдом, потому что новый мужчина в ее жизни не пришелся по сердцу ее двум сыновьям. Но Тамико однажды сказала Ллойд, что он нравится ей, потому что он заставил ее маму улыбаться.

Ллойд посмотрел на свою невесту. Она была так несчастна, будет ли она когда-нибудь улыбаться снова. Ему самому хотелось разрыдаться, но было что-то глупое и мужское, что не давало ему сделать это, пока плакала она. Он сдержал слезы.

Ллойд гадал, как это скажется на их грядущей свадьбе. У него не было других оснований для того, чтобы сделать ей предложение, кроме как то, что он любил Мичико абсолютно и беззаветно. И он не сомневался в любви Мичико к нему, но, тем не менее, до некоторой степени, должна была быть и второстепенная причина, по которой Мичико хотела выйти за него замуж.

Неважно, насколько современной и независимой женщиной она была, а Мичико, по крайней мере, по японским стандартам была очень современной, она все же должна была думать о том, чтобы найти отца своему ребенку, кого-то, кто помог бы ей растить Тамико, кто играл бы роль отца в ее жизни.

Искала ли Мичико мужа? О да, ей и Ллойд было чертовски хорошо вместе... но многим парам хорошо вместе и без вступления в брак или серьезных отношений. Захочет ли она теперь выходить за него замуж?

И, конечно, была еще та, другая женщина, женщина из его видения, доказательство, живое и яркое...

Доказательство и то, что так же, как и брак его родителей, который окончился разводом, разводом окончится и тот, в который он собирался вступить с Мичико.

7

День второй: среда, 22 апреля 2009 года

СВОДКА НОВОСТЕЙ

Количество жертв вчерашнего Скачка в Будущее продолжает расти. В Каракасе, Венесуэла, Гильермо Гармендия, 36 лет, по-видимому, безутешный из-за смерти его жены, Марии, 34 лет, на смерть застрелил двоих своих сыновей, Рамона, 7, и Сальвадора, 5, а потом застрелился сам.

Правительство Квинслэнда, Австралия, объявило чрезвычайное положение в связи со Скачком в Будущее.

Корпорация БондПлюс в Сан Рафаэль, Калифорния, находится в состоянии ужасного хаоса. Генеральный директор, финансовый директор и весь совет директоров погибли, когда самолет их организации разбился при взлете во время Скачка в Будущее. БондПлюс был в процессе борьбы с недружественным поглощением со стороны из заклятого конкурента Джасмин Адхезивс.

Иск в один миллиард канадских долларов подан против Торонто Транзит Комиссион, от имени пассажиров общественного транспорта, которые были ранены или погибли во время Скачка в Будущее. В иске утверждается, что Комиссия допустила халатность, не обеспечив ковровым покрытием площадки перед лестницами и эскалаторами, чтобы защитить людей в случае падения.

Массовая продажа японской йены повергла японскую экономику в очередной кризис, став следствием указаний из Скачка в Будущее, что йена будет стоить половину ее нынешней цены в американских долларах в 2030 году.

Гонка началась.

Тэо сидел, склонившись головой над столом, пристально изучая компьютерные логи, тянущиеся через весь его стол. Должен был быть какой-то ответ... рациональное объяснение того, что случилось. По всему ЦЕРН физики выдвигали, исследовали и обсуждали возможные объяснения.

Дверь кабинета Тэо открылась и вошла Мичико Комуро, держа в руках какие-то бумаги.

- Я слышала, ты ищешь информацию о своем собственном убийстве, - сказала она.

Тэо почувствовал, как его сердце забилося быстрее.

- Тебе что-то известно?

- Мне, - Мичико нахмурилась. - Нет. Нет, прости.

- Ох. - Неудача. - Тогда к чему было это упоминать?

- Ну, я просто размышляла, вот и все. Не может быть, чтобы только ты один отчаянно пытался узнать больше о своем будущем.

- Думаю да.

- И, ну, сдаётся мне, что должен быть какой-то централизованный способ это все организовать. Я имею в виду, я видела твое сообщение в новостной группе этим утром... и оно там было не одно такое.

- Да?

- Там куча народу, ищущего информацию о своем будущем. Не все, конечно, ищут что-то о своей смерти, но... ну, вот, давай я тебе зачитаю некоторые.

Она села и начала читать по бумажке: "Любого, у кого есть информация, о будущем местонахождении Маркуса Вайта, просят связаться с..."; "Студент университета ищет совета о выборе профессии: если в вашем видении было что-то, указывающее на то, какие профессии будут востребованы в 2030, пожалуйста, сообщите мне"; "Ищу информацию о будущем Международного Комитета Красного Креста".

- Потрясающе, - сказал Тэо. Он понимал, что делает Мичико: пытается занять себя чем-то, чем угодно... только бы не думать о смерти Тамико.

- Разве нет? - сказала она. - И уже появилась куча баннеров в сети - призывы больших корпораций, ищущих информацию, которая может им помочь. Я не знала, что баннерную рекламу можно разместить так быстро, но, полагаю, нет почти ничего невозможного, если ты готов за это платить. - Она замолчала и отвернулась; нет сомнений, мысль о Тамико вышла на передний план ее сознания... некоторые вещи, к сожалению, нельзя было купить ни за какие деньги. Через мгновение она продолжила. - Вообще-то, знаешь, тебе, наверное, не стоило во всеуслышание заявлять о своем предстоящем убийстве. Сегодня утром я говорила Ллойду, что страховые компании, наверное, уже собирают детали обо всех, кто будет мертв через двадцать лет, чтобы суметь отклонить их заявления.

У Тэо сжалось в животе. Об этом он не подумал.

- То есть ты думаешь, кому-то стоит это все организовать?- сказал он.

- Ну не корпоративную часть... не хотела бы я, чтобы мое начальство в Суимитомо слышало, как я это говорю, но мне наплевать, какие компании разбогатеют. Но вот личную часть... людей, которые пытаются выяснить, что ждет их в будущем, пытаются понять, что они видели. Я думаю, мы должны им помочь.

- Ты и я?

- Ну не только мы двое. Все кто работает в ЦЕРН.

- Беранже никогда этого не одобрит, - сказал Тэо, качая головой.- Он не хочет, чтобы мы признали свою причастность.

- А нам и не придется. Мы можем просто вызваться организовать базу данных. У нас определенно хватает компьютерных мощностей и потом ЦЕРН и раньше случалось программировать на альтруистической основе. В конце концов, интернет был создан именно тут.

- Так что ты предлагаешь? - спросил Тэо.

Мичико слегка приподняла плечи.

- Централизованное хранилище. Сайт с формой: опишите свое видение, не знаю, в двух сотнях слов. Мы могли бы индексировать все описания, так что люди могли бы осуществлять поиск по ним по ключевым словам и с помощью логических операторов. Ну, скажем, все видения, в которых упоминается Абердин, но не упоминаются спортивные мероприятия. Что-то такое. Конечно, индексирующая программа будет автоматически классифицировать хоккей, бейсбол и тому подобное как 'спортивные мероприятия'. Это поможет не только тебе, но и многим другим людям.

Тэо обнаружил, что согласно кивает.

- Это хорошая идея. Но зачем ограничивать длину сообщений? Я имею в виду, дисковое пространство дешево. Я бы поощрял людей сообщать как можно больше подробностей о своих видениях. В конце концов, вроде бы несущественная деталь видения одного человека, может оказаться жизненно важной для кого-то другого.

- Верное замечание, - сказала Мичико. - Пока действует мораторий Беранже на использование БАК, мне практически больше нечего делать, так что я охотно поработаю над этим. Но мне понадобится помощь. От Ллойда никакой пользы, когда дело касается программирования. Я подумала, может, ты мне поможешь. - Сотрудничество Ллойда и Тэо началось благодаря тому, что Ллойду нужен был кто-то гораздо лучше него разбирающийся в программировании, чтобы его разработать программное обеспечение для экспериментов для проверки его идей, которые можно было бы провести с помощью ALICE.

Тэо уже раздумывал над тем, как лучше решить эту задачу. Они могли бы выпустить пресс релиз... та женщина из отдела по связям с общественностью, что потеряла сознание во время своего видения, могла бы разослать его туда, куда такие вещи обычно рассылают. Но в пресс-релизе они могут использовать случай самого Тэо как пример... это будет идеальным способом привлечь к проблеме международное внимание.

- Конечно, - сказал Тэо. - Разумеется.

После того как Мичико ушла, Тэо вернулся к своему компьютеру и проверил почту. Там было все как обычно, включая спам от какой-то компании в Мавритании. Мавританское правительство придумало удивительный ход: будучи одной из немногих стран, которая не запретила спамить местным компаниям, они смогли привлечь в свою страну тысячи бизнесменов.

Тэо пробежался по остальным письмам. Краткое письмо от друга в Сорренто. Запрос на копию статьи, которую Тэо написал в соавторстве; для какого-то исследователя в МТИ, по крайней мере, это было возвращением к обычному порядку вещей. И...

Да! Новая информация насчет его убийства.

Письмо было от женщины из Монреаля. Она была француженкой, но родилась не в Канаде, а во Франции, поэтому следила за новостями со своей родины. ЦЕРН, разумеется, расположился по обе стороны границы Швейцарии и Франции, и хотя ближайшим городом была Женева, убийство на его территории было настолько же французской новостью, насколько и швейцарской.

Ее видение было о том, как она читала статью в "*Le Monde*" о смерти Тэо. Факты совпадали с теми, что пересказала ДеВри, первое полученное Тэо подтверждение тому, что женщина из Южной Африки не разыгрывала его. Но текст новости, как она ее пересказала, сильно отличался. Это не было просто переводом той статьи, что видела ДеВри; скорее, это была совершенно другая статья. И в ней был один важный факт, отсутствовавший в сообщении из Йоханнесбурга. По словам француженки, детектива женевской полиции, который будет расследовать убийство Тэо, звали Хельмут Дрэшер.

Женщина закончила письмо словами "*Bonne chance!*"¹³

Bonne chance. Удачи. Да, удача ему определенно понадобится.

Тэо знал наизусть номер, по которому можно было вызывать женевскую полицию; вообще-то он был написан на стикере, наклеенном на все телефоны в ЦЕРН. Но он не знал номера справочной. Он воспользовался адресной книгой телефона, нашел номер и набрал его.

- Алло, - сказал Тэо. - *Detective Helmut Drescher, s'il vous plaît*¹⁴.

- У нас нет детектива с таким именем, - ответил полицейский-мужчина на другом конце провода.

- Он может занимать другую должность. Какую-нибудь более низкую.

- У нас вообще нет никого с таким именем, - ответил голос.

Тэо задумался.

- А у вас есть справочник по другим полицейским отделениям Швейцарии? Можно ли как-то это проверить?

- Здесь у меня ничего подобного нет; нам придется покопаться, чтобы это выяснить.

- Вы можете это сделать?

- А в чем дело?

Тэо решил, что честность – или, по крайней мере, полуправда - лучшая политика.

- Он расследует убийство, а у меня есть кое-какая информация.

- Хорошо, я займусь этим. Как мне с вами связаться? Тэо оставил свое имя и телефон, поблагодарил офицера и повесил трубку. Он решил попробовать более простой подход, набрав имя Дрэшера в телефонном справочнике.

В точку. В Женеве был всего один Хельмут Дрэшер; он жил на улице Жен-Дэссер.

Тэо набрал его номер.

8

СВОДКА НОВОСТЕЙ

Бастующие работники больниц в Польше сегодня единогласно проголосовали за то, чтобы вернуться к работе. "Наше дело правое, и мы вер-

¹³ Удачи! (фр.)

¹⁴ "Алло, - ... - Детектива Хельмута Дрэшера, пожалуйста" (фр.)

немся к протестам трудящихся... но сейчас наш долг перед человечеством должен выйти на первый план", - заявил профсоюзный лидер Стефан Визжинский.

Большая сеть кинотеатров Cineplex/Odeon объявила о раздаче бесплатных билетов зрителям, которые были в кино во время Скачка в будущее. Хотя очевидно, что они пропустили около двух минут фильмов, которые шли во время события, когда зрители потеряли сознание. Другие сети кинотеатров, как ожидается, последуют их примеру.

После рекордного за последние 24 часа числа поданных заявлений Бюро Патентов США закрылось до особого распоряжения, ожидая решение Конгресса по патентованию изобретений, рассмотренных в видениях.

Комитет по научной проверке претензий на паранормальные способности выпустил пресс релиз, указывая, что хотя у них еще нет объяснения Скачка в будущее, нет никаких причин взывать к сверхъестественному.

European Mutual, крупнейшая страховая компания в Европейском союзе, объявила о банкротстве.

Это произошло раньше, чем они думали. Из-за испытанного вчера шока у Мэри-Клэр Беранже начались преждевременные роды. Гастон отвез свою жену в госпиталь в Туаре; Беранже жили в Женеве, но для них обоих было важно, чтобы сын родился на французской земле.

Как Генеральный директор ЦЕРН Гастон хорошо зарабатывал, Мэри-Клэр - юрист, тоже имела неплохой доход. Однако отрадно было знать, что, невзирая на их средства, Мэри-Клэр могла бы получить всю необходимую медицинскую помощь, в которой она нуждалась, пока ждала ребенка. Гастон слышал, что в Соединенных штатах многие женщины за время своей беременности впервые видят врача во время родов. Неудивительно, что уровень детской смертности в США во много раз выше, чем в Швейцарии или Франции. Нет, они собираются дать своему сыну все самое лучшее. Он знал, что это будет мальчик, и не только из-за видения. Мэри-Клэр было сорок два, и их доктор рекомендовал провести серию сонограмм во время беременности; они весьма ясно видели маленького приятеля маленького приятеля.

Конечно, не было возможности скрыть свое видение от Мэри-Клэр; Гастон не держал секретов от своей жены, но, так или иначе, в этом случае это было невозможно. У нее было соответствующее видение - та же ссора с Марком, но с ее точки зрения. Гастон был рад, что Ллойд Симко, разговором его студента и той женщины из Канады, удалось доказать, что видения показывали одно и то же время; Мэри-Клэр и Гастон поклялись держать свои видения в тайне.

Однако были и проблемы, даже притом, что они оба были частью одной и той же сцены. Мэри-Клэр попросила Гастона описать, как она будет выглядеть через двадцать лет. Гастон опустил некоторые детали, её набор веса; она жаловалась месяцами, какой огромной она стала из-за беременности и как она была настроена быстро вернуть себе прежнюю фигуру.

Со своей стороны Гастон был удивлен, узнав от нее, что в 2030 году у него будет борода; в юности он никогда не отращивал ее, сейчас его бакенбарды уже были седыми, он предполагал, что также не будет носить бороду и в будущем. Она рассказала ему, что у

него будут свои волосы, хотя... но было ли это правдой, просто любезностью с ее стороны, или знаком того, что к концу третьего десятилетия этого века появятся легкие и общедоступные лекарства от плешивости, он не знал.

Госпиталь был переполнен пациентами, многие лежали на каталках в коридорах; они, очевидно, находились там со вчерашнего события. Однако большинство ранений были или смертельными на месте, не требующими визита в госпиталь, или переломами костей и ожогами; сравнительно немного пациентов действительно были приняты. И, слава Богу, отделение акушерства было только немного более занята, чем обычно. Медсестра перевезла Мэри-Клэр туда на инвалидном кресле; Гастон шел рядом, держа руку своей жены.

Гастон был физиком, конечно... или, по крайней мере, был когда-то; его разнообразные административные дела отдаляли его от работы в реальной науке больше, чем 12 лет. Он не имел ни малейшего представления, что вызвало видения. О, конечно, они, вероятно, были связаны с экспериментом на БАК, совпадение времени было слишком серьезно, чтобы игнорировать это. Но независимо от этого, и каким бы неприятным было его собственное видение, Гастон не сожалел о видении. Это было предупреждением, призывом к действию, предзнаменованием. И он будет внимательно следить... он не позволит этому случиться. Он будет хорошим отцом, он будет проводить много времени со своим сыном.

Он сжал руку жены.

И они вошли в родильную палату.

Дом был большим и привлекательным... и с его близостью к озеру, несомненно, дорогим. Его внешняя обертка предполагала загородный дом, но было очевидно, что это притворство: жилье в космополитичной Женеве было настолько далеко от швейцарских сельских домиков, как на Манхэттене от ферм. Тэо позвонил в дверь и ждал, засунув руки в карманы, пока не откроют.

- Вы, должно быть, джентльмен из ЦЕРН, - спросила женщина. Хотя Женева находилась во франкоязычной части Швейцарии, акцент женщины был немецким. Как штаб многочисленных международных организаций Женева привлекала людей со всего мира.

- Правильно, - ответил Тэо, - тогда, соответственно с почтением предполагаю, - Фрау Дрэшер? - Ей было возможно 45 лет, худая, очень милая, как предположил Тэо, натуральная блондинка. - Меня зовут Тэо Прокопидес. Спасибо, что позволили мне приехать.

Фрау Дрэшер пожала своими узкими плечами. "Обычно я не позволяю, конечно... незнакомец, позвонивший по телефону. Но это были странные несколько дней".

- Действительно, - ответил Тэо. Гер Дрэшер дома?

- Еще нет. Иногда его работа держит его допоздна.

Тэо снисходительно улыбнулся: "Могу представить. Работа в полиции должно быть очень требовательна".

Женщина нахмурилась: "Работа в полиции? Чем точно, как вы думаете, занимается мой муж?"

- Он офицер полиции, разве нет?

- Гельмут? Он продает обувь, у него магазин на улице Рона.

Люди могут менять карьеру за двадцать лет, конечно... но от продавца к детективу? Не совсем история Горацио Алгера, но все еще чертовски неправдоподобно. И, кроме того, блестящие магазины на улице Рона были дороги как ад; сам Тэо ничего там не мог себе позволить, только смотреть на витрины. Человеку придется пойти на существенное сокращение зарплаты, чтобы стать копом после работы в той части города.

- Простите. Я просто полагал... ваш муж - единственный Гельмут Дрэшер в женевском справочнике. Вы знаете кого-нибудь еще с таким именем?

- Нет, если вы не имеете в виду моего сына.

- Ваш сын?

- Мы зовем его Мут, но на самом деле он Гельмут младший.

Конечно... старик работал в обувном магазине, а его сын был копом. И естественно, коп был бы не включен в список телефонных номеров.

- А, моя ошибка. Это должен быть он. Вы можете сказать мне, как мне связаться с вашим сыном?

- Он в своей комнате.

- Вы имеете в виду, он еще живет здесь?

- Конечно. Ему только семь лет.

Тэо мысленно одернул себя; он все еще не мог свыкнуться с новой реальностью, включавшей в себя видения о будущем, и хотя тот факт, что у него самого такого видения не было, пожалуй, извинял то, что он не осознал сразу временные рамки произошедшего, но он все равно почувствовал себя идиотом.

Молодому Муту сейчас было 7 лет, ко времени смерти Тэо ему будет 28, на год старше, чем было Тэо сейчас. И нет смысла спрашивать его, хочет ли он быть полицейским, когда вырастет - любой семилетний мальчик хочет.

- Я ненавижу навязываться, - сказал Тэо, - но если вы не возражаете, я хотел бы поговорить с ним.

- Я не знаю. Возможно, я должна подождать, пока мой муж не вернется домой.

- Как хотите, - ответил Тэо.

Она смотрела, как будто ожидала, что он будет настаивать; его готовность ждать, казалось, рассеяла ее страхи. "Хорошо,- сказала она, - заходите. Но я хочу предупредить вас: Мут очень молчалив, но с этого... этого события, что произошло вчера, чтобы это ни было. И он плохо спал всю прошлую ночь, так что он немного нервный".

Тэо кивнул: "Я понял".

Она повела его внутрь. Это был светлый, просторный дом, с великолепным видом на озеро Леман; Гельмут старший, очевидно, продал *много* обуви.

Лестница состояла из горизонтальных деревянных ступеней без вертикальных перил. Фрау Дрэшер встала в начало лестницы и позвала: "Мут! Мут! Здесь кое-кто хочет видеть тебя! - В это время она повернулась посмотреть на Тэо. - Не хотите ли присесть?"

Она жестом показала на низкое деревянное кресло с белыми подушками; соседний диван соответствовал ему. Он сел. Женщина снова поднялась на ступеньку лестницы, теперь позади Тэо, и позвала снова. "Мут! Иди сюда! Здесь кое-кто хочет видеть тебя". Она подалась назад туда, где Тэо мог ее видеть и извиняясь пожала плечами "что-мама-может-поделать".

Наконец, послышался звук легких шагов по деревянным ступеням. Мальчик быстро спустился; он, возможно, неохотно обратил внимание на зов матери, но, как и большинство детей, он, очевидно, обычно бросился вниз по лестнице.

- Ах, Мут, - сказала его мама, - это гер Про...

Тэо повернулся через плечо посмотреть на мальчика. В момент, когда Мут увидел Тэо, он закричал и тотчас же побежал вверх по лестнице так быстро, что открытая лестница явно задрожала.

- Что случилось? - закричала его мама в его убегающую спину.

Достигнув верхнего этажа, мальчик захлопнул за собой дверь.

- Простите, - сказала Фрау Дрэшер, возвращаясь к Тэо. - Я не знаю, что на него нашло.

Тэо закрыл глаза. "Я, наверное, - ответил он. - Я не рассказал вам всего, фрау Дрэшер. Я... через 21 год, я умру. И ваш сын, Гельмут Дрэшер, - детектив полиции Женевы. Он будет расследовать мое убийство".

Фрау Дрэшер стала белой, как снежная шапка Монблана. "*Mein Gott*"¹⁵, - сказала она. - *Mein Gott* ".

- Вы должны позволить поговорить с ним, - сказал Тэо. - Он узнал меня... что знает, что в его видении должно быть что-то, что имеет отношение ко мне.

- Он всего лишь маленький мальчик.

- Я знаю это... но у него может быть информация о моем убийстве. Мне нужно знать, все, что он знает.

- Ребенок не может ничего в этом понять.

- Пожалуйста, фрау Дрэшер. Пожалуйста... мы говорим о моей *жизни*.

- Он не будет говорить об этом... о своем видении, - сказала женщина. - Это явно его напугало, но он не хочет говорить об этом.

- Пожалуйста, я должен знать, что он видел.

Она размышляла об этом несколько минут, потом с неохотой произнесла: "Пойдемте со мной".

Она начала подниматься по лестнице. Тэо последовал за ней, на несколько шагов позади. На втором этаже было четыре комнаты: туалет, дверь туда была открыта; две спальни, тоже с открытыми дверями; и четвертая комната с наклеенным снаружи на закрытую дверь постером первого фильма о *Рокки*. Фрау Дрэшер жестом попросила Тэо отойти немного назад по коридору. Он сделал так, и она постучала костяшками пальцев по двери.

- Мут! Мут, это мама. Могу я войти?

Ответа не последовало.

Она потянулась к ручке медного цвета и медленно повернула ее, потом неуверенно приоткрыла дверь. "Мут?"

Раздался приглушенный голос, как будто мальчик лежал лицом в подушку: "Этот человек еще здесь?"

- Он не будет входить. Я обещаю. - Наступила тишина. - Ты знаешь его откуда-нибудь?

- Я видел то лицо. Тот подбородок.

- Где?

- В комнате. Он лежал на кровати. - Снова тишина. - Только это не была кровать, она была сделана из металла. И к ней была приделана такая штука, как то блюдо, на котором ты подаешь жареное мясо.

- Лоток? - спросила фрау Дрэшер.

- Его глаза были закрыты, но это был он, и...

- И что?

Тишина.

- Все в порядке, говори, Мут. Все хорошо, расскажи мне.

- На нем не было никакой рубашки или штанов. И там был этот парень в белом халате, как мы одеваем на уроках рисования. Но у него был нож, и он ...

Тэо, стоявший в коридоре, задержал дыхание.

- У него был нож, вероятно, он... он...

"*Резал меня*, - подумал Тэо. - Вскрытие трупа, детектив, наблюдающий, как медик проводит его".

- Это было так ужасно, - сказал мальчик.

Тэо спокойно ступил вперед, стоя теперь в дверном проеме, позади фрау Дрэшер. Мальчик действительно лежал на животе.

- Мут... - произнес Тэо очень мягко. - Мут, прости, что тебе пришлось видеть это, но... но я должен знать. Я должен знать, что человек говорил тебе.

¹⁵ Боже мой! (нем.)

- Я не хочу говорить об этом,- ответил мальчик.

- Я знаю... знаю. Но это очень важно для меня. Пожалуйста, Мут. Пожалуйста. Тот человек в белом халате, он был доктором. Пожалуйста, расскажи мне, о чем он говорил.

- Я должен? - спросил мальчик у своей мамы.

Тэо мог видеть противоречивые эмоции на ее лице. С одной стороны она хотела защитить своего сына от неприятностей; с другой, на кону было нечто более важное, чем это. Наконец она ответила: "Нет, ты не должен... но это *может* стать полезным. - Она пересекла комнату, села на край кровати и погладила мальчика по голове, коротким светлым волосам. - Видишь, гер Прокопидес здесь, он в большой беде. Кто-то собирается убить его. Но, может быть, ты сможешь помочь предотвратить это. Ты хотел бы сделать это, не так ли, Мут?"

Наступила очередь мальчика бороться с мыслями. "Наверно", - в конце концов, ответил он. Он чуть-чуть поднял голову, обернулся на Тэо, потом сразу отвел глаза.

- Мут? - произнесла его мама, мягко подталкивая.

- Он красит свои волосы,- сказал мальчик так, как будто так было отвратительно делать. - На самом деле они седые.

Тэо кивнул. Юный Гельмут не понимал. Откуда ему было понять? Ему было семь, он неожиданно перенесся оттуда, где он там находился в этот момент - с игровой площадки, наверное, или из класса, или из этого безопасного места, его собственной спальни. Перенесся отсюда в морг, видел, как вскрывают тело, видел, как густая темная кровь стекает по желобу в поддон.

- Пожалуйста, - сказал Тэо. - Я... ах, я обещаю больше не красить волосы.

Мальчик еще немного помолчал, потом неуверенно и сбивчиво заговорил.

- Они использовали много причудливых слов. Я не понял большинство из них.

- Они говорили по-французски?

- Нет, по-немецки. Тот другой человек, у него не было акцента, как и у меня.

Тэо слегка улыбнулся; он подумал, что у Мута был, на самом деле, был очень выраженный акцент. Тем не менее, две трети населения Швейцарии в основном говорили по-немецки, и лишь восемнадцать процентов пользовались преимущественно французским. Разумеется, Женева была во франкоговорящей части страны, но не было ничего необычного в том, что двое носителей немецкого языка использовали свой родной язык, когда рядом больше никого не было.

- Они говорили что-нибудь о входной ране? - спросил Тэо.

- Какой?

- Входной ране. - Сейчас Мут и Тэо говорили по-французски; Тэо надеялся, что он правильно формулировал на этом языке. - Знаешь, куда вошла пуля.

- Пули, - ответил мальчик.

- Прости?

- Пули. Их было три. - Он посмотрел на свою маму. - Так сказал человек в белом халате.

"Три пули, - подумал Тэо. - Кто-то очень хотел, чтобы я умер".

- А входные раны? - спросил Тэо. - Они говорили, куда пули вошли?

- В грудь.

"Значит, я видел бы убийцу", - подумал Тэо. "Ты что-нибудь еще говорил обо мне?"

- Я сказал кое-что, - ответил мальчик.

- Что?

- Я имею в виду, казалось, что это говорил я. Но это был не мой голос. Он был низкий, понимаете?

Взрослый. Конечно, он был низкий. "Что ты сказал?"

- Что вы были застрелены с близкого расстояния.

- Как ты об этом узнал?

- Я не знаю... я не знаю, почему я так сказал. Слова просто как будто вышли.
- Медицинский эксперт... человек в халате... он ответил что-нибудь, когда ты сказал это?

Мальчик теперь сидел на кровати, лицом к нему. "Нет, он только кивнул, вроде того. Похоже, он согласился со мной".

- Хорошо, тогда он говорил что-то, что подсказало тебе, что это было сделано с близкого расстояния?

- Я не понимаю", - ответил мальчик. - Мама, я должен делать это?

- Пожалуйста,- ответила фрау Дрэшер. - У нас будет мороженное на десерт. Просто поговори с этим приятным человеком еще несколько минут, пожалуйста.

Мальчик нахмурился, словно взвешивая, насколько ему нравилось мороженное. Тогда он ответил: "Он сказал, что вы были убиты на матче по боксу".

Тэо был поражен. Он мог быть высокомерным, он мог быть бесцеремонным, но он никогда в своей взрослой жизни не бил другого человека. На самом деле он скорее считал себя пацифистом, и отказался от нескольких щедрых предложений от оборонных компаний после университета. Он никогда в своей жизни не был на боксе: он думал о нем как не о спорте, а как о демонстрации животных инстинктов.

- Ты уверен, что он это сказал? - спросил Тэо. Он снова взглянул на постер *Рокки* на двери, затем на стену возле кровати Мута, на которой висел постер чемпиона в тяжелом весе Эвандера Холифилда. Возможно, ребенок объединил свои мечты и видение?

- Угу,- ответил Мут.

- Но почему я был застрелен на матче по боксу?

Мальчик пожал плечами.

- Ты помнишь еще что-нибудь?

- Он сказал, что-то было действительно маленьким.

- Что-то было маленьким?

- Да. Только 9 миллиметров.

Тэо посмотрел на мать. "Это размер пистолета. Думаю, это относится к диаметру ствола".

- Ненавижу оружие, - сказала фрау Дрэшер.

- Я тоже, - ответил Тэо. Он снова посмотрел на мальчика. - Что они еще говорили?

- 'Глок'. Мужчина продолжал говорить 'глок'.

- Это вид пистолетов. Они говорили что-нибудь еще?

- Материалы по даллистике...

- Дал...? Имеешь в виду, баллистике?

- Наверно. Они собирались послать пули в даллистику. Это город?

Тэо покачал головой: "Они говорили что-нибудь еще о пулях?"

- Они были американскими. Мужчина сказал, на оболочке было написано "Ремингтон" и я ответил так, словно знал, о чем говорю: "Американские", и он кивнул.

- Они говорили что-нибудь еще? Что-нибудь, пока они осматривали мою грудь?

Лицо мальчика побледнело. "Там было так много крови. Так много внутренностей. Я..."

Фрау Дрэшер привлекла сына поближе к себе. "Простите, гер Прокопидес, но я думаю, что этого достаточно".

- Но...

- Нет. Теперь вы должны уйти.

Тэо выдохнул. Он засунул руки в карманы, достал оттуда свои визитки и перешел к кровати мальчика. "Мут, вот так ты сможешь со мной связаться. Пожалуйста, сохрани эту карточку. В любое время... я имею в виду, даже через годы... если что-нибудь произойдет с тобой, что как ты подумаешь, я должен знать, я прошу тебя позвонить мне. Это очень важно для меня".

Мальчик посмотрел на небольшой прямоугольник, ему, вероятно, прежде в жизни никогда не вручали визитную карточку.

- Возьми. Возьми визитку. Она твоя.

Мут неуверенно взял ее из руки Тэо.

Тэо вручил другую визитку матери, поблагодарил обоих Дрэшеров и ушел.

9

ОБЗОР НОВОСТЕЙ

Даррен Сандэй, звезда сериала NBC "Dale Rice", скончался сегодня от ран, полученных от падения во время феномена. Производство сериала, который снимался и в отсутствие Сандэя, остановлено.

Комиссия Штата Нью-Йорк по Автомагистралям сообщает, что образовавшаяся в результате аварии груда из семидесяти двух машин около выезда 44 (Канандаиуга) все еще не расчищена; западная автомагистраль в настоящее время все еще заблокирована. Водителям советуют выбирать альтернативные маршруты.

Группа из десяти тысяч мусульман в Лондоне, Англия, чьи личные молитвы были прерваны Скачком в будущее, сегодня соберутся вместе на площади Пикадилли лицом в сторону Мекки для *общей молитвы*.

Папа Римский Бенедикт XVI объявил об изнурительном расписании международных визитов. Он приглашает католиков и некатоликов посетить его мессы, организованные для поддержки тех, кто потерял любимых во время Скачка в будущее. На вопрос о том, был ли Скачок в Будущее чудом, понтифик предпочел пока не отвечать.

Детский Фонд ООН предложил помочь перегруженным национальным агентствам по усыновлению в нахождении домов для детей, оставшихся сиротами после Скачка в Будущее.

Хотя в ЦЕРН все буквально кипело - каждый исследователь лелеял свою теорию о том, что произошло - Ллойд и Мичико ушли домой пораньше; никто не мог обвинить после того, что случилось с дочерью Мичико. "Домом" снова без обсуждения - в нем не было нужды - стала квартира Ллойда в Сен-Жени.

Мичико по-прежнему плакала каждые несколько часов, и Ллойд, наконец, тоже смог выкроить время, закрыть дверь своего кабинета, положить голову на стол и выплакаться. Иногда, плач помогает уйти боли, но не в этом случае.

Они рано поужинали; Ллойд приготовил отбивные, которые лежали в холодильнике. Мичико, явно желая заняться чем-нибудь... чем угодно... чтобы занять свои мысли, работала над выправлением квартиры Ллойда.

И, когда они закончили ужин, Мичико налила себе чаю, а Ллойд кофе, вопрос, которого Ллойд боялся, наконец, был снова задан.

- Что ты видел? - спросила Мичико.

Ллойд открыл рот, чтобы ответить, но потом закрыл его.

- О, да ладно,- сказала Мичико, явно читая его лицо. - Это не могло быть так плохо.
- Могло,- сказал Ллойд.
- Что ты видел? - спросила она снова.
- Я... - Он закрыл глаза. - Я был с другой женщиной.

Мичико несколько раз мигнула. Наконец, ледяным тоном она спросила: "Ты обманывал меня?"

- Нет... нет.
- Тогда что?
- Я был... Боже, дорогая, мне так жаль... Я был женат на другой женщине.
- Откуда ты знаешь, что вы были женаты.
- Мы были вместе в постели и оба носили обручальные кольца. И мы были в коттедже в Новой Англии.
- Может это был ее дом.
- Нет. Я узнал часть обстановки.
- Ты был женат на ком-то еще, - произнесла Мичико, как будто пытаясь переварить информацию. Она недавно испытала такой шок, что, возможно, еще что-нибудь может стать слишком тяжелым, чтобы вынести все.

Ллойд кивнул: "Мы... ты и я... мы должно быть развелись. Или..."

- Или?

Он пожал плечами: "Или, может, мы так и не поженились".

- Ты все еще любишь меня? - спросила Мичико.
- Конечно, люблю. Конечно, люблю. Но... слушай, я не хотел такого видения. Я не наслаждался им вообще. Помнишь, когда мы говорили о наших клятвах? Помнишь, как мы обсуждали, оставить ли в них часть "пока смерть не разлучит нас"? Ты говорила, что это немодно; ты сказала, что так никто больше не говорит. И, в общем, ты уже была замужем до этого. Но я сказал, что мы должны оставить эту часть. Вот чего я хотел. Я хочу вступить в брак, который будет длиться вечно. Не как у моих родителей ... и не как твой первый брак.

- Вы были в Новой Англии, - сказала Мичико, все еще пытаясь справиться с этим. - А я... я была в Киото.

- С маленькой девочкой, - напомнил Ллойд. Он помолчал, неуверенный, должен ли он задать ноющий вопрос. Но затем он спросил, не совсем встречаясь с ней глазами, пока говорил. - Как выглядела эта девочка?

- У нее были длинные темные волосы, - ответила Мичико.

- И...

Мичико отвела взгляд. "И азиатские черты. Она выглядела японкой. - Она помолчала. - Но это ничего не означает, многие дети от смешанных пар больше похожи на одного родителя, чем на другого".

Ллойд почувствовал, как бьется сердце в его груди. "Я думал, что мы предназначены друг для друга, - сказал он мягко. - Я думал... - Он затих, не способный сказать. - Я думал, ты была моей той самой единственной". Его глаза наполнились слезами; ее, судя по всему, тоже. Она потеряла их тыльной стороной ладони.

- Я люблю тебя, Ллойд, - сказала она.

- Я тоже тебя, но...

- Да, - сказала она. - Но...

Он потянулся через стол и коснулся ее руки, которая сейчас лежала на поверхности. Она сжала его пальцы. Они долго сидели молча.

Тэо сидел некоторое время в своей машине на улице около дома Дрэшеров, его разум стремительно работал. Его застрелили из девятимиллиметрового гlocka; он был почти уверен, благодаря полицейским сериалам, которые он смотрел, что гlock был полуавтоматом.

тическим пистолетом, популярным среди полицейских всего мира. Но патроны были американские; возможно на курок нажал американец. Конечно, Тэо, наверное, еще не встретился с тем, кто в один прекрасный день захочет убить его. Разумеется, круг его друзей, знакомых и коллег вряд ли останется хотя бы отчасти таким же, как сегодня через два десятилетия.

Однако Тэо уже знал много американцев.

Но ни одного хорошо. Ни одного, за исключением Ллойда Симко.

Конечно, Ллойд не был настоящим американцем. Он родился в Канаде. И канадцы тоже не любили оружия, у них не было Второй Поправки или как там называлась эта дурость, которая заставляла американцев считать, что они могут разгуливать повсюду с оружием.

Но Ллойд жил в США 17 лет до того, как приехал в ЦЕРН, сначала в Гарварде, затем как экспериментатор на протон-антипротонном коллайдере Тэватрон в лаборатории им. Э. Ферми, недалеко от Чикаго. И, по собственному признанию Ллойда, он снова будет жить в США ко времени видений. Он, возможно, получит оружие достаточно легко.

Но нет... у Ллойда есть алиби.

Он был в Новой Англии, когда Тэо был... как там говорят американцы? Когда Тэо был уничтожен.

Кроме...

Кроме того, что Тэо был/ будет убит 21 октября... а видение Ллойда, как и все остальные, показывало 23 октября.

Ллойд рассказал свое видение Тэо... он сказал, что пока не рассказывал о нем Мичико, но Тэо настоял, и Ллойд смягчился, хотя заставил юного грека поклясться сохранить его в тайне. Ллойд говорил, что в своем видении он занимался любовью со старой женщиной, по-видимому, его тогдашней женой.

Старики, конечно, не занимаются любовью так часто, - подумал Тэо. На самом деле, они, возможно, делают это только в особых случаях. Например, когда один из них возвращается после долгого отсутствия. Просто шестичасовой перелет из Новой Англии в Швейцарию... и это сегодня. Через 20 лет может это быть намного быстрее.

Нет, Ллойд мог спокойно в понедельник быть в ЦЕРН, а в среду вернуться домой, в Нью-Хэмпшир или куда бы то ни было, черт возьми. Не то, чтобы Тэо мог придумать какую-то причину, по которой Ллойд может захотеть убить его.

За исключением того, конечно, что к 2030 году очевидно Тэо, а не Ллойд, был директором того, что звучит как невероятно продвинутый ускоритель частиц в ЦЕРН: Тахионно-Тардионного коллайдера. За годы академическая и профессиональная зависть могла привести к большему, чем к тому убийству.

И, конечно, тот факт, что Ллойд и Мичико больше не были вместе. Если быть честным перед собой, Тэо тоже нравилась Мичико. А кому не нравилась бы? Она была великолепной и блистательной, страстной и забавной. И, ну, в общем, она *была* ближе по возрасту к его возрасту, чем Ллойда. Мог ли он сыграть роль в их разрыве?

Так же как он подтолкнул Ллойда поделиться своим видением, также он подтолкнул и Мичико поделиться своим: Тэо очень хотел понять суть, косвенно попытаться испытать то, что все другие были довольно удачливы видеть. В видении Мичико она была в Киото, возможно, как она сказала, привозила свою дочь в гости к дяде Мичико. Мог ли Ллойд ждать, пока она на время покинет Женеву, и уехать, чтобы свести старые счеты с Тэо?

Тэо ненавидел себя за то, что он даже рассматривал такие вероятности. Ллойд был его наставником, его партнером. Они всегда говорили о совместном получении Нобелевской премии. Но...

Но в этих двух статьях, в которых он нашел упоминание о собственной смерти, не было никакого упоминания о Нобелевской премии.

Конечно, это не означает, что Ллойд не будет получать ее один, но...

Мать Тэо была диабетиком; Тэо исследовал историю диабета, когда ей поставили диагноз. Пришли в голову имена Бантинг и Бест - два канадских исследователя, которые открыли инсулин. В самом деле, они были как другие пары людей, с которыми Ллойда и Тэо сравнивали, например, Крик и Уотсон, Бантинг и Бест были разных возрастов - Бантинг конечно был старшим исследователем. Но хотя Ватсон и Крик были совместно награждены Нобелевской премией, Бантинг разделил ее не со своим настоящим партнером по исследованиям, молодым Бестом, а скорее с Д.Д.Р. Маклеодом, своим боссом. Может быть, Ллойд получил бы Нобелевскую премию не за открытие бозона Хиггса, осуществление которого потерпело неудачу, а скорее за объяснение эффекта смещения времени. И возможно он разделил бы ее не со своим молодым партнером, а скорее со своим боссом - с Беранже, или кем-то еще из иерархии ЦЕРН. Как бы это отобразилось на их дружбе, партнерстве? Что, ревность и ненависть мучили бы между настоящим и 2030 годами?

Безумие. Паранойя. И все же ...

И все же, если его убили на территории ЦЕРН... Предложение Мута Дрэшера о перестрелке на спортивной арене все еще кажется сомнительным суждением... тогда он будет убит кем-то, кому удалось получить доступ к территории кампуса. ЦЕРН, каким бы он не был, не являлся средством максимальной безопасности, но при этом никому не позволяли просто проходить через ворота.

Нет, вероятно, его убил кто-то, кто мог пройти в ЦЕРН. Кто-то, с кем Тэо встретился бы лицом к лицу. И кто-то, кто не просто хотел его смерти, а кто, несомненно, давал выход сдерживаемому гневу, посылая пулю за пулей в тело Тэо.

Ллойд и Мичико переместились на диван в гостиной, посуда могла и подождать.

"Черт возьми,- подумал Ллойд, - почему это случилось? Все шло так хорошо, а теперь..."

А теперь, похоже, что все собирается развалиться". Ллойд не был молодым мужчиной. Он никогда не хотел так долго ждать, чтобы жениться, но... Но работа мешала, и ...

Нет. Нет, это не так. Будь честен. Посмотри правде в глаза.

Он привык думать о себе как о хорошем человеке, добром и обходительным, но... сказать по правде, он не был элегантен, не был обаятелен; Мичико не понадобилось много усилий, чтобы поменять к лучшему его гардероб, потому что, практически любое изменение было бы к лучшему.

О, конечно, женщины... и мужчины, в этом отношении, говорили, что он был хорошим слушателем, Ллойд знал, что он не столько был мудр, сколько просто не знал, что сказать. Поэтому он сидел, внимательно слушал, погружался в мир чужих жизней, с их горами и долами, взлетами и падениями, тяготами и испытаниями, выпавшими на долю тех, чье существование было более насыщено разнообразными событиями, волнениями и страхами, чем его собственное.

Ллойд Симко не был любимцем женщин; он не был хорошим рассказчиком; не был известен как человек, способный произнести хорошую послеобеденную речь. Он был просто ученым, специалистом в кварк-глюонной плазме (хроноплазме), типичный ботаник, который начинал как ребенок, не умеющий бросать в бейсболе, который провел юность, уткнувшись носом в книги, когда другие ребята его возраста оттачивали навыки общения в тысяче и одной различных ситуациях.

И годы пронесли - его двадцать лет, тридцать лет, и теперь, сейчас большинство его сороковых. О, он сделал успешную карьеру, и периодически он встречался с женщинами, и была еще Памела, тогда, много лет назад, но ничего похожего на постоянные отношения, способные пройти тест временем.

До этих пор, до Мичико.

Это казалось таким настоящим. То, как она смеялась над его шутками; то, как он смеялся над ее шутками. То, что, хотя они выросли в совершенно разных условиях - он в консервативной сельской Новой Шотландии; она в космополитичном перенаселенном Токио - они разделяли одни и те же политические и этические взгляды и убеждения, как если бы - опять невольно он употребил этот термин - как если бы они были родственными душами, созданными друг для друга. Да, она была замужем и развелась, да у нее есть... была... дочь, но все же, они были в полной гармонии друг с другом, так идеально подходили друг другу.

Но теперь...

Теперь вроде как оказалось, что это тоже было иллюзией. Мир, возможно, все еще не мог никак решить, были ли эти видения отражением реальности и какой именно, но Ллойд уже принял их как правдивое, реальное описание завтрашнего дня того неизменно-го пространственно-временного континуума, в котором он обретался.

И еще он должен объяснить ей то, что он чувствует - он, Ллойд Симко, человек, которого слова всегда подводят, хороший слушатель, славный парень, один из многих, к кому обращаются, когда возникают сомнения. Он должен объяснить ей, что происходит у него в голове, почему видение расторгнутого в будущем двадцати одного летнего брака - двадцать один год! - так парализовало его в настоящем, так отравляло для него то, что, он думал, они имели.

Он посмотрел на Мичико, отвел пристальный взгляд, попытался снова встретиться с ней глазами, потом сосредоточился на чистом пятне на темных, цвета вина, обоях квартиры.

Он никогда не говорил об этом никому... даже своей сестре Долли, по крайней мере, с тех пор как они были детьми. Он глубоко вздохнул, потом начал, все еще смотря на стену. "Когда мне было 8 лет, мои родители позвали меня и сестру вниз в гостиную. - Он сглотнул. - Это было в полдень в субботу. В течение многих недель в нашем доме чувствовалась напряженность. Так это называют взрослые... "чувствовалась напряженность". Будучи ребенком, я знал только, что мама и папа не разговаривают друг с другом. Нет, они разговаривали, когда иначе было нельзя, но всегда на повышенных тонах. И эти разговоры часто заканчивались оборванными фразами. "*Если ты так...!*"; "*Я не собираюсь...!*" "*Не смей...!*" И вроде того. Они пытались держаться вежливо, когда знали, что мы могли их услышать, но мы слышали намного больше, чем они думали".

Он коротко взглянул на Мичико, затем снова переместил пристальный взгляд на стену. "В общем, они позвали нас вниз в гостиную. "Ллойд, Долли - идите сюда!" Это был мой отец. И, знаешь, когда он звал нас, крича так, обычно это означало, что мы в беде. Мы не убрали наши игрушки, кто-то из соседей пожаловался на что, что мы сделали, что-то вроде этого. Ну, я вышел из своей комнаты, Долли - из своей, мы посмотрели друг на друга, знаешь, просто быстрый взгляд, просто общий момент предчувствия". Он посмотрел на Мичико, тем же взглядом, что он смотрел на свою сестру тогда, много лет назад.

Ллойд продолжил. "Мы пошли вниз по лестнице, там были они: мама и папа. И они оба стояли, и мы тоже остановились. И все время мы стояли кругом, как будто ждали черного автобуса. Они оба немного помолчали, как будто не знали, что сказать. А затем, наконец, моя мама заговорила. Она сказала: "Ваш отец съезжает". Просто вот так. Никакой преамбулы, никакого смягчения удара: "Ваш отец съезжает".

А потом заговорил он: "Я приобрел жилье неподалеку. Вы сможете видеться со мной по выходным".

И моя мама добавила, как будто это должно быть сказано: "Ваш отец и я не ладим".

Ллойд замолк.

Мичико сделала сочувствующее лицо: "Ты часто его видел, после его переезда?" - спросила она, наконец.

- Он не съехал.

- Но ваши родители *развелись*.
- Да... через 6 лет. Но после великого объявления, он не съехал. Он не уезжал.
- Так ваши родители помирились?

Ллойд слегка пожал плечами: "Нет, нет, борьба продолжалась, но снова они никогда не упоминали его отъезд. Мы... я и Долли... мы все ждали и ждали, когда пробьет час, и он уедет от нас. Многие месяцы... фактически, все эти шесть лет, которые продлился их брак после того разговора... мы думали, что он может уйти в любой момент. В конце концов, они ведь не упоминали никаких сроков - они не сказали, *когда* он собирается уйти. Когда они, наконец, действительно разошлись, это было почти облегчение. Я люблю своего отца, и маму тоже, но так долго жить с этим дамокловым мечом над головой было невыносимо. - Он ненадолго замолчал. - И брак как этот, закончившийся плохо... Прости, Мичико, но я не думаю, что я когда-нибудь смогу пройти через что-то подобное снова".

10

День третий: четверг, 23 апреля 2009 года

СВОДКА НОВОСТЕЙ

Офис окружного прокурора Лос-Анджелеса снял обвинения по всем текущим делам о мелких уголовных правонарушениях, чтобы освободить персонал для работы с потоком новых обвинений, выдвинутых в связи с грабежом во время хаоса, наступившего после Скачка в Будущее.

Факультет философии университета Витватерсранда в Южной Африке сообщает о рекордном числе запросов о расписании занятий.

Амтрак в США, Виа Рэйл в Канаде и Бритиш Рэйл сообщили о гигантском росте числа пассажиров. Ни один поезд этих компаний не разбился во время Скачка в Будущее.

Церковь Святых Видений, открытая вчера в Стокгольме, Швеция, теперь заявляет о 12000 последователей по всему миру, что делает ее самой быстро растущей религией на планете.

Американская Юридическая Ассоциация сообщает о значительном увеличении числа желающих составить завещание или переписать уже имеющееся.

На следующий день Тэо и Мичико работали над созданием своего веб-сайта, где люди могли бы сообщить о своих видениях. Они решили назвать его Проект Мозаика, одновременно в честь первого популярного (но теперь заброшенного) веб-браузера, и в знак признания теперь уже четко установленного благодаря усилиям исследователей и репортеров по всему миру факта, что видение каждого человека на самом деле представляло собой один маленький камушек в гигантском мозаичном портрете 2030 года.

Тэо держал кружку кофе. Он сделал глоток, потом: "Могу я задать тебе вопрос о твоём видении?"

Мичико отвела взгляд на горы за окном: "Конечно".

- Та маленькая девочка, с которой ты была. Думаешь, она твоя дочь? - Он чуть не сказал "твоя новая дочь", но к счастью успел остановить эту мысль до того, как она вырвалась на свободу.

Мичико слегка пожала своими узкими плечами. "Похоже, что так".

- И... дочь Ллойда тоже?

Мичико выглядела удивленной вопросом. "Конечно", - сказала она, но в ее голосе была некоторая неуверенность.

- Потому что Ллойд...

Мичико напряглась: "Он рассказал тебе о своем видении, да?" Тэо понял, что вляпался.

- Нет, не совсем. Только то, что он был в Новой Англии...

- С женщиной, которая не была мной. Да, я знаю.

- Я уверен, что это ничего не значит. Я уверен, что видения не окажутся правдивыми.

Мичико снова посмотрела на горы; Тэо обнаружил, что тоже часто так делает. В них было что-то такое... что-то солидное, постоянное, неизменное. Он обнаружил, что это успокаивает его - смотреть на них, осознавать, что есть нечто, что выстояло не десятилетия, но тысячелетия.

- Послушай, - сказала она, - Я уже один раз развелась. Я не настолько наивна, чтобы считать, что все браки длятся вечно. Возможно, в какой-то момент Ллойд и я расстанемся. Кто знает?

Тэо отвел взгляд, не в силах встретиться с ней глазами, не будучи уверенным как она отреагирует на слова, которые вертелись у него на кончике языка: "Он будет идиотом, если позволит тебе уйти", - сказал он.

Его рука лежала на столе. Неожиданно, он почувствовал, как рука Мичико коснулась его руки, нежно похлопав тыльную сторону его ладони. "Ох, спасибо тебе, - сказала она. Он посмотрел на нее, и она улыбалась. - Это была самая приятная вещь из всех, что мне когда-либо говорили".

Она отвела руку... но не сразу, а через несколько восхитительных секунд.

Ллойд Симко шел от центра управления БАК к главному административному корпусу. Обычно это путешествие занимало пятнадцать минут, но в этот раз растянулось на полчаса, потому что его трижды останавливали физики, идущие в противоположную сторону, которые хотели задать Ллойдку вопросы об эксперименте на БАК, который мог вызвать временной скачок, или предложить теоретические модели для объяснения Скачка в Будущее. Был чудесный весенний день - прохладный, клубы облаков в ясном голубом небе соперничали с вершинами к востоку от городка.

Наконец, он вошел в административный корпус и направился к кабинету Беранже.

Конечно, он договорился о встрече заранее (он опаздывал на пятнадцать минут); ЦЕРН был большой организацией, просто так заявиться к генеральному директору было совершенно невозможно.

Секретарь Беранже сказала Ллойдку идти прямо в кабинет, Ллойд так и поступил. Окно кабинета, находившегося на третьем этаже, выходило на городок ЦЕРН. Беранже встал из-за стола и сел на один из стульев за переговорным столом, большая часть которого была забита логами экспериментов, относившихся к Скачку в Будущее. Ллойд сел напротив.

- *Oui*¹⁶? - сказал Беранже. - Да? В чем дело?

¹⁶ Да? (фр.)

- Я хочу сделать публичное заявление, - сказал Ллойд. - Я хочу рассказать миру о нашей роли в случившемся.

- *Absolument pas*¹⁷, - сказал Беранже. - Ни в коем случае.

- Черт побери, Гастон, мы должны будем сделать признание рано или поздно.

- Ты не можешь знать, что это наша вина, Ллойд. Ты не можешь этого доказать... и никто другой не может. Телефоны, конечно, раскалились от звонков: я могу представить, что каждый ученый во всем мире получает сейчас звонки от журналистов, желающих узнать его мнение о случившемся. Но никто пока что не связал это с нами... и, надеюсь, никто и не свяжет.

- Ой, да ладно! Тэо говорит, ты примчался в центр управления БАК сразу после Скачка в Будущее... ты знал, что это мы с самого первого момента.

- Тогда я думал, что это был локальный феномен. Как только я узнал, что он был всемирного масштаба, я пересмотрел свою точку зрения. Думаешь, мы были единственными, кто занимался чем-то интересным в этот момент? Я проверил. КЕК проводили эксперимент, который начался за пять минут до Скачка в Будущее; SLAC тоже проводил серию столкновений частиц. Нейтринная Обсерватория Садбери зарегистрировала взрыв как раз перед 17:00; кроме того, как раз перед 17:00 произошло землетрясение в Италии силой в 3,4 балла по шкале Рихтера. Новый реактор ядерного синтеза заработал в Индонезии точно в 17:00 по нашему времени. И Боинг проводили серию тестов ракетных моторов.

- Ни КЕК, ни SLAC не могут достичь энергетических уровней, близких тем, с которыми мы работаем в БАК, - сказал Ллойд. - А все остальное вряд ли является необычными событиями. Ты хватаешься за соломинку.

- Нет, - сказал Беранже. - Я провожу надлежащее расследование. У тебя нет... нет внутренней уверенности... что это были мы, и пока она не появилась, не говори ни слова.

Ллойд покачал головой: "Я знаю, что ты проводишь дни за рутинной бумажной работой, но я думал, что в душе ты все еще ученый".

- Я ученый, - ответил Беранже. - Речь именно о науке, строгом научном подходе, каким он должен быть. Ты готов сделать заявление прежде, чем будут установлены все факты. Я нет. - Он остановился, вздохнул. - Слушай, - сказал он, - вера людей в науку уже была достаточно расшатана за эти годы. Слишком много научных статей оказалось мошенничеством или пусканием пыли в глаза.

Ллойд посмотрел на него.

- Персиваль Лоуэлл, который просто нуждался в лучших линзах и менее активном воображении, утверждал, что видел каналы на Марсе. Но там не было никаких каналов.

- Мы еще имеем дело с последствиями высказывания одного идиота из Розуэлла, который решил объявить о том, что то, что он видел, было остатками инопланетного космического корабля, а не простым метеозондом.

- Ты помнишь племя Тасадей? Племя времен каменного века обнаружили в Новой Гвинее в 1970 годах, у которого не было слова для обозначения войны? Антропологи из кожи вон лезли, чтобы изучить их. Только существовала одна проблема - они были обманом. Но ученые слишком торопились попасть на ток-шоу и не побеспокоились проверить доказательства.

- Я не пытаюсь попасть на ток-шоу, - сказал Ллойд.

- Затем мы объявили миру о холодном термоядерном синтезе, - игнорируя его, сказал Гастон. - Помнишь это? Конец энергетического кризиса, конец бедности! Больше энергии, чем человечество когда-либо нуждалось бы. Только это не было правдой - просто Флейшман и Понсп поторопились.

¹⁷ Абсолютно нет. (фр.)

- Тогда мы начали говорить о жизни на Марсе - антарктический метеорит с предполагаемыми микро окаменелыми останками, доказательством того, что развитие началось на другой планете, а не на Земле. За исключением того, как оказалось, что ученые снова слишком поторопились заговорить об этом, и эти окаменелости вовсе не были окаменелостями, а всего лишь естественными горнами формированиями.

Гастон вздохнул: "Мы должны быть осторожны, Ллойд. Ты когда-либо слушал кого-нибудь из Института Креационных Исследований? Они извергают абсолютную тарабарщину о происхождении жизни, но среди зрителей ты можешь увидеть людей, кивающих головами и соглашающихся с ними - креационисты говорят, что ученые не знают то, о чем они говорят, и они правы, в половине случаев - не знаем. Мы открываем наши рты слишком рано, все в некоторой претензии на первенство, уважение. Но каждый раз, когда мы не правы - каждый раз, когда мы говорим, что добились прогресса в лечении рака или мы открыли фундаментальную тайну вселенной, а потом через неделю или год или десятилетие мы говорим: "Ой! мы были неправы, мы не проверили факты, мы не знали, о чем говорили", - каждый раз, когда такое случается, мы окрыляем астрологов и креационистов, и нью-эйджеров и всех других ловкачей, шарлатанов и просто психов. Мы ученые, Ллойд, мы должны быть последним оплотом рационального мышления, проверяемого, воспроизводимого, неопровержимого доказательства, и, тем не менее, мы являемся своими злейшими врагами. Ты хочешь получить огласку... ты хочешь рассказать, что ЦЕРН сделал это, мы переместили человеческое сознание во времени, мы можем видеть будущее, мы можем дать вам подарок из завтра. Но я не уверен, Ллойд. Ты думаешь, что я просто администратор, который пытается прикрыть свою задницу, на самом деле общую задницу, всех нас и наших страховщиков. Но дело не в этом... или, если быть честным, не *только* в этом. Черт возьми, Ллойд... Я сожалею, сильнее, чем ты, может быть, можешь себе представить, о том, что случилось с дочерью Мичико. Мэри-Клэр родила вчера, я даже не должен быть здесь - Слава Богу, что ее сестра осталась с нами - но так много должно быть сделано. У меня теперь есть сын, и даже притом, что я провел с ним несколько часов, я никогда не смогу выдержать его потерю. То, перед чем оказалась Мичико - вы оказались - я не могу себе это представить. Но я хочу лучшего мира для своего сына. Я хочу мира, в котором науку уважают, в котором ученые выступают на основе четких данных, а не необузданного воображения, в котором, если некто сообщает новости науки, люди в аудитории сидят и внимательно слушают, потому что им открывается нечто новое и основополагающее о законах вселенной, вместо того чтобы закатывать глаза и говорить, боже, интересно, что еще они придумали на *этой* неделе. Ты не знаешь наверняка - так чтобы поклясться всеми святыми - что ЦЕРН было *замешано* в случившемся... и пока ты... пока я не буду в этом уверен, никто не будет проводить никаких пресс-конференций. Это понятно?"

Ллойд открыл было рот, чтобы протестовать, но закрыл его, потом открыл снова: "А если я смогу доказать, что ЦЕРН замешан в случившемся?"

- Ты не будешь запускать БАК... не на уровне 1150 ТэВ. Я изменил расписание проведения экспериментов. Любой, кто хочет использовать БАК для столкновений протон-протон, может это сделать, когда мы закончим с диагностикой, но никто не будет запускать ускоритель для ядерных столкновений, пока я не разрешу.

- Но...

- Никаких но, Ллойд, - сказал Беранже. - А теперь, послушай, у меня куча работы. Если это все...?

Ллойд покачал головой и покинул его кабинет, потом административный корпус и отправился обратно.

На обратном пути еще больше людей останавливало Ллойда; похоже новые теории выдвигались каждые несколько минут и старые отвергались с той же частотой. В конце концов, Ллойд вернулся в свой кабинет. На столе его ждал предварительный отчет коман-

ды инженеров, которая проверила все двадцать семь километров туннеля БАК, ища любые отклонения от нормы в оборудовании, которые могли бы стать причиной смещения во времени; до сих пор ничего необычного не всплыло. Детекторы ALICE и CMS тоже были признаны исправными, успешно пройдя все диагностические тесты, которым их успели подвергнуть до настоящего момента.

Еще там лежала копия первой полосы *"Трибьюн де Женев"*; кто-то положил ее туда и обвел кружком одну статью:

- Человек, У Которого Было Видение, Умер.
- Будущее Не Предопределено, - заявляет Профессор.

МОБАЙЛ, АЛАБАМА (AP): "Джеймс Пунтер, 47, погиб сегодня в автомобильной аварии на шоссе I-65. Пунтер ранее пересказал свое видение будущего своему брату Деннису Пунтеру, 44.

"Джим рассказал мне все о своем видении, - сказал Деннис. - Он был дома, в том же доме, в котором он жил сейчас, только в будущем. Он брился, и до смерти перепугался, когда увидел себя самого в зеркале, старого и в морщинах".

"Смерть Пунтера имеет далеко идущие последствия", - заявляет Джасмин Роуз, профессор философии в государственном университете Нью-Йорка в Брокпорте.

"С того момента, как случились видения, мы спорили о том, отражали ли они настоящее будущее или только одно из возможных будущих, или, не были ли они на самом деле просто галлюцинациями", - сказала она.

"Смерть Пунтера четко указывает, что будущее не предопределено; у него было видение, и все-таки его уже нет здесь, чтобы увидеть, как оно сбудется".

Ллойд был все еще зол после спора с Беранже, и неожиданно для себя смял газетную страницу и швырнул через весь кабинет.

Профессор философии!

Смерть Пунтера, разумеется, ничего не доказывала. Его свидетельство было совершенно недоказуемым. Не было никаких дополнительных свидетельств в его пользу - кусочков просмотренного телешоу или прочитанной газеты, которые можно было бы сравнить со свидетельствами других людей о них же, и никто, судя по всему, не видел его в своем видении. Мужчина сорока семи лет вполне мог быть мертв через двадцать один год. Он вполне мог придумать видение - и он не особо напряг свое воображение при этом - чем признаться, что у него его не было. Как сказала Мичико, Тэо возможно разрушил свои шансы застраховать свою жизнь, признавшись в том, что у него не было видения; Пунтер мог решить, что лучше притвориться, что у него было видение, чем признать, что он умрет.

Ллойд вздохнул.

Разве они не могли пригласить ученого, чтобы поговорить об этой проблеме? Кого-то, кто понимает, что такое строгое доказательство?

Профессор философии. Не смешите меня.

Мичико сделала большую часть работы по запуску веб-сайта; Тэо занимался компьютерными симуляциями столкновений в БАК на отдельном компьютере в той же комнате, чтобы при необходимости помогать Мичико. Конечно, в распоряжении ЦЕРН были

все последние средства разработки, но многое все равно приходилось делать руками, включая описания различной длины, которые добавлялись в сотни различных поисковых систем по всему миру. Она посчитала, что все будет готово к запуску через день.

На мониторе Тэо выскочило окошко, с сообщением о полученном новом сообщении. Обычно он игнорировал их, пока не появлялось свободное время, но тема письма сразу же привлекла его внимание: *"Betreff: Ihre Ermordung"* - "Касательно вашего убийства" по-немецки.

Тэо попросил компьютер открыть письмо. Он целиком было написано по-немецки, но у Тэо прочитал его без проблем. Однако Мичико, заглядывавшая ему через плечо, не читала по-немецки, поэтому он перевел его для нее.

- Это от женщины из Берлина, - сказал Тэо. - Она пишет что-то вроде: "Я видела ваше сообщение в новостной группе, которую я читаю. Вы ищете людей, которые могут знать что-нибудь о вашем убийстве. Так вот, человек, живущий в одном доме со мной, что-то знает об этом. Мы все" - это значит собираться, кучковаться, что-то вроде того - "мы все собрались в вестибюле после известных событий и рассказали друг другу свои видения. У одного парня - я не очень хорошо его знаю, но он живет этажом выше меня - было видение, как он смотрит новости по телевизору об убийстве физика, я думала, он сказал в ЛюЦЕРНе, но когда я прочитала ваше сообщение, я поняла, что он на самом деле сказал в ЦЕРН, о котором, признаюсь, я никогда не слышала. Так или иначе, я переслала ему копию вашего сообщения, но я не знаю, свяжется ли он с вами или нет. Его зовут Вольфганг Руш и вы можете связаться с ним..." Вот такое письмо.

- Что ты будешь делать? - спросила Мичико.

- Что же еще? Свяжусь с парнем. - Он поднял трубку, набрал код для личных междугородних звонков и набрал номер, который все еще был на экране.

11

СВОДКА НОВОСТЕЙ

На Филиппинах объявлен национальный день траура в связи с гибелью Президента Мориса Монга и прочих граждан страны во время Скачка в будущее.

Группа, называющая себя "Коалиция 21 апреля" лоббирует Конгресс по вопросу установки в Вашингтоне памятника, посвященного американцам, погибшим во время скачка в будущее. Они предлагают создать гигантскую мозаику, изображающую Таймс Сквер в Нью-Йорке такой, какой она будет в 2030 году, по свидетельствам тысяч людей, описавших это место на основе своих видений. В этой мозаике будет частичка для каждого, кто погиб при этом событии, на которой лазером будет выгравировано имя этого человека.

Кастл Рок Энтертеймент объявил о том, что премьера долгожданного летнего блокбастера *"Катастрофа"* откладывается "до более благоприятного момента".

Сепаратистские настроения в Квебеке находятся на рекордно низком уровне согласно опросу *Маклина*: "Знание того, что, судя по всему, Квебек все еще будет частью Канады через двадцать один год, заставило многих убежденных сепаратистов опустить руки", - отмечается в редакционной статье *Маклина*.

В качестве чрезвычайной меры, направленной на то, чтобы высвободить врачей для помощи тем, кто физически пострадал во время Скачка в Будущее, Комиссия по Продуктам и Лекарствам США разрешила на один год свободную продажу одиннадцати антидепрессантов, ранее продававшихся только по рецепту.

В ту ночь Ллойд и Мичико снова сидели на диване в квартире Ллойда, на кофейном столике лежала пятисантиметровой толщины пачка распечаток и отчетов, которых Ллойд принес домой. Мичико ни разу ни расплакалась с тех пор как они пришли домой, но Ллойд знал, что она без сомнений будет плакать, пока не уснет сегодня ночью, так же как и двумя предыдущими. Он пытался сделать все как надо: он не хотел избегать разговоров о Тамико - он знал, что это будет все равно, что отрицать, что она вообще существовала - но он заговаривал об этом только, если Мичико сама упоминала ее.

И, конечно, он старался избегать темы их свадьбы и их видение, и всех тех сомнений, что кружились у него в голове. Так они и сидели, и он обнимал ее, когда ей нужно было, чтобы ее обнимали, и они говорили с другом.

- Гастон Беранже сегодня долго распространялся о роли науки, - сказал Ллойд. - И, черт возьми, он заставил меня задуматься о том, что возможно он и прав. Мы делали много шокирующих заявлений, мы, ученые. Мы целенаправленно использовали сенсационно звучащие термины, заставляя людей думать, что мы делаем нечто, чего мы на самом деле не умеем.

- Я признаю, мы не всегда успешно справлялись с задачей донесения научных истин до широкой публики, - сказала Мичико. - Но... но если ЦЕРН в ответе... если ты...

Если ты в ответе...

Несомненно, именно это она собиралась сказать прежде, чем оборвала себя: "Если ты в ответе..."

Да, если он был в ответе... если его эксперимент, его и Тэо, каким-то образом был в ответе за все смерти и разрушения, за смерть Тамико...

Он поклялся себе, что он никогда не обидит Мичико, что он никогда не будет обращаться с ней так, как Хироши. Но если это его эксперимент, хотя бы и неспециально, хотя бы и косвенно, привел к смерти Тамико, тогда он причинил больше боли Мичико, чем все равнодушие и безразличие Хироши.

Вольфганг Руш, казалось, с неохотой говорил по телефону, и Тэо, в конце концов, напрямую объявил, что приедет в Германию, чтобы увидеться с ним. Берлин был всего в 870 километрах от Женевы. Он мог доехать туда за день, но решил сначала позвонить турагенту на случай, если могут быть дешевые свободные места.

Выяснилось, что свободных мест было *полно*.

Да, число самолетов во всемирном авиафлоте несколько сократилось - какое-то количество их разбилось, хотя большинство из тридцати пяти сотен самолетов, находившихся в воздухе во время Скачка в Будущее, благополучно продолжили полет без вмешательства пилотов. И да, было много людей, у которых просто не было другого выбора, как отправиться в путь в связи с неожиданно возникшими семейными обстоятельствами.

Но, по словам турагента, все остальные сидели дома. Сотни тысяч людей по всему миру отказывались летать... и кто стал бы их винить? Если массовая потеря сознания повторится, то новые самолеты разобьются на взлетных полосах. Швейцарский авиалинии отказались от обычных ограничений полетов - не требовалось бронировать билеты заранее, не было ограничения по времени пребывания - и дарили бонусы постоянным клиентам в четырехкратном размере, плюс предоставляла места в первом классе по принципу, кто первым пришел, тот и получил, без доплаты; другие авиалинии предлагали примерно такие же условия. Тэо купил билет на самолет, и меньше чем через девяносто минут уже был в Германии. Он с толком использовал время полета, чтобы провести еще несколько симуляций столкновений ядер свинца на своем ноутбуке.

Когда он прибыл к квартире Руша, было чуть позже восьми вечера. "Спасибо, что согласились встретиться со мной", - сказал Тэо.

Рушу было за тридцать, это был худой блондин с глазами графитового цвета. Он отошел в сторону, позволив Тэо войти в маленькую квартирку, но, похоже, был не особенно рад гостю. "Должен сказать, - сказал он по-английски, - я предпочел бы, чтобы вы не приезжали. У меня сейчас очень трудное время".

- Да?

- Я потерял жену во время... как вы его там называете. Немецкая пресса называла Скачок в Будущее *Der Zwischenfall* - "инцидент". - Он покачал головой. - Это название кажется мне совершенно неподходящим.

- Мне жаль.

- Я был здесь, дома, когда это случилось. Я не преподаю по вторникам.

- Преподаете?

- Я адъюнкт-профессор химии. Но моя жена - она погибла по дороге домой с работы.

- Мне очень жаль, - искренне сказал Тэо.

Руш пожал плечами. "Это не вернет ее назад".

Тэо кивнул, признавая его правоту. Все-таки он был рад, что Беранже пока что запретил Ллойдю делать публичные заявления о роли ЦЕРН в произошедшем, - он сомневался, что Руш стал бы разговаривать с ним, если бы знал об этой связи.

- Как вы меня нашли?

- С помощью подсказки... Я получил их предостаточно. Людей, похоже, заинтриговала моя... моя проблема. Кто-то написал мне, что вы рассказали им, что в вашем видении вы видели репортаж о моей смерти по телевизору.

- Кто?

- Один из ваших соседей. Не думаю, что это важно, кто именно. - Тэо вообще-то не клялся хранить тайну, но выдавать источник все-таки было как-то непорядочно. - Пожалуйста, - сказал он, - Чтобы поговорить с вами, я приехал издалека, и это обошлось мне недешево. Должно быть что-то еще, что вы можете рассказать мне, чем то, что вы сказали по телефону.

Руш вроде бы немного смягчился: "Наверное. Послушайте, извините меня. Вы не представляете, как сильно я любил свою жену".

Тэо оглядел комнату. На низкой книжной полке стояла фотография: Руш, выглядевший лет на десять моложе, чем его теперешние слегка за тридцать, и красивая темно-волосая женщина. "Это она?" - спросил Тэо.

На секунду показалось, что сердце Руша замерло - как будто он решил, что Тэо показывал на его жену во плоти, чудесным образом воскресшую. Но потом он заметил фотографию и его глаза засияли. "Да", - сказал он.

- Она очень красивая.

- Спасибо, - пробормотал Руш.

Тэо секунду замолчал, потом продолжил: "Я разговаривал с несколькими людьми, которые читали газеты или статьи в интернете о моем... моем убийстве, но вы первый человек, который что-то видел по телевизору. Пожалуйста, что вы можете мне рассказать?"

Руш, наконец, жестом предложил Тэо сесть, что он и сделал, рядом с фотографией покойной фрау Руш. На кофейном столике был поднос с виноградом - возможно одного из новых генно-модифицированных сортов, которые оставались сочными даже без холодильника.

- Рассказывать особенно нечего, - сказал Руш. - Хотя была одна странность, как я понимаю теперь. Репортаж не был на немецком языке. Скорее, на французском. Здесь, в Германии, не особенно много новостных каналов на французском языке.

- Не было ли там аббревиатуры или логотипа телеканала?

- О, может быть... но я не обратил внимания.

- А репортер... вы его не узнали?

- Ее. Нет. Она была очень профессиональна, кстати. Говорила очень ярко и лаконично. Но это неудивительно, что я ее не узнал; ей было точно меньше тридцати, а значит сейчас ей меньше десяти.

- Они не напечатали ее имя? Если я смогу найти ее сегодня, то в ее видении она будет делать новостной репортаж и возможно вспомнит что-то, чего вы не помните.

- Я смотрел не прямую трансляцию; это была запись. Мое видение началось с того, что я перематывал вперед видео; но я не пользовался пультом. Вместо этого плеер слушался моего голоса. Он перескакивал вперед. Но это не была видеокассета; картинка при ускоренной перематке была совершенно четкой, никаких скачков или ряби. - Он замолчал. - Так или иначе, как только за ее спиной появилась фотография... ну, это были вы, я полагаю, хотя вы были старше, конечно же... я перестал перематывать и начал смотреть. Внизу экрана была надпись "*Un Savant tué*" - "Смерть ученого". Думаю, это название заинтриговало меня, поскольку я и сам ученый.

- И вы посмотрели весь сюжет?

- Да.

Тэо пришла в голову неожиданная мысль. Если Руш просмотрел весь новостной сюжет, то это значит, что он длился менее двух минут. Конечно, три минуты на телевидении это целая вечность, но

Но вся его жизнь, подытоженная менее чем за минуту и сорок три секунды...

- Что сказала репортер? - спросил Тэо. - Все, что вы сможете вспомнить, может оказаться полезным.

- Я честно мало что помню. Мое будущее я, возможно, и заинтересовалось репортажем, но я, ну, думаю, запаниковал. Я имею в виду... я думал, что, черт возьми, происходит? Я сидел вон там, за кухонным столом, пил кофе и читал студенческие работы, а потом неожиданно все изменилось. Последнее, что меня интересовало, это подробности репортажа о смерти какого-то незнакомца.

- Я понимаю, что вы, должно быть, были дезориентированы, - сказал Тэо, но поскольку у него самого видения не было, он подозревал, что на самом деле он настоящему не понимал. - И все же, как я сказал, любые детали, которые вы сможете вспомнить, помогут мне.

- Ну, женщина сказала, что вы были ученым - физиком, я думаю. - Это так?

- Да.

- И она сказала, что вам было... будет... сорок восемь.

Тэо кивнул.

- И она сказала, что в вас стреляли.

- Она сказала, где?

- А, в грудь, я думаю.

- Нет, нет. Где в меня стреляли... в каком месте?

- Боюсь, что нет.

- Это было в ЦЕРН?

- Она сказала, что вы работали в ЦЕРН, но... но я не помню, чтобы она упоминала, где вы были убиты. Простите.

- Она не упоминала спортивную арену? Боксерский матч?

Руш выглядел удивленным: "Нет".

- Вы можете вспомнить что-нибудь еще?

- Нет, мне жаль.

- Какая новость была после новости обо мне? - Он не знал, зачем спрашивает об этом... возможно, чтобы узнать, какое место по важности среди новостей он занял.

- Простите, я не знаю. Я не досмотрел остальные новости. Когда сюжет о вас закончился, началась реклама - компании, которая позволяет вам зачать ребенка с предуготовленными генами. *Это* потрясло меня - меня версии 2009 года - но я версии 2030 года остался равнодушен. Он просто выключил... ну, это был не вполне телевизор, конечно; это был такой плоский экран, висящий на стене. Но он просто выключил его... он сказал ему "Выключись" и экран потемнел, просто вот так сразу, не постепенно. И потом он... я... мы повернулись... и я думаю, я был в номере отеля, там были две большие кровати. Я пошел и лег на одну из кроватей, прямо в одежде. И остальное время я провел, просто глядя в потолок, пока мое видение не закончилось, и я снова не оказался за кухонным столом. - Он остановился. - У меня на лбу была огромная шишка, разумеется; я ударился головой о стол, когда видение началось. И еще я пролил горячий кофе себе на руку; должно быть я перевернул чашку, когда упал вперед. Мне повезло, что ожог не был серьезным. Мне потребовалось порядочно времени, чтобы прийти в себя, и потом я обнаружил, что все в доме тоже видели что-то вроде галлюцинации. А потом я попытался дозвониться до своей жены, и узнал, что... что... - Он резко сглотнул. - Им потребовалось время, чтобы найти ее, или, по крайней мере, связаться со мной. Она поднималась по крутой лестнице, выходя из метро. Она почти дошла до верха, по словам тех, кто ее видел, и потом она отключилась и упала назад, вниз на шестьдесят или семьдесят ступеней. В этом падении она сломала себе шею.

- Боже мой, - сказал Тэо. - Мои соболезнования.

В этот раз Руш просто кивнул, принимая соболезнования.

Им больше нечего было сказать друг другу, и потом Тэо нужно было обратно в аэропорт; он не хотел сталкиваться с ценами на гостиничный номер Берлине.

- Большое вам спасибо за потраченное время, - сказал Тэо. - Он достал из кармана визитницу. - Если вы вспомните еще что-нибудь, что как вам кажется, может мне помочь, я буду очень благодарен, если вы мне позвоните или напишете. Он передал Рушу визитку.

Мужчина взял ее, но не глядя. Тэо ушел.

Ллойд снова пришел в кабинет Беранже на следующий день. В этот раз дорога заняла еще больше времени: его подловила группа сторонников теории единого поля, направлявшаяся в Компьютерный Центр. Когда он, наконец, добрался до кабинета Беранже, то начал с: "Прости меня, Гастон, ты можешь уволить меня, если хочешь, но я сделаю публичное заявление".

- Я думал, что ясно выразился...

- Мы должны сделать публичное заявление. Послушай, я только что говорил с Тэо. Ты знаешь, что он вчера ездил в Германию?

- Я не могу следить за каждым движением трех тысяч сотрудников.

- Он ездил в Германию... без предварительного бронирования и задешево. Почему? Потому что люди боятся летать. Весь мир все еще парализован, Гастон. Все боятся, что смещение во времени случится снова. Проверь газеты или телевидение, если ты мне не веришь; я только что сам убедился. Люди избегают занятий спортом, водят машину толь-

ко в случае крайней необходимости и не летают. Это как если бы... как если бы они ждали логического продолжения событий. - Ллойд снова вспомнил о том, как родители объявили, что его отец уходит. - Но этого ведь не случится, не так ли? Пока мы не будем повторять то, что мы тут делали, нет никаких шансов, что повторится сдвиг во времени. Мы не можем позволить миру замереть в неопределенности. Мы итак достаточно навредили. Мы не можем позволить людям бояться жить дальше, вернуться - насколько это возможно - к прежнему образу жизни.

Беранже, казалось, задумался над услышанным.

- Решайся, Гастон. Кто-нибудь все равно проболтается рано или поздно.

Беранже резко выдохнул: "Я знаю это. Думаешь, я этого не знаю. Я не хочу быть обструкционистом. Но мы должны подумать о последствиях... о юридических осложнениях".

- Очевидно, что будет лучше, если мы сами добровольно выступим с заявлением, чем ждать, что кто-нибудь наступит на нас.

Беранже какое-то время изучал потолок. "Я знаю, ты меня недолюбливаешь, - сказал он, не глядя Ллойду в глаза. Ллойд открыл рот, чтобы возразить, но Беранже понял руку в протестующем жесте. - Не трудись отрицать. Мы никогда не ладили; мы никогда не были друзьями. Отчасти это, конечно, следствие естественного положения вещей - ты увидишь то же самое в любой научной лаборатории мира. Ученых, которые считают, что администраторы существуют, чтобы ставить им палки в колеса. Администраторов, которые ведут себя так, словно ученые - это какое-то неприятное недоразумение, а не душа и сердце организации. Но дело не только в этом, не так ли? Какими бы не были наши должности, ты все равно бы меня недолюбливал. Я никогда не задумывался о подобных вещах. Я всегда знал, что не нравлюсь и никогда не понравлюсь некоторым людям, но я никогда не задумывался о том, что это моя вина. - Он замолчал, потом слегка пожал плечами. - Но возможно, это именно так. Я не рассказывал тебе, что было в моем видении... и я не собираюсь рассказывать тебе сейчас. Но оно заставило меня задуматься. *Возможно*, я слишком рьяно с тобой боролся. Думаешь, мы должны сделать публичное заявление? Боже, я не знаю, правильное ли это будет решение. Я так же не уверен, что *не* делать публичного заявления - это верный ход".

Он помолчал. "Мы придумали параллель, кстати, - нечто, что можно будет бросить прессе, если информация просочится, аналогия, демонстрирующая, что мы не виноваты".

Ллойд вопросительно поднял брови.

- Падение моста в Такома Нэрроуз, - сказал Беранже.

Ллойд кивнул. Ранним утром 7 ноября 1940 года тротуар подвесного моста в Такома Нэрроуз в штате Вашингтон задрожал. Вскоре весь мост раскачивался вверх вниз как гигантские качели пока, в конце концов, не обрушился. Всем школьникам на уроках физики во всем мире демонстрировались эти кадры, и десятилетиями в качестве объяснения им давалось наиболее правдоподобное предположение: что вероятно порывы ветра вошли в резонанс с собственной частотой колебаний моста, и это раскачало его и заставило извиваться волнами.

Конечно, строители моста должны были это предвидеть, говорили люди в то время; в конце концов, явление резонанса было известно со времен изобретения камертонов. Но объяснение с резонансом было неправильным; для возникновения резонанса нужны очень строгие условия - если бы это было не так, любой певец мог бы разбивать бокалы своим пением - и случайные порывы ветра совершенно точно не могли их создать. Нет, в 1990 году было доказано, что мост Такома Нэрроуз обрушился из-за фундаментальной нелинейности подвесных мостов, доказано с помощью теории хаоса - научного направления, которое даже не существовало в момент постройки моста. Инженеры, которые строили мост, не были в ответе за обрушение; на основе доступного в тот момент научного знания они никак не могли предсказать или предотвратить обрушение.

- Если бы дело ограничилось видениями, - сказал Беранже, - то нам не понадобилось бы прикрывать свои задницы; я подозреваю, большинство людей поблагодарили бы вас. Но случились все эти аварии и падения с лестниц и так далее. Ты готов принять на себя вину? Потому что обвинения обрушатся не на меня и не на ЦЕРН. Когда дойдет до дела, сколько бы мы не говорили о непредвиденных последствиях и о Такома Нэрроуз, люди все равно потребуют человека на роль козла отпущения, и ты знаешь, что им будешь ты, Ллойд. Это был твой эксперимент.

Генеральный директор закончил говорить. Ллойд какое-то время обдумывал услышанное, потом сказал: "Я справлюсь с этим".

Беранже коротко кивнул. "*Bien*"¹⁸. Мы созовем пресс-конференцию. - Он посмотрел в окно. - Думаю, пришло время во всем признаться".

¹⁸ Хорошо (фр.)

Книга II

ВЕСНА 2009

*Свобода воли иллюзорна.
Она - синоним неполноты восприятия.*
-- Волтер Кубилиус

12

День пятый: суббота, 25 апреля 2009 года

В здании управления ЦЕРН были все виды залов для семинаров и заседаний. Для пресс конференции они использовали аудиторию на 200 мест, каждое из которых было заполнено. Все, что потребовалось от пресс-службы, это сообщить прессе, что ЦЕРН собирается сделать громкое заявление о причине смещения во времени, и журналисты слетелись со всей Европы, плюс один из Японии, один из Канады и шестеро из США.

Беранже был верен своему слову: он позволил Ллойдю быть в центре внимания, если кому-то суждено было стать козлом отпущения, то этим человеком будет именно он. Ллойд взошел на кафедру и откашлялся. "Всем здравствуйте, - сказал он. - Меня зовут Ллойд Симко. - Он тренировался с одним из сотрудников отдела по связи с общественностью ЦЕРН произносить это по складам, и поэтому он произнес. - С-И-М-К-О и Ллойд начинается с двойного Л. - Все репортеры получают ДВД с биографией и комментариями Ллойда, но многие будут записывать сообщения сразу же, без возможности свериться с пресс-китами. Ллойд продолжил. - Моя специальность - исследование кварк-глюонной плазмы. Я канадец, но много лет работал в Соединенных Штатах в Национальной лаборатории ускорителей им. Ферми. И последние два года я провел здесь, в ЦЕРН, разрабатывая главный эксперимент на Большом Адронном Коллайдере".

Он сделал паузу, что бы выиграть время и немного успокоиться. Не то, чтобы он боялся публичных выступлений, он слишком долго был профессором в университете, чтобы не избавиться от подобных страхов. Но он совершенно не представлял себе, какой будет реакция на то, что он собирался сказать.

- Это мой ассистент, доктор Тэодосий Прокопидес, - продолжил Ллойд.

Тэо привстал со своего стула, который стоял около кафедры. "Тэо, - представился он толпе с легкой улыбкой. - Зовите меня Тэо".

"Одна большая счастливая семья", - подумал Ллойд. Он медленно назвал по буквам имя и фамилию Тэо для репортеров, затем глубоко вздохнул и быстро продолжил: "Мы проводили здесь эксперимент 21 апреля, точно в 16 часов по среднему гринвичскому времени".

Он снова замолчал и посмотрел на лица, приготовившись отвечать. Не потребовалось много времени, чтобы смысл сказанного дошел до аудитории. Журналисты сразу начали выкрикивать вопросы и по глазам Ллойда резанули вспышки фотоаппаратов. Он поднял руки, ожидая, когда журналисты успокоятся.

- Да,- ответил он. - Я подозреваю, что вы правы. У нас есть причина полагать, что феномен сдвига во времени имел отношение к работе, которую мы проводили здесь на Большом Адронном Коллайдере.

- Как это возможно? - спросила Кли, внештатный корреспондент CNN.

- Вы уверены? - выкрикнул Джонас, корреспондент BBC.

- Почему вы не выступали раньше? - воскликнул репортер Рейтерс.

- Сначала я отвечу на последний вопрос, - сказал Ллойд. - Или, точнее, я позволю Доктору Прокопидесу сделать это.

- Спасибо, - ответил Тэо, вставая и продвигаясь к микрофону. - Ах, причиной, из-за которой мы не выступали раньше, до этого, является то, что у нас не было теоретической модели для объяснения произошедшего. - Он помолчал. - Если говорить откровенно, у нас все еще ее нет; в конце концов, после Скачка во времени прошло только четыре дня. Но факт того, что мы спроектировали самое высокоэнергетичное столкновение частиц в истории нашей планеты, и это произошло точно... в ту же секунду... в тот момент, когда феномен начался. Мы не можем проигнорировать, что причинная взаимосвязь может существовать.

- Насколько вы уверены, что эти два случая взаимосвязаны? - спросила женщина из "Трибьюн де Женев".

Тэо пожал плечами. "У нас нет никаких идей о том, что именно в нашем эксперименте могло вызывать Скачок во Времени. С другой стороны, мы не можем и предположить, *что же еще*, кроме нашего эксперимента, могло его вызвать. Просто все выглядит так, что наш эксперимент - наиболее вероятное объяснение".

Ллойд взглянул на доктора Беранже, ястребиное лицо, которого было бесстрастным. Когда они готовились к этой пресс конференции, Тэо первоначально говорил "наиболее вероятный виновный", и Беранже долго ругался из-за выбора этого слова. Но как оказалось, не было, ни какой разницы. "Таким образом, вы берете ответственность на себя? - спросила Кли. - Признаете, что все смерти произошли по вашей вине?"

У Ллойда внезапно свело живот, и он увидел, как выражение лица Беранже стало хмурым. Генеральный директор выглядел так, будто был готов подняться и принять участие в пресс конференции.

- Мы признаем, что наш эксперимент кажется наиболее вероятной причиной, - ответил Ллойд, передвигаясь, чтобы встать рядом с Тэо. - Но мы утверждаем, что не было никакой возможности - абсолютно никакой - предсказать что-нибудь отдаленно похожее на то, что случилось, как следствие того, что мы делали. Это было совершенно непредсказуемо... и непредвиденно. Проще говоря, это был, как говорят в системе страхования, форс-мажор.

- Но все эти смерти... - закричал один репортер.

- Весь материальный ущерб... - прокричал другой.

Ллойд снова поднял руки. "Да, мы знаем. Поверьте мне, наши сердца болят за каждого человека, который был ранен или потерял кого-то, о ком они заботились. Маленькая девочка, очень дорогая для меня, погибла, когда машина потеряла управление, я отдал бы все, чтобы вернуть ее обратно. Но это невозможно было предвидеть..."

- Конечно, возможно, - закричал Джонас. - Если вы не проводили этот эксперимент, ничего этого бы не произошло.

- Повежливее, сэр, это нелогично, - сказал Ллойд. - Ученые все время проводят эксперименты, и мы принимаем всевозможные разумные меры предосторожности. ЦЕРН, как вы знаете, имеет завидные показатели безопасности. Но люди не могут просто перестать заниматься делами - наука не может перестать идти вперед. Мы не знали, что такое может случиться, *не могли* знать. Но мы говорим правду; рассказываем миру. Я знаю, люди боятся, что это снова произойдет, что в любой момент их сознание может быть еще раз

перенесено в будущее. Но этого не будет; мы были этому причиной, и мы уверяем вас - уверяем всех - нет никакой опасности, что снова случится что-то подобное.

Конечно, в прессе не обошлось без возгласов возмущения - редакторских статей об ученых, вмешивающихся в то, чего людям знать не дано. Но как они ни старались, даже самые одиозные таблоиды не смогли найти уважаемого физика, готового заявить, что были основания подозревать, что эксперимент ЦЕРН вызовет перемещение сознания во времени. Конечно, это вызвало немногочисленные неуверенные комментарии насчет физиков, защищающих друг друга. Но опросы быстро переключились с порицания команды ЦЕРН к признанию того, что это было чем-то крайне непредсказуемым, чем-то совершенно новым.

Лично для Ллойда и Мичико были все еще трудные времена. Мичико улетела в Токио с телом Тамико. Ллойд, конечно, предложил полететь с ней, но он не говорил по-японски. Обычно, те, кто говорил на английском, вежливо старались помочь Ллойд, но при таких ужасных обстоятельствах было очевидно, что он останется почти без общения. Во всем этом была также неловкость: Ллойд не был отчимом Тамико, он не был мужем Мичико. Невзирая на какие-то ни было разногласия, которые были у них в прошлом, это было время для Мичико и Хироши для того, чтобы похоронить и оплакать свою дочь. Так как он тоже был раздавлен тем, что случилось с Тамико, Ллойд должен был признать, что мало что мог сделать, чтобы помочь Мичико в Японии.

Так, что пока она улетела на восток, на свою родину, Ллойд остался в ЦЕРН, пытаясь заставить сбитый с толку мир понять физику того, что произошло.

- Доктор Симко, - сказал Бернارد Шоу, - возможно, вы можете объяснить нам, что случилось?

- Конечно,- ответил Ллойд, усаживаясь удобнее. Он находился в комнате для телеконференций в ЦЕРН, камера, не больше чем наперсток, стояла перед ним на тонком штативе. Шоу на самом деле находился в штаб-квартире CNN в Атланте. Позже в тот же день Ллойд подряд дал пять других подобных интервью, включая одно на французском. - Большинство из нас слышало термин "пространственно-временной" или "пространственно-временной континуум". Он обозначает комбинацию трех измерений - длины, ширины и высоты, и четвертого измерения - время.

Ллойд кивнул женщине-оператору, стоявшей за камерой, и на мониторе позади него бесшумно появилось изображение темноволосого белого мужчины. "Это Герман Минковски,- сказал Ллойд. - Он тот парень, который первый предложил концепцию пространственно-временного континуума. - Он остановился. - Трудно прямо проиллюстрировать концепцию четырех измерений, но если мы упростим ее, удалив одно пространственное измерение, станет легче".

Он снова кивнул и картинка поменялась.

- Это карта Европы. Конечно, Европа трехмерна, но мы все привыкли использовать двухмерные карты. И Герман Минковски родился здесь в Каунасе, который теперь является Литвой, в 1864 году.

Огонек засветился на месте Литвы.

- Вот там. В действительности, впрочем, давайте притворимся, что засветился не город Каунас, а скорее сам Минковски, родившись в 1864 году.

В нижнем правом углу карты появилась подпись "1864 год нашей эры".

- Если мы вернемся на несколько лет назад, мы сможем увидеть, что перед этой точкой нет никакого Минковски.

Дата на карте поменялась на "1863 г.н.э.", затем на "1862 г.н.э.", затем "1861 г.н.э." и, без сомнения, Минковски нигде не было.

- А теперь давайте вернемся в 1864 год.

Появилась карта, с маячком Минковски, ярко мигающим на широте и долготе Каунаса.

- В 1878 году, - сказал Ллойд, - Минковски переехал в Берлин, чтобы поступить в университет"

Карта 1864 года отпала как будто это была одна страница в календаря, ниже находилась карта, помеченная 1865 годом. Быстро сменяясь, выходили другие карты, помеченные 1866 - 1877 годами, каждая с маячком Минковски в или около Каунаса, но когда появилась карта 1878 года, маячок переместился на 400 километров к западу от Берлина.

- Минковски не остался в Берлине, - сказал Ллойд. - В 1881 году он переехал в Кёнигсберг, который находится около современной польской границы.

Еще три карты отпали, и когда была выставлена карта, помеченная 1881 годом, маячок Минковски снова переместился.

- В течение следующих девятнадцати лет наш Герман прыгал из университета в университет, вернувшись обратно в Кёнигсберг в 1984 году, затем уехал в Цюрих, сюда в Швейцарию в 1986 году, и, наконец, в Университет Геттингена, в центральной Германии, в 1902 году".

Меняющиеся карты отразили эти передвижения.

- И он оставался в Кёнигсберге до своей смерти 12 января 1909 года.

Остальные карты отпадали, но маячок оставался на месте.

- И, конечно, после 1909 года его больше не было.

Карты, помеченные "1910", "1911" и "1912" отпали, но ни одной из них не было маячков.

- Теперь, - сказал Ллойд, - Что произойдет, если мы возьмем наши карты и сложим их в пачку в хронологическом порядке и слегка наклоним их так, чтобы смотреть на них под углом?

Компьютерная графика на экране за его спиной услужливо изменилась именно так, как он хотел.

- Как вы можете видеть, свет, сделанный передвижениями Минковски, формирует путь сквозь время. Он начинается здесь, около Литвы, движется по Германии и Швейцарии, и, наконец, заканчивается здесь, в Кёнигсберге.

Карты были сложены одна на другой, образуя куб, и путь жизни Минковски, переплетаясь через куб, был виден через него, как ярко светящаяся нора суслика, проложенная по направлению к вершине.

- Этот вид куба, который показывает чей-то жизненный путь через пространство и время, называется куб Минковски: старый добрый Герман был первым, кто изобразил такую вещь. Конечно, вы можете нарисовать такой для любого. Вот один для меня.

Карта изменилась, показывая целый мир.

Я родился в Новой Шотландии, в Канаде в 1964 году, переехал в Торонто, затем в Гарвард для учебы, работал в течение многих лет в лаборатории им. Ферми в Иллинойсе, и затем оказался здесь на швейцарско-французской границе, в ЦЕРН.

Карты сложились, образуя куб с переплетающейся светящейся линией в его границах.

- И, конечно, вы можете поместить карту маршрутов других людей в тот же куб.

Пять других светящихся линий, каждая разного цвета, проложили свои маршруты в кубе. Некоторые начинались раньше, чем линия Ллойда, а некоторые заканчивались раньше, чем вершина была достигнута.

- Вершина этого куба здесь, - сказал Ллойд, - изображает сегодняшний день, 25 апреля 2009 года. И, конечно, мы все согласны, что сегодня - это сегодня. Таким образом, мы все помним вчерашний день, но знаем, что он прошел; и мы все не осведомлены о завтрашнем дне. Мы все вместе смотрим на этот конкретный слой через куб. Грань вершины куба засветилась.

- Можете вообразить некий коллективный мысленный взор всего человечества, смотрящий на этот слой. - Изображение человеческого глаза, обрамленного ресницами, повисло рядом с кубом, параллельно его вершине. - Но во время Скачка в Будущее произошло следующее: мысленный взор переместился вверх по кубу в будущее, и вместо того, чтобы смотреть на слой, представляющий 2009 год, он оказался лицом к лицу со слоем 2030 года.

Куб вытянулся вверх, и большинство цветных линий жизни протянулись дальше по кубу. Плавающий глаз подпрыгнул, и подсвеченный слой был теперь почти на самой вершине удлинившегося куба. "В течение двух минут мы смотрели на другой момент нашего жизненного пути".

Бернард Шоу заерзал на своем стуле. "То есть вы хотите сказать, что пространственно-временной континуум - это как множество кадров в фильме, сложенных в пачку и 'сейчас' - это тот кадр, что подсвечен в данный момент?"

- Это хорошая аналогия, - сказал Ллойд. - Вообще она поможет мне разъяснить мою следующую мысль, состоящую в следующем: Скажем, вы смотрите "*Касабланку*", мой любимый фильм. И, скажем, на экране прямо сейчас вот этот конкретный момент.

Позади Ллойда Хамфри Богарт сказал: "Ты играл это для нее, ты сможешь сыграть это и для меня. Если она смогла выдержать, и я смогу".

Дули Уилсон не встретился глазами с Боги. "Я не помню слова".

Богарт сквозь сжатые зубы: "Играй!"

Уилсон поднял пристальный взгляд на потолок и начал петь "Когда время пройдет", пока его пальцы танцевали на клавишах фортепиано.

- Теперь, - сказал Ллойд, сидя перед экраном, - только потому, что сейчас вы смотрите именно на этот кадр - на слове "этот", картинка с Дули Уилсоном замерла - это не означает, что остальном фильме менее определен или реален.

Внезапно картинка поменялась. Самолет исчезал в тумане. Щеголеватый Клод Рейнс смотрел на Богарта. "Это было бы неплохо для вас - исчезнуть из Касабланки на некоторое время, - сказал он. - В Бразавиле есть Свободный французский гарнизон. Я мог бы убедить организовать переход".

Боги слегка улыбнулся. "Мое письмо для транзита? Путешествие мне бы не повредило. Но это не имеет никакого отношения к нашему пари. Ты все еще должен мне десять тысяч франков".

Рейнс поднял брови. "И те десять тысяч франков должны покрыть наши расходы".

- *Наши* расходы? - спросил Богарт удивленно.

Рейнс кивнул. "Угу".

Ллойд посмотрел на их спины, так как они вместе уходили в ночь. "Луис, - сказал Богарт - закадровая озвучка, которая, как было известно Ллойд, была записана во время монтажа - это могло бы стать началом прекрасной дружбы".

- Вы видели? - спросил Ллойд, поворачиваясь, чтобы посмотреть в камеру, на Шоу. - Вы могли видеть, как Сэм играл "Когда время пройдет" для Рика, но конец *уже определен*. Когда вы смотрели "*Касабланку*" в первый раз, вы не могли усидеть на стуле, задаваясь вопросом, собирается ли Ильза уехать с Виктором Лазло или остаться с Риком Блейном. Но ответ всегда был и всегда будет одним: проблемы двух маленьких людей на самом деле столь незначительны в этом безумном мире.

- Вы говорите, что будущее также неизменно, как и прошлое? - спросил Шоу, выходя более сомневающимся, чем обычно.

- Точно.

- Но доктор Симко, со всем должным уважением, это кажется бессмысленным. Я имею в виду, а как же свободная воля?

Ллойд сложил руки на груди. "Нет такого понятия как свободная воля".

- Конечно же, есть, - ответил Шоу.

Ллойд улыбнулся. "Я знал, что вы собирались это сказать. Или, точнее, любой, смотрящий снаружи на наши кубы Минковски, знал, что вы собирались это сказать... потому что это уже было высечено на камне".

- Но как это может быть? Мы принимаем миллионы решений в день, каждое из которых формирует наше будущее.

- Вчера вы приняли миллионы решений, но они являются неизменными - изменить их возможности нет, независимо от того, как сильно мы могли бы о некоторых из них сожалеть. И вы примите миллион решений завтра. Нет никакой разницы. Вы думаете, что у вас свободная воля, но у вас ее нет.

- Так, позвольте мне посмотреть, понял ли я вас, доктор Симко. Вы утверждаете, что видения не просто об одном из возможных вариантов будущего. Скорее, они о будущем - единственном, которое существует.

- Точно. Мы действительно живем во вселенной блока Минковски, и на самом деле понятие "сейчас" является иллюзией. Будущее, настоящее и прошлое - одинаково реальны и непреложны.

13

- Доктор Симко?

Был ранний вечер, Ллойд, наконец, закончил последнее за день интервью, и хотя перед сном ему нужно было прочитать кучу отчетов, сейчас он прогуливался по одной из серых улиц городка Сен-Жени. Он направился в пекарню и магазин сыра, чтобы купить немного хлеба и ломоть Аппенцеллера на завтрашний завтрак.

К нему подошел плотный мужчина примерно 35 лет. Он носил очки - довольно странно в современном развитом мире, когда лазерная кератотомия была усовершенствована - и был в темно-синем тонком свитере. Его волосы, как собственно и у Ллойда, были модно подстрижены.

Ллойд почувствовал приступ паники. Наверно он сумасшедший, раз один вышел на публику после того, как полмира увидело его лицо по телевизору. Он оглянулся налево и направо, оценивая пути отступления. Их не было. "Да?" - спросил он неуверенно.

- Доктор Ллойд Симко? - Он говорил по-английски, но с французским акцентом.

Ллойд сглотнул. "Да, это я". Завтра он поговорит с Беранже об организации охраны.

Внезапно рука человека нашла руку Симко и начала неистового ее трясти. "Доктор Симко, я хочу вас поблагодарить! - Мужчина выставил левую руку, как будто предупреждая возражение. - Да, да, я знаю, вы не предполагали, что это произойдет, и я догадываюсь, что некоторым людям это причинило боль. Но я должен вам сказать, что это видение было лучшим, что когда-либо случалось со мной. Это перевернуло мою жизнь".

- Ах, - сказал Ллойд, возвращая свою руку. - Это хорошо.

- Да, сэр, до этого видения я был другим человеком. Я никогда не верил в Бога - никогда, даже маленьким ребенком. Но мое видение... мое видение показало меня в церкви, молящимся с целым собранием людей.

- Служба в среду вечером?

- Как я и сказал, доктор Симко! Я имею в виду не в то время, когда у меня было видение, а уже после того, как в новостях сказали, к какому времени относились видения. Служба в среду вечером! Я! Я, все люди. Ну, я не могу отрицать, что это случится, что когда-то между настоящим и будущим, я найду свой путь. И так я приобрел Библию - пошел в книжный магазин и купил ее. Я никогда не думал, что существует так много различных

версий! Так много разных переводов! Так или иначе, я купил себе Библию из тех, в которых собственные слова Иисуса были напечатаны красным цветом, и начал читать. Я рассудил, ладно, раньше или позже я все равно приду к этому, почему бы не узнать, в чем там дело. И я просто продолжал читать - я даже прочитал все эти Рождения, эти замечательные имена, как музыка: Авдий, Джебедаия - что за великолепные имена! О, конечно, доктор Симко, если бы не мое видение, за двадцать один год я в любом случае нашел бы все это, но вы позволили прийти мне к этому сейчас, в 2009 году. Я никогда не чувствовал большего умиротворения, большей любви. Вы действительно сделали мне большое одолжение.

Ллойд не знал, что сказать. "Спасибо".

- Нет, сэр... вам спасибо! - И он еще раз сжал руку Ллойда и поспешил по своим делам.

Ллойд вернулся домой около 21 часа. Он сильно скучал по Мичико, и думал позвонить ей, но в Токио было только 5 утра - слишком рано для звонка. Он убрал сыр и хлеб, и сел немного посмотреть телевизор - отдохнуть несколько минут перед тем, как энергично взяться за последнюю кучу отчетов.

Он переключал каналы до тех пор, пока кое-что в швейцарской программе новостей не попало на глаза - обсуждение Скачка в будущее. Ведущая связалась по спутнику с Америкой. Ллойд узнал человека, у которого брали интервью по его привлекательным красновато-коричневым длинным волосам: Изумительный Александр - профессиональный иллюзионист и разоблачитель предполагаемых экстрасенсорных сил. За последние годы Ллойд часто видел этого парня на телевидении, включая "*Сегодня вечером*". Его полное имя было Раймонд Александр и он был профессором в университете Дьюка.

Очевидно, у интервью была некоторая компоновка, сделанная на том, что журналист говорил на французском языке, но Александр отвечал на английском, а голос переводчика звучал поверх, давая французскую версию того, что говорил американец. Настоящая речь Александра была едва слышна на заднем фоне.

- Несомненно, вы слышали, - спросил интервьюер, - тот человек из ЦЕРН утверждает, что видения показывали одно единственное реальное будущее.

Ллойд выпрямился на диване.

- *Oui*, - сказал голос переводчика. - Но это явный абсурд. Вы можете легко продемонстрировать, что будущее изменяется. - Александр заерзал на стуле. - В моем видении я был в своей квартире. И на моем рабочем столе, как и сейчас, лежало это. - В студии перед ним стоял стол. Он потянулся вперед и поднял пресс-папье. Камера увеличила изображение: это был малахитовый блок с маленьким золотым *трицератопсом*.

- Сейчас это может быть безделушка, - сказал Александр, - но, пожалуй, я на самом деле люблю эту небольшую вещь; это - сувенир из поездки, от которой я действительно получил удовольствие, в заповедник Национальный Памятник Динозаврам. Но я дорожу им меньше, чем рациональностью. - Он дотянулся до низа стола и вытащил кусок мешковины. Положил его на стол, а сверху поместил пресс-папье. Следом он достал молоток из-под стола, и, под пристальным взглядом камеры, стал разбивать сувенир на мелкие кусочки, малахит трескался и крошился, и маленький динозавр - который не был сделан из твердого металла - смялся в неузнаваемый комок.

Александр триумфально улыбнулся в камеру: логика снова возобладала. "Это пресс-папье было в моем видении; этого пресс-папье больше не существует. Поэтому, независимо от того, что видения показывали, они никоим образом не представляют неизменное будущее.

- Конечно, у нас есть, - сказал интервьюер, - Только ваши слова о том, что это пресс-папье было в вашем видении.

Александр, рассерженный тем, что в его честности усомнились, выглядел раздраженным. Но затем он кивнул. "Вы правы в своей скептичности - мир был бы лучше, если бы мы были немного менее доверчивы. Фактом является то, что каждый сам может провести этот эксперимент. Если в вашем видении вы видели предмет обстановки, которым вы уже обладаете, уничтожьте... или продайте... этот предмет. Если бы вы могли увидеть свою руку в видении, сделайте татуировку на вашей руке. Если другие видели вас, и у вас была борода, так сделайте электроэпиляцию на лице, чтобы у вас никогда она не смогла вырасти.

- Электроэпиляция на лице! - сказал интервьюер. - Звучит несколько радикально.

Если ваше видение обеспокоило вас, и вы хотите быть уверенным, что это оно никогда не станет правдой, это один из способов сделать это. Конечно, самый эффективный способ опровергнуть видения в большом масштабе состоял бы в том, чтобы найти некий ориентир, который видели тысячи людей... скажем, Статуя Свободы... и снести его. Но я не думаю, что Национальная Служба Парков позволит нам сделать это".

Ллойд откинулся назад на диван. Какая ерунда. Ни одна из предложенных Александром вещей не была настоящим доказательством... и все они были субъективны, они зависели от рассказов людей об их видениях. И, хорошо, какой отличный способ попасть в телевизор - не только для Александра, а для любого, кто хотел бы, чтобы у него взяли интервью. Просто заявите, что вы опровергли неизменность будущего.

Ллойд посмотрел на часы, стоящие на одной из полок, установленных на темно-красных стенах его квартиры. Было 21:30... значит только 1:30 пополудни на границе Колорадо/Юта, где находился Национальный Памятник Динозаврам, Ллойд был там однажды. Он подумал еще несколько минут, затем поднял трубку, поговорил с оператором справочной службы, и, наконец, с женщиной, которая работала в сувенирном магазине в заповеднике Динозавров.

- Здравствуйте, - сказал он. - Я ищу особенную вещь - пресс-папье, сделанное из малахита.

- Малахита?

- Это зеленый минерал... вы знаете, декоративный камень.

- О, да, конечно. На тех, которые у нас есть, изображены маленькие динозавры. У нас есть одни с *Тираннозавром Рекс*, другие со *Стегозавами*, и еще с *Трицератопсами*.

- Сколько стоят с *Трицератопсами*?

- Четырнадцать девяносто пять.

- Вы делаете почтовый перевод?

- Конечно.

- Я хотел бы купить одного из них и отправить... - Он остановился подумать, где, черт, находился Дьюк? - В Северную Каролину.

- Ок. Каков полный адрес?

- Я не уверен. Просто пошлите профессору Раймонду Александру, в Университет имени Дьюка, Дарем, Северная Каролина. Я уверен, что там разберутся.

- UPS?

- Это было бы прекрасно.

Стук по клавиатуре. "Доставка стоит 8-50. Как вы будете платить?"

- Своей визой.

- Номер, пожалуйста?

Он вытащил свой бумажник и продиктовал ей последовательность цифр, он также сообщил срок действия карты и свое имя. Затем он положил телефон, снова расположился на диване и сложил руки на груди, чувствуя себя вполне удовлетворенным.

Дорогой доктор Симко:

Простите меня за беспокойство с незапрошенного электронного ящика; я надеюсь, что это сообщение пройдет через ваш спам фильтр. Я знаю, что Вы должны быть засыпаны письмами с тех пор, как Вы выступили по телевидению, но я просто должна была написать, чтобы вы узнали о том, какое влияние на меня оказало мое видение.

Мне восемнадцать лет и я беременна. Не очень давно - приблизительно два месяца. Я не рассказала еще об этом ни моему парню, ни своим родителям. Я думала, что беременность - это худшая вещь, что возможно могла случиться: я еще учусь в старшей школе, а мой парень осенью поступает в университет. Мы оба все еще живем с родителями, и у нас нет денег. Я думала, что мы никак не можем позволить себе родить ребенка... и поэтому я собиралась сделать аборт. Мне уже назначили прием.

И потом у меня было видение... и это было невероятно! Там была я и Брэд (это мой парень) и наша дочь, и мы были все вместе, жили в прекрасном доме в будущем, через двадцать один год. Моя дочь выросла... даже немного старше, чем я сейчас... и она была так красива, и она рассказывала нам о том, как она встречалась с этим парнем в школе, и может ли она пригласить его вечером на ужин, и она знала, что он нам точно понравится, и конечно мы сказали да, потому что она была нашей дочерью, и это было важно для нее, и...

Хорошо, я разболталась. Суть в том, что мое видение позволило мне увидеть, что у нас все получится. Я отказалась от аборта, и мы с Бредом ищем небольшое жилье, чтобы жить вместе, и, к моему удивлению, мои родители не рассердились, и они даже собираются немного помочь нам с расходами.

Я знаю, что многие люди будут говорить вам, что видения разрушили их жизни. Я просто хочу, чтобы вы знали, что видение весьма улучшило мою, и что оно на самом деле спасло жизнь маленькой девочки, которую я сейчас ношу.

Спасибо вам... за все.

Джин Алькотт.

Доктор Симко,

Вы слышите в новостях о людях, у которых были захватывающие видения. У меня не было. В моем видении я был в том же самом доме, в котором я живу сейчас. Я был один, что не является необычным - мои дети выросли, а жена часто занята на своей работе. В самом деле, хотя некоторые вещи выглядели по-другому - мебель немного переставлена, новая картина на одной стене - не было ничего, что дало какое-то реальное свидетельство, что это было будущее.

И знаете что? Мне нравится это. Я счастливый человек, у меня хорошая жизнь. То, что я собираюсь прожить еще пару десятилетий точно такой же жизнью, является очень успокаивающей мыслью. Вся эта история с видениями перевернула вверх дном жизнь многих людей, очевидно... но не мою. Я просто хотел, чтобы вы знали это.

Наилучшие пожелания,
Тони ДиКиккайо.

СООБЩЕНИЯ НА ВЕБ САЙТЕ ПРОЕКТА МОЗАИКА.

Бруклин, Нью-Йорк: Ок, в моем сне был этот американский флаг, верно? И у него было, я думаю, 52 звезды: ряд из 7, потом ряд из 6, затем 7, затем 6, таким образом, в общей сложности 52. Сейчас, я думаю, что 51 звезда должно быть Пуэрто-Рико, да? Но меня сводят с ума попытки по-

нять, что может быть 52 звездой. Если вы знаете, пожалуйста, напишите мне...

Эдмонтон, Альберта: Я не умен. У меня синдром Дауна, но я хороший человек. В моем видении я разговаривал и использовал значительные слова, так что я, должно быть, был умным. Я снова хочу быть умным.

Индианаполис, Индиана: пожалуйста, перестаньте слать мне сообщения о том, что я буду президентом США в 2030 году; они забивают мой почтовый ящик. Я знаю, что стану президентом... и когда я приду к власти, я проведу аудиторскую проверку IRS любого, кто скажет мне снова....

Исламабад, Пакистан (автоперевод с оригинального арабского языка): В моем видении, у меня было две руки... но сегодня у меня только одна (я ветеран Индо - Пакистанской сухопутной войны). В видении это не было похоже на протез. Я буду рад выслушать любого, у кого есть какая-либо информация об искусственных конечностях или возможно даже регенерации конечностей через двадцать один год от сегодняшнего дня.

Чангзюй, Китай (автоперевод с оригинального мандаринского): через двадцать один год я очевидно мертв, что не удивляет меня, потому что сейчас я очень стар. Но мне были бы интересны любые новости об успехах моих детей, внуков и правнуков. Их имена...

Буэнос-Айрес, Аргентина: во время Скачка в будущее почти все, с кем я говорил, праздновали или просто не работали. Ну, нигде в Южной Америке, как я знаю, третья среда октября не является праздником, так что я думаю, возможно, у нас будет четырехдневная рабочая неделя, с выходным в среду. Я бы предпочел трехдневные выходные. Кто-нибудь знает наверняка?

Окленд, Новая Зеландия: я знаю четыре выигрышных числа в New Zealand Super Eight, проходившей 19 октября 2030 года - в моем видении я купил билет, который заработал приз в 200 долларов в соответствии этим четырьмя числам. Если вы знаете остальные выигрышные числа в той же лотерее, я хотел бы объединить свою информацию с вашей.

Женева, Швейцария (записано на четырнадцати языках): Кто-нибудь с информацией об убийстве Тэодосия ("Тэо") Прокопидеса, пожалуйста, свяжитесь со мной...

14

День шестой: воскресенье, 26 апреля 2009 года

Ллойд и Тэо вместе обедали в большом кафетерии в центре управления БАК. Вокруг них другие физики обсуждали теории и интерпретации, объясняющие Скачок в будущее... вырвавшаяся в лидеры многообещающая теория, связанная с предполагаемым

отказом одного из квадрупольных магнитов, была разгромлена час назад. Как оказалось, магнит работал нормально. Подвело оборудование для тестирования.

Ллойд ел салат, Тэо ел кебаб, который приготовил прошлым вечером и разогрел в микроволновке. "Кажется, люди справляются лучше, чем я мог предположить, - сказал Ллойд. Окна выходили на внутренний двор ядра, где цвели весенние цветы. - Все эти смерти, все разрушения. Но люди отряхиваются, возвращаются на работу и продолжают свои жизни".

Тэо кивнул: "Я слушал парня по радио сегодняшним утром. Он говорил, что оказалось намного меньше звонков в службы поддержки, чем народ предсказывал. Фактически, после Скачка в будущее многие люди, очевидно, отменили предварительно назначенные сеансы терапии".

Ллойд поднял брови: "Почему?"

- Он сказал, что это из-за катарсиса. - Тэо улыбнулся. - Говорю тебе, старый добрый Аристотель знал, о чем говорил: ты даешь людям шанс высвободить свои эмоции, и они после этого фактически становятся здоровее. Очень многие потеряли дорогих людей во время Скачка. Их горе нашло выход, и это позитивно сказалось на них с психологической точки зрения. Парень на радио сказал, что-то подобное происходило лет двенадцать назад, когда умерла Принцесса Диана. Во всем мире в течение нескольких месяцев после этого количество обращений к психотерапевту было ниже обычного. Естественно, наибольший катарсис был в Англии, но сразу же после убийства Ди даже у 27% американцев было такое чувство, что они потеряли знакомого. - Последовала пауза.

- Конечно, пережить смерть супруги или ребенка нелегко, но дяди? Далекого родственника? Актера, который тебе нравился? Одного из сотрудников? Чувствуешь облегчение.

- Но если все проходят через это одновременно...

- В это все и дело, - сказал Тэо. - Видишь ли, обычно, если ты неожиданно теряешь кого-то, ты расклеиваешься, и это длится месяцы или даже годы ... и все вокруг поддерживают твоё право быть в печали. "Это требует времени", - говорят они. Все предлагают тебе эмоциональную поддержку. Но если все остальные тоже пытаются справиться с горем, то такой эффект костыля отсутствует; не находится никого, кто говорил бы утешающие слова. У тебя нет выбора, кроме как собраться и вернуться к работе. Это как те, кто прошел через войну - любая война - это гораздо более масштабная трагедия, чем отдельное личное горе, но после того как она окончена, большинство людей просто возвращаются к своим жизням. Все одинаково пострадали; тебе придется просто отгородиться от этого, забыть об этом, и продолжать жить. Вот что сейчас происходит, судя по всему.

- Не думаю, что Мичико когда-нибудь оправится от потери Тамико. - Мичико должна была вернуться из Японии этим вечером.

- Нет, нет, конечно, нет. Не в том смысле, что боль когда-нибудь совсем пройдет. Но она продолжает жить; что еще ей остается? Другого выбора на самом деле нет.

В этот момент Франко де ла Роббия, бородатый физик среднего возраста, подошел к их столу с подносом в руках. "Не возражаете, если я к вам присоединюсь?"

Ллойд поднял голову, чтобы взглянуть на него. "Привет, Франко. Конечно, нет".

Тэо сдвинул свой стул правее, и де ла Роббия сел.

- Знаешь, ты не прав насчет Минковски, - сказал де ла Роббия, глядя на Ллойда. - Видения не могут быть видениями реального будущего.

Ллойд подцепил вилкой лист салата. "Почему нет?"

- Ну, смотри: давай возьмем твои изначальные условия. Через двадцать один год будет существовать связь между мной будущим и мной прошлым. И именно, мое прошлое я увидит в точности то, что делает мое будущее я. Дальше, мое будущее, возможно, не заметило никаких признаков того, что такая связь возникла, но это неважно; я буду знать с

точностью до секунды, когда именно эта связь возникнет и прекратится. Не знаю, что было в твоём видении, Ллойд, но в моём я был в Сорренто, сидел на балконе, глядя на неаполитанский залив. Это было очень мило, очень приятно - но совсем не то, чем я занялся бы 30 октября 2030 года, если бы знал, что в этот момент войду в контакт с прошлым. Скорее всего, я был бы где-нибудь, где ничто не отвлекало бы внимание моего прошлого я - в пустой комнате, или скажем, глядя на гладкую стену. И точно в 19:21 по Гринвичу я начал бы громко перечислять факты, которые я бы хотел донести до своего прошлого я: "11 марта 2012 года будь осторожен, переходя Виа Коломбо, а то споткнешься и сломаешь ногу. В твоё время, акции Бертельсманн торгуются по сорок два евро за акцию, но в 2030, они будут стоить шестьсот девяносто евро за акцию, так что купи сейчас побольше, чтобы обеспечить себе пенсию; вот список победителей Кубка Мира во все годы между моим и твоим временем". Как-то так; Я бы написал это все на листке бумаги и просто зачитал бы, попытавшись вместить как можно больше полезной информации в это окно длиной в одну минуту и сорок три секунды. - Итальянский физик ненадолго умолк. - То, что никто не сообщил о видении, в котором он бы делал нечто подобное, означает, что то, что мы видели, не может быть настоящим будущим для той линии времени, на которой мы находимся в данный момент.

Ллойд нахмурился. "Возможно, некоторые люди так и *поступили*. Ведь на самом деле публика знает содержание только малого процента миллиардов видений, которые должны были бы случиться. Если бы я собирался сообщить самому себе подсказку насчет рынка акций, и я не знал, что будущее невозможно изменить, то первое, что я бы сказал себе прошлому, это 'Никому об этом не рассказывай'. Возможно те, кто поступил так, как ты предлагаешь, просто молчат об этом".

- Если бы видения были бы у нескольких десятков человек, - сказал де ля Роббия, - то это было бы возможно. Но в случае миллиардов? Кто-нибудь рассказал бы, что они делали именно это. По правде, я совершенно уверен, что почти все попытались бы вступить в контакт со своим прошлыми я.

Ллойд посмотрел на Тэо, потом обратно на де ля Роббия. "Но не в том случае, если бы они знали, что это бесполезно; если бы они знали, что ничто сказанное не сможет изменить то, что уже выбито в камне".

- Или все забыли, - сказал Тэо. - Может быть, между сейчас и 2030 воспоминания о видениях сотрутся из памяти. В конце концов, воспоминания о снах исчезают. Вы можете вспомнить сон сразу после пробуждения, но несколько часов спустя, это воспоминание полностью исчезает. Возможно, видения сами собой забудутся через двадцать один год.

Де ля Роббия энергично покачал головой. "Даже если бы это было правдой - хотя нет причин считать, что такое возможно - все эти репортажи в СМИ о видениях доживут до 2030 года. Все новости, все телепередачи, все, что люди написали о себе в своих собственных дневниках и письмах друзьям. Психология не моя специальность; я не готов обсуждать хрупкую природу памяти. Но люди *бы* знали, что случится 23 октября 2030, и многие попытались бы вступить в контакт с прошлым".

- Погодите минутку, - сказал Тэо. Его брови взлетели вверх. - Минутку! - Ллойд и де ля Роббия повернулись, чтобы взглянуть на него. - Неужели вы не видите? Это закон Нивена.

- Что именно? - спросил Ллойд.

- Кто такой Нивен? - сказал де ля Роббия.

- Американский научный фантаст. Он сказал, что в любой вселенной, в которой машина времени возможна, машина времени изобретена не будет. Он даже написал маленький рассказ, чтобы ярче выразить эту идею: ученый строит машину времени и как только он заканчивает ее, он поднимает взгляд к небу и видит, как его солнце взрывается - вселенная предпочла покончить с ним, чем иметь дело с парадоксами, являющимися неизбежным следствием путешествий во времени.

- И? - сказал Ллойд.

- Вступать в контакт с самим собой - это тоже особый вид путешествий во времени - передача информации назад во времени. И в случае тех людей, которые попытались это сделать, вселенная могла пресечь их попытки - не с помощью чего-то грандиозного вроде взрывающегося солнца, а просто не дав общению состояться. - Он перевел взгляд с Ллойда на де ля Роббия и обратно. - Неужели вы не видите? Возможно, это то, что я пытался сделать в 2030 - я пытался связаться с самим собой в прошлом, и соответственно, вместо этого, я вообще ничего не увидел.

Ллойд попытался произнести это как можно мягче. "Судя по всему, есть много подтверждающих свидетельств из видений других людей, что в 2030 году ты был мертв, Тэо".

Тэо открыл рот, чтобы возразить, но потом закрыл его. Через мгновение, он снова заговорил. "Ты прав. Ты прав. Извини".

Ллойд кивнул; он не осознавал до сих пор, насколько тяжело это все должно было быть для Тэо. Он повернулся и посмотрел на де ля Роббия. "Ну, Франко, если видения не были о нашем будущем, тогда что мы видели?"

- Альтернативное будущее, разумеется. Это совершенно логично, учитывая ТММ. Интерпретация квантовой физики в рамках теории множественных миров считает, что всякий раз, когда какое-то событие может произойти двумя разными способами, вместо того, чтобы произошло что-то одно, происходят сразу оба варианта, каждый в своей отдельной вселенной. Конкретнее, видения показали нам вселенную, которая отделилась от текущей в момент начала вашего эксперимента на БАК; они показали нам будущее, каким оно является во вселенной, в которой *не* случился эффект смещения во времени.

Но Ллойд недоверчиво качал головой. "Неужели ты все еще веришь в ТММ? ТИ полностью ее опровергает".

Стандартным аргументом в пользу теории множественных миров является мысленный эксперимент с кошкой Шрёдингера: кошку сажают в закрытую коробку с сосудом с ядом, который может быть активирован с вероятностью 50 на 50 в течение одного часа. Через час открывают коробку и проверяют, жива ли кошка. Согласно копенгагенской интерпретации - представляющей собой стандартную версию квантовой механики - до тех пор, пока кто-то не заглянет внутрь, кошка ни жива, ни мертва, но находится в обоих возможных состояниях одновременно; сам акт заглядывания внутрь - наблюдения - сворачивает волновую функцию, вынуждая кошку окончательно прийти в одно из двух возможных состояний. Однако согласно последователям ТММ, поскольку наблюдение может дать два разных результата, то на самом деле происходит следующее - вселенная разделяется в момент, когда происходит наблюдение. В одной вселенной кошка мертва; в другой жива.

Джону Крамеру, физику, часто работавшему в ЦЕРН, но обычно базировавшемуся в университете Вашингтона, в Сиэтле, не нравился акцент на наблюдателе в копенгагенской интерпретации. В 1980х он предложил альтернативное объяснение: ТИ, транзакционная интерпретация. В девяностые и двухтысячные, ТИ становилась все более популярной среди физиков. Возьмем несчастную кошку Шрёдингера в момент, когда ее заперли в коробке, и глаз наблюдателя в момент, когда часом позже он смотрит на кошку. В ТИ, кошка испускает вовне реальную, физическую волну-вызов, которая движется вперед в будущее *и* назад в прошлое. Когда волна-вызов достигает глаза, глаз испускает волну-подтверждение, которая движется назад в прошлое и вперед в будущее. Волна-вызов и волна-подтверждение гасят друг друга везде во вселенной, кроме как на той линии, которая напрямую соединяет кошку и глаз, где они усиливают друг друга, рождая взаимодействие. Поскольку кошка и глаз общались друг с другом через время, то нет никакой неопределенности, никакой необходимости в разрушении волнового фронта: кошка в коробке пребывает как раз в том состоянии, в котором ее обнаружит наблюдатель. Не происхо-

дит и расщепления вселенной; поскольку транзакция покрывает весь интересующий нас период, нет нужды в разветвлениях: глаз видит кошку такой, какой она всегда и являлась, будь то мертвой или живой.

- Тебе *наверняка* нравится ТИ, - сказал де ля Роббия. - Она полностью исключает свободу воли. Каждый испускаемый протон точно знает, чем он будет поглощен в итоге.

- Конечно, - сказал Ллойд, - признаю, ТИ удачно вписывается в концепцию единой вселенной - но на самом деле это твоя теория множественности миров уничтожает свободу воли.

- Из чего это следует? - сказал де ля Роббия, с типично итальянской экспрессией.

- Множество миров не складываются в определенную иерархию, - сказал Ллойд. - Скажем, я шел себе и пришел к развилке на дороге. Я могу пойти налево или я могу пойти направо. Какой поворот я выберу?

- Какой хочешь! - вскричал де ля Роббия. - Свобода воли!

- Чушь, - сказал Ллойд. - Согласно ТММ, я выбираю тот, который *не* выбрала другая версия меня. Если он идет направо, я должен идти налево; если я иду направо, он должен идти налево. И только крайняя самоуверенность может заставить индивидуума считать, что это именно мой выбор в этой вселенной, который является важным, а тот другой вариант был просто альтернативой, которой пришлось реализоваться в параллельной вселенной. Теория множественности миров дает *иллюзию* выбора, но на самом деле является абсолютно детерминистской.

Де ля Роббия повернулся к Тэо, разведя руками в отчаянной попытке апеллировать к здравому смыслу. "Но ТИ требует, чтобы существовали волны, которые движутся назад во времени!"

Голос Тэо был ласковым. "Я думаю, мы устроили масштабную демонстрацию реального перемещения информации назад во времени, Франко, - сказал он. - Кроме того, на самом деле Крамер говорил, что транзакция происходит атемпорально - вне времени".

- И, - сказал Ллойд, энергичнее включаясь в спор теперь, когда у него был союзник, - именно твоя версия случившегося требует возможности путешествий во времени.

Де ля Роббия выглядел ошарашенным. "Что? Как? Видения просто показали нам параллельную вселенную".

- Все возможные параллельные вселенные, конечно же, должны двигаться во времени в жесткой связке с нашей: если бы удалось заглянуть в параллельную вселенную, ты бы все равно увидел сегодняшний день, 26 апреля, 2009; на самом деле вся концепция квантовых вычислений основана на том, что параллельные вселенные находятся в четком временном соответствии с нашей. Так что да, если бы ты смог заглянуть в параллельную вселенную, ты мог бы увидеть мир, в котором ты пошел и сел вон там, с Майклом Бурром вместо нас с Тэо, но это все равно было бы *сегодня*. То, что ты предлагаешь, это добавить контакт с параллельной вселенной к видениям будущего; принять даже одну из этих идей достаточно сложно и без того, чтобы пришлось согласиться и с другой тоже и...

К их столу подошел Джейк Хоровитц. "Простите, что прерываю, - сказал он, - но тебе звонят, Тэо. Говорят, это насчет твоего поста на сайте Мозаики".

Тэо поспешил выйти из-за стола, бросив недоеденный кебаб. "Третья линия", - сказал Джейкоб, шедший следом за ним. Сразу за обеденной залой был пустой кабинет; Тэо нырнул туда. На определителе номера значилось только "вне зоны". Он взял трубку.

- Алло, - сказал он. - Тэо Прокопидес слушает.

- О боже, - сказал мужской голос, по-английски, на другом конце провода. - Это дикость - разговаривать с кем-то, зная, что он умрет.

Тэо не знал, что на это ответить, так что просто сказал: "У вас есть какая-то информация о моем убийстве?"

- Да, думаю есть. Я читал кое-что об этом в своем видении.

- Что там было сказано?

Мужчина пересказал суть того, что он прочитал. Новых фактов не было.

- Было там что-нибудь о тех, кто пережил его? - спросил Тэо.
- Что вы имеете в виду? Это не было авиакатастрофой.
- Нет, нет, нет. Я имею в виду, не говорилось ли там о тех, кто пережил меня - ну знаете, о том, были ли у меня жена или дети.
- О, да. Дайте-ка вспомнить....

Дайте-ка вспомнить. Его будущее было совершенно случайным; никого оно особо не интересовало. Оно не было важным, не было реальным. Просто какой-то парень, о котором они читали.

- Да, - сказал голос. - Да, у вас остались сын и жена.
- В газете упоминались их имена?

Человек дышал в трубку, вспоминая. "Сына звали... Константин, кажется".

Константин. Имя его отца; да, Тэо всегда думал, что возможно назовет так сына.

- А имя матери мальчика? Моей жены?
- Простите. Я не помню.
- Пожалуйста, попробуйте.
- Нет, мне жаль. Я просто не помню.
- Вы могли бы подвергнуться гипнозу...
- Вы рехнулись? Я не собираюсь этого делать. Послушайте, я позвонил, чтобы помочь; я подумал, что совершу доброе дело, понимаете? Просто решил, что это будет хороший поступок. Но я не собираюсь подвергаться гипнозу или накачиваться лекарствами или еще что-нибудь в том же духе.
- Но моя жена... моя вдова... Я должен знать, кто она.
- Зачем? Я не знаю, на ком буду женат через двадцать один год; зачем вам это знать?
- Она может догадываться, почему меня убили.
- Ну, наверное. Возможно. Но я сделал для вас все, что мог.
- Но вы видели имя! Вы знаете ее имя!
- Как я уже сказал, я не помню его. Простите.
- Пожалуйста, я заплачу вам.
- Ну, серьезно, парень, я не помню. Но знаешь, если оно вдруг всплывет в памяти, я еще раз с тобой свяжусь. Но это все, что я могу сделать.

Тэо сдержался и не стал снова протестовать. Он недовольно скривил губы, потом горестно кивнул. "Хорошо. Спасибо. Спасибо, что потратили на меня время. Можно узнать ваше имя, для моего личного архива?"

- Извини друг, Как я сказал, если еще что-нибудь вспомню, я тебе позвоню.

И он повесил трубку.

15

Мичико этой ночью вернулась из Токио. Хотя она и не успокоилась окончательно, казалось, что она, по крайней мере, уже вышла из глубокой депрессии.

Ллойд, проведя день за выполнением нового цикла компьютерных симуляций, подобрал Мичико в аэропорту Женевы и проехал дюжину километров до своей квартиры в Сен-Жени, а потом...

Потом они занялись любовью, впервые за те пять дней, что прошли после Скачка во времени. Был ранний вечер, свет в комнате был выключен, но она была достаточно освещена светом с улицы. Ллойд всегда больше любил рисковать, хотя в последнее время и

она потихоньку начала превышать скорость. Возможно, его пристрастия были немного сумасбродными, слишком западными, и не понравились ей сначала. Но со временем она оттаяла, а он всегда старался быть внимательным любовником. Однако сегодня секс был механическим, классическая поза - он сверху, ничего интересного. Обычно когда все заканчивалось простыни были влажными от пота, но в этот раз они были почти сухими. Они даже остались заправленными с одной стороны.

Ллойд лежал на спине и смотрел на темный потолок. Мичико лежала рядом с ним, ее бледная рука была зарыта в его волосатую грудь. Долгое время они молчали, погруженные в свои мысли.

Наконец Мичико сказала: "Когда я была в Токио, я видела тебя на CNN. Ты действительно веришь, что у нас нет никакой свободы воли?"

Ллойд удивился. "Ну, - сказал он, наконец, - Мы думаем, что у нас она есть. Я думаю, это равносильно самой свободе. Но неизбежность - неотъемлемая часть многих религий. Возьми Тайную Вечерю. Иисус сказал Петру - а Петр, заметь, один из столпов церкви, - что тот отречется от него три раза. Петр отрицал, что такое может когда-либо случиться, но, конечно же, случилось. И Иуда Искариот - трагическая фигура. Я всегда думал, что ему было суждено сдать Христа властям, хотел он этого или нет. Концепция выполнения предначертанной судьбы намного старше концепции свободы воли. Он помолчал. "Да, я действительно верю, что будущее также неизменно, как и прошлое. И Скачок во времени однозначно подтверждает это. Если будущее не предопределено, то как оно может быть согласованным во всех видениях? Не должны ли видения быть разными, должны ли быть видения вообще?"

Мичико нахмурилась. "Я не знаю. Я не уверена. Я имею в виду, какой смысл продолжать, если все уже определено?"

- Какой смысл читать роман, чей конец уже был написан?

Она пожевала нижнюю губу.

- Концепция блочной вселенной - единственная вещь, которая имеет смысл в релятивистской вселенной, - сказал Ллойд. - Именно об этом и говорит теория относительности. Нет такой точки в пространстве, которая была бы важнее других. Нет единой точки отсчета для измерения течения времени. Хорошо, блочная вселенная отрицает, что время более важно, чем что-то другое... "сейчас" - абсолютная и всецелая иллюзия, и если нет такого понятия как универсальное "сейчас", если будущее уже написано, тогда свобода воли, очевидно, также иллюзия.

- Я не столь уверена, как ты, - сказала Мичико. - Думаю, у меня все же есть свобода воли.

- Даже после этого? - спросил Ллойд. Его голос стал немного резким. - Даже после Скачка в будущее?

- Есть другие объяснения согласованного варианта будущего, - сказала Мичико.

- Да? Какие, например?

- Например, есть только *одно* возможное будущее, как один бросок костей, - сказала Мичико. - Если Скачок в будущее должен был произойти, мы должны были увидеть совершенно другое будущее.

Ллойд покачал головой, шелестя волосами по подушке. "Нет, - сказал он. - Нет, существует только одно будущее, так же, как и только одно прошлое. Никакое другое объяснение не имеет смысла.

- Но жить без свободной воли...

- Так оно и есть. Понятно? - перебил Ллойд.

- Никакой свободы воли. Никакого выбора.

- Но...

- *Никаких но.*

Мичико затихла. Грудь Ллойда быстро поднималась и опускалась, и она, несомненно, могла чувствовать быстрое биение его сердца. На долгое время между ними установилось молчание, и затем, наконец, Мичико произнесла: "Ах".

Ллойд поднял брови, даже, несмотря на то, что Мичико не могла видеть его выражения. Но она, должно быть, как-то отметила, что его лицевые мускулы задвигались.

- Я поняла, - сказала она.

Ллойд рассердился и позволил своему голосу показать это: "Что?"

- Я поняла, почему ты непреклонен в вопросе о неизменном будущем. Почему ты веришь, что нет такой вещи как свобода воли.

- И почему?

- Из-за того, что случилось. Из-за всех людей, которые умерли, и всех людей, которые были ранены. - Она остановилась, как будто ожидая, что он заполнит паузу. Когда он этого не сделал, она продолжила. - Если у нас есть свобода воли, то в том, что произошло, мы должны винить сами себя; мы должны взять на себя ответственность. Вся эта кровь была бы на твоих руках. Но если у нас нет свободы воли... если ее нет, тогда это не твоя ошибка. *Que sera est.* Что бы ни должно произойти, это уже произошло. Ты нажал на кнопку, что начало эксперимент, потому что ты всегда нажимал и будешь нажимать эту кнопку; это мгновение, как будто застыло во времени, как и любой другой момент.

Ллойд ничего не ответил. Ему нечего было сказать. Конечно, она была права. Он почувствовал, как его щеки сильно покраснели.

Не упустил ли он что-то? Так безрассудно?

Ни одна физическая теория не могла предсказать Скачка во времени. Он был не из тех докторов наук, которым не удавалось быть в курсе побочных эффектов, это не была небрежность. Никто ... ни Ньютон, ни Эйнштейн, ни Хоукинг... не предсказали бы последствия эксперимента на БАК.

Он не сделал ничего неправильного.

Ничего.

И все же...

И все же он отдал бы все, что угодно, чтобы изменить то, что случилось. Все, что угодно.

И он знал, что, если он даже на одну секунду представит возможность, что это *можно* было бы изменить, что все могло пойти по-другому, что он мог бы избежать все эти авто- и авиакатастрофы, неудачные операции, падения с лестниц, что он мог бы помешать маленькой Тамико потерять жизнь, тогда он провел остаток своей жизни, раздавленный виной из-за того, что произошло. Минковски освобождал его от этого.

И он нуждался в этом освобождении. Оно нужно было ему, чтобы жить дальше, чтобы следовать своему пути через куб, не испытывая мук.

Те, кто хотели верить, что видения не описывают настоящее будущее, уповали на то, что собранные вместе, видения будут противоречивы: в видении одного человека президентом Соединенных Штатов будет демократ, в то время как у другого - в Овальном кабинете будет республиканец. У одного - повсюду будут летающие машины, у другого - все личные транспортные средства будут запрещены в пользу общественного транспорта. У одного - возможно, инопланетяне посетят Землю, у другого - мы выясним, что мы, на самом деле, одни.

Но проект Мичико "Мозаика" с более чем ста тысячами регистраций в день имел огромный успех, и все это объединялось вместе в описание последовательного, согласованного, правдоподобного 2030 года, каждое записанное видение было плиткой в большем целом.

В 2017 году, на девяносто первом году жизни, Елизавета II, Королева Англии, Шотландии, Северной Ирландии, Канады, Багамских островов и других бесчисленных

территорий, умерла. Ее сын Чарльз, в то время шестидесяти девятилетний, совсем отупел и подталкиваемый своими советниками решил не восходить на трон. Уильям, самый старший сын Чарльза, следующий в роду, потряс мир, отказавшись от трона, вынуждая Парламент объявить, что Монархия пала.

Квебек остался частью Канады, сепаратисты были теперь крохотным, но постоянным меньшинством.

В 2019 Южная Африка, в конце концов, закончила свои постапартеидные преступления-против-человечества, с более чем пятью тысячами признанными виновными людьми. Восьмидесяти восьми летний президент Дэсмонд Туту помиловал их всех, поступок, как он сказал, не только христианского прощения, но и прекращения прений.

Никто еще не ступил на Марс - ранние видения, которые предполагали обратное, оказалось, были симуляцией виртуальной реальности от "Мира Диснея".

Президентом Соединенных Штатов был афроамериканец, наверняка этому предшествовало избрание президентом женщины. Но католическая церковь же на самом деле посвящала в духовный сан женщин.

Куба больше не была коммунистической; последней коммунистической страной оставался Китай, и его власть над народом, казалось, была крепка следующий двадцать один год, как и сегодня. Население Китая теперь было почти два миллиарда.

Озоновые дыры были значительны; люди даже в облачные дни носили шляпы и темные очки.

Машины не могли летать, но они могли подниматься приблизительно на два метра над землей. С одной стороны, в большинстве стран дорожные работы были сокращены. Автомобилям больше не требовалось гладкой, твердой поверхности; в некоторых местах даже демонтировали дороги и вместо них проложили зеленые зоны. С другой стороны, дороги настолько меньше изнашивались, что оставленные нетронутыми требовали меньше ухода.

Второго пришествия Христа не случилось.

Мечта об искусственном интеллекте все еще не была исполнена. Хотя компьютеры, которые могли разговаривать, существовали в изобилии, ни один не показал какую-либо степень сознания.

Качество мужской спермы продолжало ухудшаться по всему миру; в развитых странах искусственное оплодотворение стало общей практикой и обеспечивалось общественным здравоохранением в Канаде, Европейском Союзе и даже США. В странах третьего мира уровень рождаемости впервые падал.

6 августа 2030 года - восемьдесят пятая годовщина сбрасывания атомной бомбы на Хиросиму - на церемонии, прошедшей в этом городе, объявили о международном запрещении развития ядерного оружия.

К 2030 году вымерли кашалоты, несмотря на запреты на их охоту. Более сотни в 2022 году совершили самоубийство, выбросившись на пляжи в местах обитания по всему миру; никто не знает почему.

В победе здравого смысла во всем мире, четырнадцать из крупнейших газет Северной Америки одновременно согласились прекратить печать гороскопов, объявив, что печатать такого вздора имела разногласия с их основной целью распространения правды.

Лекарство от СПИДа было найдено в 2014 или в 2015 году. Общее всемирное число смертей от этой чумы было оценено в семьдесят пять миллионов, то же самое число унесла Черная смерть семьсот лет назад. Лекарство от рака все еще оставалось неуловимым, но большинство форм диабета могли диагностировать и исправлять в утробе до рождения.

Нанотехнологии пока еще не работали.

Джордж Лукас все еще не закончил девяти серийную эпопею *"Звездные войны"*.

В Соединенных Штатах и Канаде курение теперь было незаконно во всех общественных местах, включая улицы. Союз стран третьего мира теперь предъявлял иск Соединенным Штатам в Мировом Суде в Гааге, чтобы преднамеренно продвинуть использование табака в развивающихся странах.

Билл Гейтс потерял свое состояние: в 2027 году акции Microsoft сильно упали, в ответ на новую версию проблемы двухтысячного года. Старые версии программного обеспечения Microsoft хранили даты, как тридцатидвухбитные последовательности, которые представляли число секунд, прошедших с 1 января 1970; в 2027 они исчерпали возможную емкость. Попытки ключевых работников Microsoft избавиться от своих акций ещё больше уронили цену на них. Компания окончательно обанкротилась в 2029 году.

Средний доход в Соединенных Штатах, казалось, составлял 157 000\$ в год. Буханка хлеба стоила 4 доллара.

Самым кассовым фильмом всех времен стала выпущенная в 2026 году экранизация *"Войны миров"*.

Изучение японского языка теперь было обязательно для всех студентов MBA Гарвардской Бизнес Школы.

Модными цветами 2030 года были бледно-желтый и оранжевый. Женщины снова носили длинные волосы.

Носорогов теперь разводили на фермах конкретно из-за их рогов, все еще высоко ценящихся на Востоке. Они больше не подвергались риску вымирания.

Убийство гориллы в Заире теперь было преступлением, караемым смертной казнью.

Дональд Трамп строил пирамиду в пустыне Невада для захоронения в будущем своих останков. Когда строительство закончится, она будет на десять метров выше, чем Большая Пирамида в Гизе.

Чемпионом мира по бейсболу в 2029 году стала команда "Вулканы Гонолулу".

Острова Теркс и Кайкос присоединились к Канаде в 2023 или 2024 годах.

После того, как тесты ДНК доказали ошибочность сотни ранее вынесенных приговоров, США отказались от смертной казни.

Пепси выиграла войну у Колы.

Произойдет другой гигантский крах фондовый биржи; те, кто знает, в каком году это произойдет, очевидно, хранят ту информацию при себе.

США, наконец, перешли к метрической системе мер.

Индия основала первую постоянную базу на Луне.

Между Гватемалой и Эквадором полным ходом идет война.

Мировое население в 2030 будет одиннадцать миллиардов; четыре миллиарда из них родились после 2009, и поэтому у них никогда, возможно, не было видения.

Ллойд ужинал с Мичико в его квартире. Ллойд сделал раклетт - сыр плавил и подавали к вареному картофелю - традиционное швейцарское блюдо, которое он стал любить. К нему у них была бутылка *Vlauburgunder*; Ллойд никогда не был сильно пьющим, но в Европе вино текло так свободно, а он был в возрасте, в котором стакан или два в день был полезен для сердца.

- Мы никогда не будем знать наверняка, не так ли? - сказала Мичико, после того, как съела маленький кусочек картофеля. - Мы никогда не узнаем, кто была та женщина, с которой ты был, или кто был отец моего ребенка.

- О, да, мы узнаем, - сказал Ллойд. - Ты, по-видимому, узнаешь, кто отец где-то за тринадцать или четырнадцать лет... до того, как ребенок родится. А я узнаю, кто была та женщина, где бы я её не встретил... Я, несомненно, опознаю её, даже более молодой, чем она была в моем видении.

Мичико кивнула, как будто это было очевидно. "Но я имею в виду, что мы не будем знать ко времени нашей собственной свадьбы", - сказала она тихим голосом.

- Нет, - сказал Ллойд. - Не будем.

Она вздохнула. "Что ты хочешь сделать?"

Ллойд поднял глаза от стола и посмотрел на Мичико. Ее губы были сильно сжаты; возможно, она пыталась сдержать их дрожание. На ее руке было обручальное кольцо... несколько меньше, чем он хотел купить ей, но гораздо дороже, чем он мог себе позволить. "Это не справедливо, - сказал он. - Я имею в виду, боже, Элизабет Тейлор наверно думала "пока смерть не разлучит нас" каждый раз, когда выходила замуж; никто не будет вступать в брак, зная, что он обречен на провал".

Он чувствовал, что Мичико смотрела на него, пытаясь заглянуть ему в глаза. "Так, каково твое решение? - спросила она. Ты хочешь отменить помолвку?"

- Я действительно люблю тебя, - сказал Ллойд, наконец. - Ты знаешь это.

- Тогда в чем проблема? - спросила Мичико.

В чем проблема? Развод, который так пугал его... или просто *грязный* развод, как тот, через который прошли его родители? Кто бы мог подумать, что такая простая вещь, как раздел общего имущества может перерасти в тотальную войну с грязными обвинениями с обеих сторон? Кто бы мог подумать, что два человека, которые ограничивали себя, экономили и жертвовали чем-то год за годом, чтобы купить друг другу щедрые рождественские подарки в знак их любви, закончат использованием закона в попытках отобрать эти подарки у единственного человека, для которого они что-то значат. Кто бы мог подумать, что пара, так остроумно назвавшая своих детей именами-анаграммами - Ллойд и Долли, преобразится и будет использовать этих же детей в качестве пешек, как оружие.

- Извини, дорогая, - подумал Ллойд. - Это разрывает меня на части но, я просто не знаю, чего я хочу.

- Твои родители давно забронировали билеты в Женеву, как и моя мама, - сказала Мичико. - Если мы отменим свадьбу, то должны об этом всем рассказать. Ты должен принять решение.

- Она не поняла, - подумал Ллойд. Она не понимала, что его решение уже принято; что все то, что он сделает или уже сделал ранее, было всегда записано в блочной вселенной. Ему не *нужно было* принимать решение. Скорее, уже существующее решение должно было быть выявлено.

И так...

16

Наступило время вернуться Тэо домой. Не в квартиру в Женеве, которую он называл домом последние два года, а домой в Афины. Вернуться к своим корням.

Также, если откровенно, для него было бы мудро не находиться некоторое время рядом с Мичико. Безумные мысли о ней всё время пробегали у него в голове.

Тэо не думал, что кто-то из его семьи виноват в его смерти. Хотя, как только он начал читать о таких вещах, ему стало ясно, что это обычное дело, с тех пор, как Каин убил Авеля, с тех пор как Ливия отравила Августа, с тех пор как Оу Джей Симпсон убил свою жену, с тех пор, как астронавт на международной космической станции был арестован за убийство сестры, несмотря на кажущееся совершенным алиби.

Но нет, Тэо не подозревал своих родственников. Более того, если чьи-то видения и могли пролить свет на его смерть, то, несомненно, это должны быть видения его близких

родственников. Несомненно, некоторые из них могли вести расследование через двадцать один год, пытаясь выяснить, кто убил их дорогого Тэо?

Тэо полетел рейсом Олимпик Эйрлайнс в Афины. Все места были заняты; люди опять стали летать, как раньше, поверив, что перенос сознания не повторится. Он провел время в полете, находя ошибки в модели Скачка во времени, присланной ему командой DESY, Немецкого электронного синхротрона, ещё одной крупной европейской установки для ускорения частиц. Тэо не был дома уже четыре года, и он жалел об этом. Боже, через двадцать один год он может быть мёртв, и он позволил одной пятой этого срока пролететь, ни разу не обняв мать, не попробовав её стряпни, не повидав брата, не насладившись невероятной красотой своей родины.

Конечно, Альпы были потрясающими, но это была стерильная, скучная красота. В Афинах, посмотрев вверх, вы всегда могли увидеть очертания Акрополиса над городом и отблески полуденного солнца на восстановленном, полированном мраморе Парфенона. Тысячи лет здесь жили люди; тысячелетия размышлений, культуры и искусства. Конечно, в юном возрасте он посетил многие из археологических достопримечательностей. Он помнил, как в семнадцать лет его класс поехал на автобусе в Дельфы, родину древнего оракула. Шел проливной дождь, и он не хотел выходить из автобуса. Но его учительница, миссис Мегас, настояла на этом. Они карабкались по скользким тёмным камням в густом лесу, пока не пришли к месту, где предположительно однажды сидел оракул, изрекая загадочные видения будущего.

Такой способ предсказания больше нравился Тэо. Будущие события, как тема для интерпретации и обсуждения, а не холодная, грубая реальность недавно увиденного мира.

Также они посетили театр в Эпидавре, огромную открытую чашу с концентрическими кольцами сидений. Там они посмотрели пьесу "*Тиран Эдип*", Тэо отказывался называть её "*Царём Эдипом*", как это делали туристы. "Царь" не было греческим словом и представляло раздражающее искажение названия пьесы.

Пьеса исполнялась на древнегреческом, она могла быть даже на китайском, всё равно Тэо не понимал диалогов. Но они проходили эту историю в школе, поэтому он знал, что происходит. Будущее Эдипа тоже было предсказано: "Ты женишься на своей матери и убьешь своего отца". И Эдип, как и Тэо, думал, что сможет перехитрить судьбу. Почему бы ему, вооруженному знанием, как следует поступить, просто не избежать проблемы и не прожить длинную счастливую жизнь со своей королевой Иокастой.

Если бы...

Если бы, как оказалось, Иокаста не была его матерью, а мужчина, убитый годами ранее Эдипом в ссоре по дороге в Фивы, не был на самом деле его отцом.

Софокл написал свою версию истории Эдипа двадцать четыре века назад, но студенты до сих пор изучали её как величайший образец драматической иронии в западной литературе. И что могло быть более ироничным, чем современный грек, столкнувшийся с дилеммами древних: будущее напророчено, предсказан трагический конец, судьба неизбежна? Конечно, у каждого героя древнегреческих трагедий была *гамартия*, роковой недостаток, делавший их ниспровержение неизбежным. У некоторых *гамартия* была очевидной: жадность, похоть или неспособность следовать закону.

Но какой роковой недостаток был у Эдипа? Что в его характере привело к краху?

Их класс долго обсуждал это; форма повествования, применяемая древнегреческими трагиками, не было нарушена, *всегда есть гамартия*.

Но что было у Эдипа?

Не жадность, не глупость, не трусость.

Нет, если что-то и было, то это была самонадеянность, его убеждение, что он сможет опровергнуть волю богов.

- Но, - протестовал Тэо, - это циклический аргумент; - Тэо всегда был больше логиком, чем гуманитарием. - Самонадеянность Эдипа, - говорил он, - основывается только на попытках избежать своей судьбы; если его судьба была бы более лёгкой, он бы не противился ей и, следовательно, никогда не стал бы самонадеянным.

- Нет, - сказала его учительница, - он был таким, в тысяче мелких вещей, что он делал в пьесе. На самом деле, - усмехнулась она, - хотя "Эдип" означает "Распухшая нога" - намёк на травму, которую нанёс его царствующий отец, когда связал своему ребёнку ноги и оставил умирать, он с лёгкостью может быть прозван "Распухшей головой".

Но Тэо не видел этого, не видел самонадеянности и не видел снисхождения. К нему, Эдипу, разгадавшему хитроумную загадку Сфинкс, выдающемуся интеллекту, великому мыслителю, каким и Тэо считал себя.

Загадка Сфинкс: кто ходит на четырех ногах утром, на двух - днём и на трёх - вечером? Ответ - человек, ползающий в начале жизни, ходящий вертикально в зрелом возрасте и использующий трость в старости. Какое проявление острого ума со стороны Эдипа!

Но теперь Тэо не доживёт до использования третьей ноги и не увидит закат своей жизни. Вместо этого он будет убит в среднем возрасте... точно так же, как и настоящий отец Эдипа, король Лай, был убит на обочине разбитой дороги.

Если, конечно, он не изменит будущее, если не обхитрит богов и не избежит своей судьбы.

"Самонадеянность? - думал Тэо. - Самонадеянность? Это просто смешно".

Самолёт начал снижаться к ночным Афинам.

- Твои родители давно забронировали билеты в Женеву, и моя мама тоже, - сказала Мичико. - Если мы отменим свадьбу, то должны об этом всем рассказать. Ты должен принять решение.

- Что ты собираешься делать? - спросил Ллойд, выигрывая время.

- Что я собираюсь делать? - удивленно переспросила Мичико - Я хочу выйти замуж. Я не верю в неизменность будущего. Видения сбудутся только, если ты сам будешь искать тому подтверждения.

Опять была его очередь говорить. Ллойд пожал плечами: "Извини, дорогая. Я действительно, но...

- Слушай, - отрезала она, не желая его слушать. - Я знаю, твои родители допустили ошибку. Но не мы.

- Видения...

- *Не мы*, - твердо сказала Мичико. - Мы подходим друг другу. Мы *созданы* друг для друга.

Ллойд некоторое время помолчал. И, наконец, осторожно продолжил. "Ты сказала, что я, возможно, слишком легко принял идею о неизменности будущего. Но это не так. Я не просто ищу способ избежать вины... и я, конечно, не ищу способ избежать свадьбы с тобой, дорогая. Но эти видения реальны и единственно возможны, это заключение основано на законах физики. Я знаю. Это трудно понять, я согласен, но теоретическая база, подтверждающая интерпретацию Минковски, превосходна".

- За 21 год физика может измениться, - сказала Мичико - Было много вещей, в которые верили в 1988 году, а теперь мы знаем, что они неверны. Новая парадигма, новая модель, могут вытеснить Минковски и Эйнштейна.

Ллойд не знал, что сказать.

- Это могло произойти, - сказала Мичико серьезно.

Ллойд попытался сказать мягче. "Мне нужно - мне нужно нечто большее, чем просто твое горячее желание. Мне нужно рациональное объяснение, мне нужна твердая теория, которая могла бы объяснить, почему все видения об одном и том же фиксированном

будущем". Он остановил себя, прежде чем добавил: "Будущего, в котором мы не хотели быть вместе".

Голос Мичико стал отчаянным. "Хорошо, ок, хорошо, возможно, видения показывают настоящее, реальное будущее... но не 2030 год".

Ллойд знал, что не следует давить; знал, что Мичико ранима... чёрт, он сам был раним. Но ей следовало взглянуть правде в глаза. "Свидетельства из газет кажутся довольно убедительными", - сказал он мягко.

- Нет... нет, это не так, - Мичико казалась все более и более непреклонной. - Это не реально. Видения могли показывать время намного дальше в будущем.

- Что ты имеешь в виду?

- Ты знаешь кто такой Фрэнк Типлер?

Ллойд нахмурился. "Этого пьяницу?"

- Что? А ясно, нет, этот Типлер с одной П. Он написал *Физику бессмертия*.

- Физику *чего*? - сказал Ллойд, подняв брови

- Бессмертия. Вечной жизни. Это то, чего ты всегда хотел, не правда ли? Все время в мире; все время делать все, что хочешь. Ну, Типлер говорит, что в Точке Омега - в конце времен - мы все воскреснем и будем жить вечно.

- Что это за бред?

- Я признаю, что это полная чушь, - сказала Мичико. - Но он выдвинул хорошую версию.

- О? - произнес Ллойд полный скептицизма.

- Он утверждает, что компьютерная жизнь, в конце концов, вытеснит биологическую, и что возможности по обработке информации будут расширяться год за годом, пока, наконец, в далёком будущем не останется неразрешимых вычислительных задач. Не будет ничего, что машины будущего не смогут вычислить из-за нехватки энергии или ресурсов.

- Допустим.

- Теперь рассмотрим конкретно описание каждого атома в человеческом теле: какой он, где он находится, и как он связан с другими атомами в организме. Если ты знаешь это, то можешь полностью возродить человека: точный дубликат, вплоть до уникальных воспоминаний, хранящихся в мозге, и точной последовательности нуклеотидов, составляющих его ДНК. Типлер предполагает, что достаточно продвинутый компьютер в далеком будущем сможет с лёгкостью воссоздать тебя, просто создав симулякр, отражающий ту же информацию, те же атомы в тех же местах.

- Но нет никакой записи меня. Ты не сможешь реконструировать меня без... я не знаю... какого-нибудь *сканирования* меня... или чего-то вроде того.

- Это не важно. Тебя можно воссоздать без какой-либо *конкретной* информации о тебе.

- О чем ты говоришь?

- Типлер утверждает, что есть примерно 110 000 активных генов, из которых состоит человек. Это значит, что число возможных пермутаций этих генов, то есть число всех предположительно могущих существовать людей, биологически отличающихся друг от друга, примерно десять в степени десять в шестой. И если ты симулируешь все эти пермутации...

- То симулируешь десять в степени десять в шестой человек? – сказал Ллойд. - Перестань!

- Это всё следует из утверждения, что у тебя есть по-настоящему бесконечные возможности по обработке информации, – сказала Мичико. Будет огромное количество возможных людей, но их число будет конечно.

- *Почти* бесконечно.

- Также будет конечное число возможных состояний памяти. При достаточной ёмкости запоминающих устройств будет возможно воссоздать не только всех возможных людей, но и все их возможные комбинации воспоминаний.

- Но тебе понадобится один симулированный человек для каждого состояния памяти, — сказал Ллойд. - Одно, в котором я ел пиццу вчера вечером или, по крайней мере, имею воспоминания, что делал это. Другое, в котором я ел гамбургер. *И так далее, и так далее, до бесконечности.*

- Именно. По мнению Типлера для воссоздания всех возможных людей и всех их возможных воспоминаний тебе понадобится десять в степени десять в двадцать третьей элементов.

- Десять в степени десять в...

- Десять в степени десять в двадцать третьей.

- Это безумие, — сказал Ллойд.

- Это конечное количество. И оно может воспроизведено на достаточно совершенном компьютере.

- Но почему кто-то будет это делать?

- Ну, Типлер говорит, что Точка Омега любит нас, и...

- *Любит* нас?

- Тебе на самом деле надо почитать книгу; у него это звучит более обоснованно, чем у меня.

- Лучше бы он сам её почитал, — сказал невозмутимо Ллойд.

- И не забывай о том, что течение времени будет замедляться при приближении вселенной к концу, если она, в конце концов, начнёт сжиматься, что приведёт к Большому Сжатию...

- Ты знаешь, большинство исследований показывают, что этого не случится; нет столько вещества, даже принимая в расчёт темную материю, чтобы заполнить всю вселенную.

Мичико продолжала настаивать. "Но если она всё-таки будет сжиматься, время замедлится и будет казаться, что это займёт вечность. И тогда будет казаться, что воссозданные люди будут жить вечно; они будут бессмертны".

- Ну, хватит. Может однажды, если мне повезёт, я получу нобелевскую премию. Вот это будет бессмертие, о котором только можно мечтать.

- Не согласно Типлеру, — сказала Мичико.

- И ты веришь в это?

- Н-ну, нет, не совсем. Даже если пренебречь религиозным подтекстом Типлера, разве нельзя вообразить далёкое, далёкое будущее, в котором, я не знаю, какой-нибудь заскучавший студент решит симулировать каждого возможного человека и все возможные состояния памяти?

- Полагаю, что можно.

- На самом деле ему не нужно симулировать все возможные состояния... он мог бы симулировать наугад только одно.

- О, я понял. И ты утверждаешь, то, что мы видели, видения, на самом деле не из нашего будущего через двадцать один год, а из научного эксперимента далёкого будущего. Симуляция, один возможный образец. Всего одно из бесчисленных, прости, *почти* бесчисленных будущих.

- Совершенно верно!

Ллойд покачал головой. "В это довольно трудно поверить".

- Разве? Правда? Разве в это труднее поверить, чем в идею, что мы видели будущее, и это будущее неизменно, и даже нашего знания наперёд не будет достаточно, чтобы помешать этому будущему сбыться? Я имею в виду, если у тебя было видение, что ты будешь в Монголии через двадцать один год, всё что тебе нужно сделать, чтобы опроверг-

нуть видение, это *не* ехать в Монголию. Если, конечно, не было предсказано, что тебя заставят ехать туда, против твоей воли. У нас есть выбор.

Ллойд пытался говорить нежнее. Ему приходилось вести научные споры с другими людьми, но не с Мичико. Даже если интеллектуальное обсуждение касалось его лично. "Если в видении ты была в Монголии, то всё закончится тем, что ты там будешь. Ты можешь совсем не собираться туда, но это произойдет и будет выглядеть совершенно естественным тогда. Ты знаешь, как и я, что люди отвратительны в реализации своих желаний. Ты можешь пообещать, что сядешь на диету, и будешь иметь все намерения быть на ней и через месяц, но каким-то образом к этому времени ты можешь не быть на диете, и при этом не будет казаться, что у тебя нет свободы воли".

Мичико обеспокоилась. "Ты думаешь, мне нужно сесть на диету?" Но потом она улыбнулась. "Шутка".

- Но ты поняла самое главное. Нет доказательств, что мы можем избежать чего-то даже в краткосрочном будущем, просто сделав выбор; почему мы должны думать, что у нас будет самоопределение на протяжении десятилетий?

- Потому что оно у нас *есть*, – сказала Мичико с прежним убеждением. - Потому что иначе нет выхода. - Она взглянула ему в глаза. - Как ты не понимаешь? Типлер *должен* быть прав. Или, если он не прав, должно быть какое-нибудь другое объяснение. Это *не может* быть будущим. - Она сделала паузу. - Это не может быть *нашим* будущим.

Ллойд вздохнул. Он любил её, но... чёрт, чёрт, чёрт. Он понял, что отрицательно качает головой. "Я не меньше тебя не хочу такого будущего", – сказал он нежно.

- Тогда не позволяй этому произойти, – сказала Мичико, взяв его за руку и переплестя его пальцы со своими. - Не позволяй.

17

- Здравствуйте, - произнес приятный женский голос.

- А, здравствуйте, это... это доктор Томпкинс?

- Слушаю вас.

- А, здравствуйте. С вами говорит... Джейк Хоровитц. Знаете, из ЦЕРН?

Джейк не представлял, какой реакции ждать по ту сторону телефонного провода. Расположение? Облегчение, что он сделал первый шаг? Удивление? Но ни одно из этих чувств не передавал голос Карли. "Да?" - сказала она, голос ее при этом был ровным. И это все; просто "да".

Джейкоб чувствовал, что его сердце опускается. Может быть, ему следовало бы просто бросить трубку, и убраться подальше от телефона. Это ничего бы не испортило; если Ллойд прав, они *обречены* оказаться вместе. Но он не мог себя заставить это сделать.

- И-извините, что беспокою вас, - пробормотал он. Он никогда не мог общаться с женщинами по телефону. И на самом деле ни с одной из них не общался, не так, со времен старшей школы, с тех пор как не набрался смелости позвонить Джули Коэн и пригласить ее на свидание. Он несколько дней готовился, и до сих пор помнит, как дрожали его пальцы, набирая ее номер в подвале родительского дома. Он мог слышать, как его старший брат ходит по лестнице, как скрипят половицы с каждым его тяжелым шагом. Его пугало, что Дэвид может спуститься вниз, пока был у телефона.

На звонок ответил отец Джули, затем позвал ее взять параллельную трубку телефона, т.к. он не прикрыл рукой микрофон, было слышно, что он обращался к ней грубо. Не похоже было, что он заботится о Джули. Как только она взяла телефон, а ее отец положил свою трубку на рычаг, она ответила - какой же чудесный у нее голос: "Алло".

- А, привет, Джули. Это Джейк - ну знаешь, Джейк Хоровитц. – Молчание, ничего кроме молчания. – Из класса по Американской истории.

Такое замешательство, будто бы он попросил ее рассчитать последнюю цифру числа "ну": "Да?"

- Мне интересно, – сказал он, стараясь держаться непринужденно, стараясь произносить слова так, как будто его жизнь от этого не зависела, стараясь звучать именно так, хотя его сердце было готово взорваться. - Я хотел узнать... может быть, ты... если пожелаешь, конечно, пойдешь куда-нибудь со мной, например, в субботу... если будешь свободна. - Еще больше молчания; он вспомнил, когда был ребенком и слушал, как на телефонных линиях раздается слабое потрескивание. Сейчас ему этого не хватало.

- Может быть в кино, – произнес он, опускаясь в пустоту.

У него усилилось сердцебиение, и затем прозвучали слова: "С чего ты решил, что мне, возможно, захочется пойти с тобой?"

Он почувствовал, как перед глазами все поплыло, в животе все сжалось, и даже как его ударило ветром. Он не мог вспомнить, что сказал потом, но каким-то образом положил трубку, как-то удержался от рыданий, уселся прямо там, в подвале, и слушал шаги своего старшего брата наверху.

Это был последний раз, когда он звонил женщине назначить свидание. Ох, он не был девственником – конечно, нет, конечно, нет. Пятьдесят долларов исправили то деликатное положение однажды Нью-Йоркской ночью. После этого он ужасно себя чувствовал, дешевым и грязным, но однажды он будет с женщиной, с которой он хотел бы быть и обладать ею, кем бы она не была, будучи... ну, хоть и не опытным, но, разумеется, не колеблясь о том, в чем не имеет понятия.

И вот, теперь всё похоже на то, что он *будет* с женщиной... с Карли Томпкинс. Он помнил ее красавицей, помнил ее каштановые волосы и глаза: зеленые или серые. Он с радостью смотрел на нее, с радостью - слушал, когда она делала презентацию на конференции Академии Наук. Но точные детали ее внешности вспоминались смутно. Он вспоминал веснушки... да, непременно, у нее имелись веснушки, хоть и не так много как у него, а мягко стелящиеся по переносице вдоль ее носика и полноватым щекам. Разумеется, он и не представлял, что...

... ее озадаченное "Да?" все еще будет звучать в его ушах. Она *должна* знать, почему он звонит. Должна...

- ... Мы будем вместе, - глупо выпалил он, мечтая тут же отказаться от произнесенных слов. - Через двадцать лет мы будем вместе.

Она минутку молчала, а затем произнесла "Я догадываюсь".

Джейку стало легче, он боялся, что она откажется от видения. "Так что я подумал, - сказал Джейк. - Я подумал, может быть нам стоит узнать друг друга. Ну, знаете, может быть, сходить выпить кофе". У него выпрыгивало сердце, у него крутило живот. Ему было снова семнадцать.

- Джейкоб, - сказала она. Джейкоб, она произнесла его имя... ни один хороший разговор никогда не начинается с произнесения имени. Джейкоб, и напоминания о том, каким он в действительности являлся. Джейкоб, что заставляет тебя думать, что я возможно...

- Джейкоб, - продолжила она, - Я встречаюсь кое с кем.

Конечно, он подумал. Конечно, она с кем-то встречается. Темноволосая красавица с такими веснушками. Конечно же.

- Извини, - вымолвил он. Он имел в виду, что просит прощения за беспокойство, но у него было двойное чувство. Он *сожалел*, что она встречается с другим.

- К тому же, - сказала Карли, - Я в Ванкувере, а ты в Швейцарии.

- Мне нужно быть в Сиэтле на этой неделе; я - аспирант, и моя область - компьютерное моделирование реакций частиц высоких энергий ядерной физики, и ЦЕРН отправ-

ляет меня на семинар в Microsoft. Я бы мог... мы бы, я подумал, ну ты знаешь, приехать в Северную Америку на денек-два пораньше, может быть через Ванкувер. Я летаю по бонусной программе, мне это ничего не будет стоить.

- Когда? - спросила Карли.

- Я... я мог быть там уже послезавтра. - Он попытался придать своему тону легкость. - Семинар начинается в четверг; может быть мир и погряз в кризисе, но Microsoft на плаву. - По крайней мере, пока, - подумал он.

- Хорошо, - сказала Карли.

- Хорошо?

- Хорошо. Приезжай в TRIUMF¹⁹, если хочешь. Буду рада тебя там встретить.

- А что насчет твоего парня?

- А кто сказал, что это парень?

- О. - Пауза. - О.

Затем Карли рассмеялась. "Да, нет, просто шучу. Да, это парень, его зовут Боб. У нас не настолько все серьезно, и..."

- Да?

- Ну, тогда, я думаю, что нам *следует* лучше узнать друг друга.

Джейкоб был рад, что не было слышно, как она растянулся в улыбке от уха до уха. Они уточнили время и попрощались.

У него выпрыгивало сердце. Он всегда знал, что предназначенная ему женщина обязательно появится, никогда не терял надежды на этот счет. Он бы не принес ей цветов, он просто не смог бы их провести через таможеню. Он бы ей подарил что-нибудь декадентское из шоколада Мишели, из Швейцарии - страны, которая, в конце концов, является родиной шоколада.

Хотя с его хронической удачливостью, она вполне может оказаться диабетиком.

Младший брат Тэо, Димитрий, жил вместе с тремя другими парнями в пригороде Афин, но когда Тэо позвонил ему поздно вечером, Димитрий был дома один.

Дим изучал европейскую литературу в Афинском национальном университете имени Каподистрии; с самого детства он хотел быть писателем. Он научился писать до поступления в школу и постоянно писал рассказы на семейном компьютере. Тэо давным-давно пообещал перенести рассказы Дима с трёхдюймовой дискеты на оптический диск, так как домашние компьютеры больше не оснащались дисководом, а среди компьютеров ЦЕРНа были старые системы с такими устройствами. Он раздумывал о том, чтобы повторить предложение, но не знал, что будет лучше. Или позволить Диму думать, что он просто забыл об этом, или дать понять, что прошли годы – годы! – а старший брат так и не выкроил три минуты, чтобы попросить о простом одолжении кого-нибудь из компьютерщиков.

Когда Дим открыл дверь, на нём были голубые джинсы – такое ретро! – и жёлтая футболка с логотипом "Анахайм", популярного американского телесериала; даже крупный европейский литератор не мог сопротивляться зомбированию американской поп-культурой.

– Здравствуй, Дим, – сказал Тэо. Он никогда раньше не обнимал своего брата, но теперь почувствовал острое желание сделать это; осознание своей смертности благоприятствовало проявлению чувств. Но Дим без сомнения не будет знать, как ответить на объятия; их отец, Константин, не был любвеобильным человеком. Даже когда он выпивал анисовой водки больше, чем нужно, он мог ущипнуть официантку за зад, но никогда потрепать волосы своим мальчикам.

¹⁹ TRIUMF – Tri-University Meson Facility - Канадская национальная лаборатория ядерной физики и микрочастиц

– Привет, Тэо, – сказал Димитрий, как будто видел его только вчера. Он шагнул в сторону, пропуская брата внутрь.

Дом выглядел, как и положено выглядеть дому, где живут четыре двадцатилетних парня, свинарник с развешанной повсюду одеждой, с обеденным столом, заваленным коробками для еды, и всеми видами гаджетов, включая высококлассное стерео и устройства для виртуальной реальности.

Было приятно снова говорить по-гречески; его тошнило от французского и английского языков, в первую очередь от их излишнего многословия и в последнюю – от грубого, неприятного звучания. "Как дела? – спросил Тэо. – Как школа?"

– Как университет, ты хотел спросить, – сказал Дим.

Тэо кивнул. Он всегда называл свой ВУЗ университетом, а ВУЗ брата, занимающегося искусством, всего лишь школой. Возможно, это было пренебрежением; между ними было восемь лет, большой срок, но недостаточно большой, чтобы сгладить соперничество между братьями. "Извини. Как университет?"

– Нормально. – Он встретился с Тэо глазами. – Один из моих профессоров погиб при Скачке во времени, а одному из моих лучших друзей пришлось уехать, чтобы заботиться о семье после того, как пострадали его родители.

На это нечего было ответить. "Извини, – сказал Тэо. – Это нельзя было предвидеть".

Дим кивнул и отвёл глаза. "Ты уже видел маму и папу?"

– Ещё нет. Позже.

– Знаешь, это было тяжело для них. Все их соседи знают, что ты работаешь в ЦЕРН. Мой сын – учёный, всегда говорил папа. Мой мальчик – новый Эйнштейн. – Димитрий сделал паузу. – Больше он так не говорит. Они вынесли много гнева от тех, кто потерял родных.

– Извини, – снова сказал Тэо. Он оглядел беспорядок в комнате, пытаясь найти новую тему для разговора.

– Хочешь пить? – спросил Димитрий. – Пиво? Минеральную воду?

– Нет, спасибо.

Димитрий помолчал несколько секунд. Он прошёл в гостиную, Тэо последовал за ним. Дим сел на диван, столкнув с него на пол бумаги и одежду, чтобы освободить место. Тэо нашёл стул, относительно свободный от хлама, и сел на него.

– Ты разрушил мою жизнь, – сказал Димитрий, то глядя на брата, то отводя глаза. – Хочу, чтобы ты знал.

Тэо почувствовал, что его сердце забилося чаще. "Как?"

– Этими... этими видениями. Чёрт возьми, Тэо, знаешь ли ты, как тяжело сидеть за клавиатурой целый день? Знаешь ли ты, как легко разочароваться в себе?

– Но ты потрясающий писатель, Дим. Я читал твои работы. Ты прекрасно управляешься со словами. В том отрывке про лето, что ты провёл на Крите, ты идеально описал Кносос.

– Это не важно, ничего из этого не важно. Как ты не понимаешь? Через двадцать один год я не буду знаменит. У меня не получится. Через двадцать один год я буду работать в ресторане, подавая *сувлаки* и *цацики* туристам.

– Может, это был сон... может, ты спал в 2030 году.

Дим покачал головой. "Я нашёл ресторан. Он при Башне ветров. Я встретил администратора; это тот же парень, что будет управлять этим местом через двадцать один год. Он узнал меня по его видению, а я узнал его – по своему".

Тэо попробовал выразиться мягче: "Многие писатели не зарабатывают себе на жизнь литературой. Ты знаешь это".

– Но сколько из них будут заниматься тем же год за годом, если не будут думать, что однажды, может не сегодня, может не в следующем году, но со временем проявят себя? Что они добьются успеха?

– Я не знаю. Я никогда не думал об этом.

– Это мечта, заставляющая людей искусства продолжать своё дело. Сколько старающихся изо всех сил актёров сдаются сегодня, прямо сейчас, потому что их видения показали, что они никогда не добьются успеха? Сколько художников на улицах Парижа на этой неделе выбросили свои палитры, потому что знают, даже спустя десятилетия они не станут известными? Сколько рок-групп, репетирующих в родительских гаражах, распались? Ты отнял мечту у миллионов из нас. Некоторым повезло, они спали в будущем. Из-за того, что они спали, их мечты не разбиты.

– Я... об этом я не подумал.

– Конечно, ты не подумал. Ты так озабочен выяснением того, кто тебя убил, что не видишь очевидного. Но у меня есть новость для тебя, Тэо. Не ты один мёртв в 2030 году. Я тоже мёртв - официант в дорожном сборище туристов! Я мёртв, а также, уверен, как и миллионы других. И ты убил их, ты убил их надежды, их мечты, их будущее.

18

День восьмой: вторник, 28 апреля 2009 года

Джейк и Карли Томпкинс должны были встретиться в TRIUMF, но решили этого не делать. Вместо этого, они встретились в супермаркете Чаптерс в пригороде Ванкувера Бёрнаби. Почти половина всего пространства магазина занимали оригинальные сигнальные экземпляры книг - гарантированных бестселлеров Стивена Кинга, Джона Гришема, Койота Рольфа. Остальная часть здания была отведена под дисплеи индивидуального пользования с названиями книг, которые можно распечатать по требованию. Лишь пятнадцать минут уходило на то, чтобы выпустить один экземпляр любой книги, будь она в мягкой обложке, либо брошюрой в твердом переплете. Также имели место и издания большого формата и, кроме того, компьютерный перевод на любой из двадцати четырех языков, но для этого требовались дополнительные несколько минут. Ну и, разумеется, товар всегда имелся в наличии.

Как яркий представитель цивилизованного мира, книжный магазин уже двадцать лет имел несколько буфетов, что давало людям приятно провести время пока их книги не будут готовы. Джейк рано приехал в Чаптерс, зашел в Старбакс, заказал себе большую порцию Суматры без кофеина и нашел место.

Карли явилась на десять минут позже назначенного времени. На ней был плащ фирмы "London Fog" с поясом, изящно обрамляющим талию, голубые брюки и обувь на низком каблуке. Джейк приподнялся, чтобы ее поприветствовать. Чем ближе он подходил, тем более был удивлен: она не была так прекрасна, какой он ее помнил.

Но это была определенно она. Они смотрели друг на друга какое-то время, ему было интересно, он ожидал, что и ей тоже, каково это встретить кого-то, с кем ты уже знаешь, что у тебя будет секс. Они были знакомы, уже. Джейк сталкивался с людьми, которых еле знал в разные времена, которых целовал он, которые целовали его в щечку при встрече... главным образом, конечно, во Франции. Но Карли решила этот вопрос, протянув свою правую руку. Он выразил улыбку и пожал ее руку: ее рукопожатие было крепким, а кожа холодная.

Служащий Чаптерс подошел к Карли спросить, чего она желает выпить. Джейк вспомнил, что даже, когда Старбакс был баром с самообслуживанием, кто-нибудь обязательно приходил и вручал вам отпечатанную книгу. Она заказала огромную порцию кофе Эфиопия Сидамо.

Карли открыла сумочку и вынула кошелек. Джейк позволил себе вольность посмотреть в ее сумку. В кофейне не курили, так же, как и в ресторанах по всей Северной Америке. Подобные правила вступали в силу даже в Париже. Но его утешило то, что он не увидел в сумке спрятанной пачки сигарет. Он не представлял, как быть, если она окажется курильщицей.

- Что ж, - произнесла она.

Джейк выдавил улыбку. Это была неловкая ситуация. Он знал, как она выглядела обнаженной. Конечно, конечно это было двадцать лет спустя. Ей было приблизительно столько же, сколько и ему - двадцать-два, двадцать три. В свои сорок с небольшим, двумя десятилетиями спустя она была слегка истощена, слегка старовата. А пока...

Ей было чудесных двадцать лет, несомненно, тем не менее, выглядела она прекрасно. Определенно...

Да, да, все еще было и предвкушение, и изумление и напряжение.

И конечно, она тоже видела его обнаженным, то каким он будет через двадцать лет. Он знал, как она выглядит - ее натуральный каштановый цвет волос или окрашенный в тон натуральному, темно-красные соски, те самые очаровательные веснушки, стелящиеся поперек груди. Но он? Как он выглядел через двадцать лет? Он и сейчас-то на атлета не похож. Что если он прибавил в весе? Что если волосы на его груди поседели?

Может быть, ее первичное отвращение было связано с тем ним, кого она увидела в будущем. Он мог бы пообещать, что будет заниматься, будет держать себя в порядке, мог пообещать что угодно... но она *знала*, каким он был в 2030 году, хотя сам он об этом не знал.

- Приятно видеть тебя снова, - сказал Джейк, пытаясь звучать спокойно, пытаясь звучать тепло.

- Мне тоже, - ответила Карли. И затем она улыбнулась.

- Что?

- Ничего.

- Нет, давай. Расскажи мне.

Она снова улыбнулась, затем опустила глаза. "Я просто представила нас голыми", - сказала она.

Он почувствовал, как его лицо растянулось в усмешке. "Я тоже".

- Это странно, - сказала она. И затем. - Слушай, я никогда ни с кем не сплю на первом свидании. Я имею в виду...

Джейк убрал руки со столешницы. "Я тоже нет", - сказал он.

Она улыбнулась на это. В конце концов, возможно, она была так же красива, как он помнил.

Проект "Мозаика" раскрыл будущее не только отдельных людей. Также он мог рассказать многое о будущем правительств, компаний и организаций... включая сам ЦЕРН.

Оказывается, в 2022 году команда в ЦЕРН, в которой были Тэо и Ллойд, разработает совершенно новый вид физического оборудования: Тахионно-Тардионный Коллайдер. Тахионы – это частицы, движущиеся быстрее скорости света; чем большую энергию они имеют, тем ближе их скорость к скорости света. При уменьшении их энергии, скорость возрастает, до почти бесконечных величин.

Тардионы, наоборот, обычные частицы, они движутся медленнее скорости света. Чем больше энергии вы закачаете в тардион, тем быстрее он будет двигаться. Но, как ска-

зал старик Эйнштейн, чем быстрее движется тардион, тем тяжелее он становится. Ускорители частиц, такие как Большой Адронный Коллайдер в ЦЕРН, сообщали тардионам огромную энергию, потом разгоняли до высоких скоростей и сталкивали их вместе, высвобождая всю эту энергию при распаде микрочастиц. Такие машины были огромны.

Но вообразите неподвижный тардион, например, протон, удерживаемый на месте магнитным полем, и направьте тахион на столкновение с ним. Вам не понадобятся огромные кольца ускорителя, чтобы разогнать тахион, он естественным образом летит на сверхсветовой скорости. Всё что вам нужно сделать, это удостовериться, что он попадёт в тардион.

И у вас получится ТТ Коллайдер.

Ему не потребуется туннель окружностью двадцать семь километров, как у БАК.

Его постройка не будет стоить миллиарды долларов.

Ему не нужны будут тысячи людей для обслуживания и управления им.

ТТК был размером с микроволновку. Ранние модели, такие как в 2030 году, стоили около сорока миллионов долларов США, и всего в мире их было девять. Но прогнозировалось, что они, в конце концов, подешевеют настолько, что будут у каждого университета.

Последствия для ЦЕРН были разрушительны, более 2800 людей были сокращены. Влияние на города Сен-Жени и Туаре тоже было большим, внезапно более тысячи домов и квартир стали свободными из-за отъезда людей. БАК всё-таки останется в эксплуатации, но использоваться будет редко; намного легче проводить и повторять эксперименты, используя ТТК.

- Знаешь, это бред, – сказала Карли Томпкинс, отхлебнув эфиопского кофе.

Джейк Хоровитц посмотрел на неё, взметнув брови.

- То, что произошло в том видении, – сказала Карли, опустив глаза. – Было *страшно*. Это не были два человека, прожившие вместе двадцать лет.

Джейк пожал плечами. "Я никогда не хотел утратить новизну, стать стариком. Люди могут дарить любовь друг другу десятилетиями".

- Но не так. Не сдирая одежду друг с друга на рабочем месте. - Джейк нахмурился.

- Как знать.

Карли замолкла на секунду, а потом сказала: "Хочешь снова пойти ко мне? Просто выпить кофе..."

Они и так сидели в кофейне, так что предложение не имело смысла. Сердце Джейка выпрыгивало. "Конечно, – сказал он. – Было бы здорово".

19

Еще одна ночь в квартире Ллойда. Ллойд и Мичико сидят на диване, не произнося ни слова.

Ллойд поджал губы, раздумывая. И чего он не смог просто двигаться дальше и связать себя с этой женщиной? Он *любил* ее. Почему бы ему просто не проигнорировать то, что он видел? Миллионы людей поступали также, после всего... для большинства в мире, идея определенного будущего представлялась нелепой. Они видели это сотни раз по телевизору в фильмах и сериалах: Джимми Стюарт осознает, что жизнь прекрасна, после того как видит, что происходит в мире без него. Супермен, разгневанный смертью Лоис Лэйн, облетает вокруг Земли с такой скоростью, что она начинает вращаться в обратном направлении, позволяя ему вернуться во времени к моменту ее гибели, и спасти ее. Цезарь,

сын ученых шимпанзе Зиры и Корнелия, направляет мир на тропу межвидового братства, надеясь избежать уничтожения Земли от ядерной катастрофы.

Даже ученые говорили исходя из вероятного развития. Стивен Джей Гулд, принимая метафору из фильма Джимми Стюарта, поведал миру о том, что если бы вам удалось размотать клубок времени, то оно, несомненно, воспроизвелось бы иначе, и, в конце концов, вместо людей было бы что-то другое.

Но Гулд не был физиком; тот мысленный эксперимент, что он предложил, был невозможен. Лучшее что вы могли сделать, это быстро промотать произошедшее в будущем действие, передвинуть указатель на "сейчас" к другому моменту. Время было *установлено*; кино отснято, каждый кадр проявлен. Будущее не было незавершенным; оно было законченным, и не важно, сколько раз Стивен Джей Гулд смотрел "*Эту чудесную жизнь*", Кларенс все равно получит свои крылья...

Ллойд погладил волосы Мичико, желая знать, что же предписано этой части пространственно-временного блока.

Джейк лежал на спине, держа одну руку за головой. Карли прижималась к нему и играла с волосками на его груди. Они оба были обнажены.

- Знаешь, - сказала Карли, - у нас есть шанс на что-то действительно чудесное здесь.

Джейк приподнял брови. "А?"

- У скольких пар такое есть, в этот день и период? Гарантия что они будут вместе еще двадцать лет! И не только вместе, а также страстны... - Она замолкла; это была единственная вещь, которую следует рассмотреть в будущем, но этого было достаточно, чтобы поспешно выговорить слово на букву Л.

Некоторое время они находились в тишине. "У тебя там никого нет? - наконец спросила Карли тихим голосом. - Там в Женеве?"

Джейк встряхнул головой, его рыжие волосы зашуршали на подушке. "Нет. - Затем он сглотнул, набираясь храбрости. - Зато у тебя кое-кто имеется здесь, да? Твой парень - Боб".

Карли выдохнула. "Извини, - сказала она. - Знаю, ложь - ужасная штука на пути к отношениям. Я... послушай, я ничего о тебе не знала. А мужчины-физики такие бабники, настоящие бабники. У меня даже имеется старое обручальное кольцо, которое я порой одеваю на конференции. Нет никакого Боба. Я просто сказала это для того, чтобы у меня имелся подходящий выход, если бы у нас все не прошло гладко".

Джейк не знал быть ему оскорбленным или нет. Однажды, июльским вечером, когда ему было шестнадцать или семнадцать лет, он общался с подружкой своего кузена Хауи, перед его домом. Вокруг было много народу: на заднем дворе жарили шашлыки. Было темно и ясно, и она завязала с ним разговор, после того, как заметила, что он смотрит на звезды. Она не знала их названий, и была ошеломлена тем, что он мог показать Полярную звезду, три угла Летнего Треугольника, Вегу, Денеб и Альтаир. Он начал показывать ей Кассиопею, но ее было тяжело разглядеть, половине обозрения мешали деревья, растущие за домом. И все-таки он хотел, чтобы она увидела его - большое W на небе, одно из самых простых созвездий, с которым однажды познакомились и вы. И тогда он сказал: "Перейди со мной улицу и сможешь увидеть его с другой стороны". Это была милая пригородная улица, свободная от транспорта в это время суток, с зажженными фонариками на домах с аккуратно стриженными лужайками.

Она посмотрела на него и сказала: "Нет".

Он не понял - на какую-то долю секунды. Она подумала, что он, возможно, старается затащить ее в кусты, чтобы изнасиловать. Его пронзило эмоциями: обидеться на предположение - в конце концов, Хауи был его двоюродным братом! И в тоже время

грусть: сожалеть о том, что значит быть женщиной - постоянно быть начеку, всегда опасаться, все время искать пути к отступлению.

Джейк слегка дернул плечами, и пошел прочь, ошеломленный тем, что был не в силах что-либо сказать в свое оправдание. Вскоре, после этого налетели облака, загораживая звезды.

- Ох, - произнес Джейк. Другого ответа по поводу лжи насчет Боба он так и не смог придумать.

Карли пожала плечами: "Извини. Женщина должна быть осторожной".

Он не мог думать об этом, как об объяснении - но... но... хорошенький же подарочек! Вот она, красивая, умная женщина, работающая в той же сфере, что и он, а также и факт, что они все еще будут вместе и будут счастливы спустя два десятка лет.

- К какому времени тебе завтра надо быть на работе? - спросил Джейк.

- Думаю, я позвоню и скажу, что заболела - ответила Карли.

Он перестроился на кровати, смотря ей в лицо.

Димитрий Прокопидес сидел на захламлённом диване, уставившись на стену. Он думал об этом с тех пор, как брат Тэо навестил его два дня назад. То, что тысячи людей, может даже миллионы, задумали то же, не делало это легче для него.

Это было довольно просто сделать: он купил снотворное без рецепта и без труда нашёл информацию в Интернет о том, насколько большая доза снотворного этой марки требуется, чтобы обеспечить летальный исход. Для того, кто весил семьдесят пять килограммов, как и Димитрий, хватило бы семнадцати таблеток, а двадцать две наверняка бы сделали своё дело, но тридцать скорей всего вызовут рвоту, испортив весь замысел.

Да, он мог бы это сделать. И это было бы безболезненно... просто засыпаешь глубоким сном, который длится вечно.

Но был роман "Уловка 22" - один из немногих американских романов, что он прочёл, познакомивший его с этой идеей. Совершив самоубийство - он не боялся этого слова, - он мог бы доказать, что будущее не предопределено; в конце концов, не только в его видении, но и в видении администратора ресторана, он будет жив через двадцать один год. Итак, если он сегодня убьёт себя, если проглотит таблетки прямо *сейчас*... то убедительно продемонстрирует, что будущее не неизменно. Но это было бы подобно Пирровым победам над римлянами при Геракле и Аускуле, победам слишком дорогой ценой. Если бы он *смог* совершить самоубийство, то будущее, так угнетающее его, не было бы неизбежно... но он, конечно, будет не в состоянии следовать своей мечте.

Возможно, существовали менее радикальные способы для проверки реальности будущего. Он мог бы вырвать глаз, отрезать руку, сделать татуировку на лице, всё, что заставит его выглядеть иначе, чем он выглядел в чужих видениях.

Но нет. Это может не сработать.

Не сработать, потому что ни одна из этих вещей не *была* постоянной. Татуировка может быть удалена, рука - заменена протезом, в пустую глазницу может быть вставлен стеклянный глаз.

Нет, у него не может быть стеклянного глаза; в его видении проклятого ресторана он имел нормальное стереоскопическое зрение. Таким образом, вырывание глаза *было бы* убедительной проверкой, неизменно ли будущее.

За исключением...

За исключением постоянного прогресса в протезировании и генетике. Кто сказал, что спустя два десятилетия не будет возможности клонировать себе новый глаз или новую руку? И кто сказал, что он откажется от этого, от шанса преодолеть увечье, вызванное необдуманном поступком в юности?

Его брат Тэо отчаянно хотел верить, что будущее не неизменно. Но коллега Тэо - тот высокий парень, канадец - как же его звали? Симко, вот как. Симко утверждал совер-

шенно противоположное, Дим видел его по телевизору, рассказывающего свою версию про будущее, высеченное на камне.

И если будущее *было* высечено на камне – если Дим никогда не добьется успеха, как писатель, – тогда ему действительно незачем жить. Слова были его единственной любовью, его единственной страстью и, если честно, его единственным талантом. Он был отвратителен в математике (как тяжело было учиться после Тэо в той же школе, с учителями, ожидающими, что он разделит талант старшего брата!), он не мог заниматься спортом, не мог петь, не мог рисовать, компьютеры отвергали его.

Конечно, если он действительно станет жалок в будущем, он мог бы убить себя тогда.

Но очевидно он не убил.

Конечно, нет. Дни и недели ускользают быстро; человек может и не заметить, что его жизнь не движется вперед, не прогрессирует, не становится такой, какой ты всегда мечтал.

Нет, всё легко могло закончиться именно *так* - пустой жизнью, что он видел в своём видении, - если позволить этому подкрасться незаметно, одному скучному дню за другим.

Но ему был дан дар, прозрение. Тот парень, Симко, говорил о жизни, как об уже снятом фильме. Но киномеханик зарядил не ту катушку в проектор, и прошло две минуты, прежде чем он понял свою ошибку. Произошла смена кадра, резкий переход от сегодняшнего дня к далёкому завтра, а потом обратно. Такая точка зрения *отличалась* от той, где жизнь разворачивается кадр за кадром. Теперь он смог понять, с ясностью, что предстоящая жизнь не была той, какой он хотел, что, по большому счёту, раз он подавал мусаку и запекал саганаки, то уже был мёртв.

Дим снова посмотрел на пузырёк с таблетками. Да, все остальные по всему миру, несомненно, размышляли о своём будущем, желали знать, если известно, что несёт будущее, стоит ли жить дальше.

Если даже кто-то один из них - он или она, действительно отнимет свою жизнь - это однозначно докажет изменимость будущего. Несомненно, эта мысль также посетит других. Несомненно, многие подождут, пока кто-нибудь другой не сделает это первым, подождут сообщений, которые обязательно наводнят сеть: "Человек, виденный другими в 2030 году, найден мёртвым". "Самоубийство доказывает, что будущее меняется".

Дим снова взял пластиковый пузырёк янтарного цвета, покатал его вперед-назад, слушая, как внутри таблетки стучат друг о друга.

Было так легко снять крышку, сдвинуть её ладонью – он так и сделал – и повернуть, ломая защитный механизм, позволяя таблеткам высыпаться.

Ему стало интересно, какого они цвета. Потрясающе, он думал отнять у себя жизнь и до сих пор не имел понятия, какой цвет у возможного инструмента его кончины. Он снял крышку. Там было немного ваты, недостаточно, чтобы удержать таблетки неподвижно. Он вытащил прокладку наружу.

Чтоб меня...

Таблетки были зелёными. Кто бы мог подумать? Зеленые таблетки; зеленая смерть.

Наклонив пузырёк, он постучал по дну, пока оттуда в его ладонь не выкатилась таблетка. На ней была черта посередине, вдоль которой таблетка, по-видимому, раскололась бы на две части под давлением ногтя большого пальца - для меньшей дозы.

Но ему не нужна была маленькая доза.

В руке у него была бутылка с водой; он раздобыл воду без газа - в противоположность своим обыкновенным предпочтениям - чтобы углекислый газ не мешал действию с таблетками. Он закинул таблетку в рот. Он ожидал почувствовать вкус лайма или мяты, но таблетка оказалась безвкусной. Ее покрывала тонкая оболочка - такая же, как и у таблетки аспирина. Подняв бутылку с водой, он сделал большой глоток. Слой жидкости, об-

волакивающий таблетку, проделал свою работу; таблетка плавно скользнула вниз по горлу.

Он снова наклонил пузырек, вытряс оттуда еще тройку зеленых таблеток, закинул все в рот, сопроводив большим глотком минеральной воды.

Всего четыре; максимальная доза для взрослого, помеченная на упаковке, составляла две таблетки. Там же было и предостережение: избегать повторного использования в последующие ночи.

Эти три таблетки достаточно легко прошли внутрь после одного глотка. Он положил в ладонь еще тройку, забросил их в рот и сделал еще глоток воды.

Семь. Счастливое число, да. Так о нём говорится.

Действительно ли он хотел это сделать? Время остановиться еще было. Он мог позвонить в скорую, мог сунуть палец в горло.

Или...

Или мог подумать об этом еще. Дать себе несколько дополнительных минут.

Семь таблеток, возможно, не нанесут серьезного вреда. Конечно, нет. Несомненно, подобная незначительная передозировка случалась не раз. Интернет-сайт сообщил, что ему нужно как минимум еще десять...

Он высыпал еще несколько таблеток в ладонь и внимательно рассмотрел их, кучку маленьких зеленых камешков.

20

День девятый: среда, 29 апреля 2009 года

- Я хочу тебе кое-что показать, - сказала Карли.

Джейк улыбнулся и жестом руки попросил ее продолжить. Сейчас они находились в TRIUMF, канадской ведущей лаборатории в области физики элементарных частиц.

Она пошла вдоль коридора, Джейк - следом. Они миновали двери с табличками-указателями научных областей. Также обогнали несколько человек с цилиндрическими дозиметрами, которые и служили той же цели, но выглядели не так, как пленочные, с которыми все щеголяли в ЦЕРН.

Наконец-то, Карли остановилась. Она стояла перед дверью. С одной стороны от нее находился скрученный пожарный рукав за стеклом, с другой - фонтанчик для питья. Карли постучала костяшками пальцев в дверь. Никто не ответил, поэтому она повернула ручку и открыла дверь. Она вошла и поманила Джейка за собой пальцем и улыбкой. Он подчинился и как только вошел внутрь, Карли закрыла за ним дверь.

- Ну? - сказала она.

Джейк в беспомощности приподнял плечи.

- Ты узнаешь? - спросила Карли.

Джейк посмотрел вокруг. Это была огромная лаборатория с бежевыми стенами и...

... о, Боже! ...

Да, сейчас стены были бежевыми, но когда-нибудь в следующие двадцать лет их перекрасят в желтый.

Это была комната из видения. Там висела периодическая таблица элементов, прямо как и сейчас. И это рабочее место прямо там... то самое, на котором они занимались этим.

Джейк почувствовал, как его лицо начало краснеть.

- Какой порядок, а? - произнесла Карли.

- Это она, - сказал Джейк.

Конечно же, они не могли официально отметить открытие комнаты прямо сейчас. Была середина рабочего дня...

Но его видение... так, если расчетное время было точным, тогда было 19:21 в Женеве, что означало что? – 14:21 дня в Нью-Йорке, и ... ну-ка посмотрим – 11:21 утра здесь в Ванкувере. Одиннадцать часов двадцать одна минута утра... в *среду*. Несомненно, в TRIUMF тогда тоже будет рабочий день. Но как же им удалось заняться любовью в это время в будний день? Да, несомненно, сексуальные нравы продолжили бы падать в следующие двадцать лет, также как упали за последние пятьдесят, и наверняка, даже в отдаленный 2030 год н.э. ты не избежал бы перерыва на секс со своей любимой во время работы. Но, может быть, 23 октября был праздничным днем, может быть, никто не работал. Джейк смутно припоминал, что День Благодарения в Канаде отмечается где-то в октябре.

Он ходил по комнате, сравнивая действующую реальность с тем, что было в видении. Там находился аварийный душ, вполне обычное явление для лабораторий, где используются химикаты, и несколько ящиков с необходимым оборудованием, и небольшая компьютерная станция. Персональный компьютер на том же самом месте, что и в видении, но намного отличающаяся модель, разумеется. А рядом с ним...

Рядом с ним находилась установка в виде куба, размером около полуметра в ширину, с двумя пластинками, идущими вверх из середины и обращенными друг к другу лицевыми сторонами.

- Та штука, что была там, - сказал Джейк. - Я имею в виду, та штука, что *будет* там. Есть идея, что это?

- Может быть Тахионно-Тардионный Коллайдер?

Джейк приподнял брови. "Мог бы..."

Дверь лаборатории распахнулась, и в комнату прошел канадец. "О, извините, - произнес он. - Не хотел вам помешать".

- Совсем нет, - сказала Карли. Она улыбнулась Джейку. - Мы зайдем позже.

- Хочешь доказательств? – спросила Мичико. - Хочешь узнать наверняка, должны ли мы пожениться? Есть один способ получить их.

Ллойд был один в своём кабинете в ЦЕРН, изучая серию распечаток прошлогодних прогонов БАК номиналом в 14 ТэВ в поисках любых признаков нестабильности, предшествующих прогону в 1150 ТэВ, вызвавшему смещение времени. Мичико только что зашла, и это были её первые слова.

Ллойд посмотрел на неё, подняв брови: "Способ получить доказательства? Как?"

- Повтори эксперимент. Узнаешь, можно ли получить те же результаты.

- Мы не можем сделать это, – ошеломлённо сказал Ллойд. Он подумал обо всех тех людях, что умерли в прошлый раз. Ллойд никогда не верил в философию "есть вещи, которые человечеству не положено знать", но если и был опыт, который не должен повторяться, несомненно, это был он.

- Конечно, тебе надо будет объявить заранее о новой попытке, – сказала Мичико. - Предупредить всех, убедиться, что никто не летит, не ведёт машину, не плывёт и не находится на лестнице. Убедиться, что вся человеческая раса сидит или лежит, когда это произойдёт".

- Это невозможно.

- Конечно, можно, – сказала она. – CNN, NHK, BBC, CBC.

- В мире есть места, где до сих пор нет телевидения или даже радио, если на то пошло. Мы не сможем предупредить каждого.

- *Нелегко* будет предупредить каждого, – сказала Мичико. – но это можно будет сделать, определённо с девяносто девятью процентной результативностью.

Ллойд нахмурился. "Девяносто девять процентов, да? Есть семь миллиардов людей. Если мы пропустим всего один процент, семьдесят миллионов людей останутся не предупрежденными".

- Мы сможем добиться большего. Я уверена, что сможем. Мы могли бы снизить это число до нескольких сотен тысяч, кто не получит сообщения, но признай, в любом случае эти несколько сотен тысяч будут в нетехнологических районах. Никаких шансов, что они будут вести машину или лететь на самолёте.

- Они могут быть съедены животными.

Мичико запнулась. "Могут быть? Интересная мысль. Полагаю, животные не теряли сознания при Скачке во времени, так?"

Ллойд почесал голову. "Мы определённо не видели, чтобы земля была усеяна мёртвыми птицами, упавшими с неба. И согласно выпускам новостей никто не находил жирафов, сломавших ноги при падении. Феномен, кажется, связан с сознанием; я читал в *Трибьюн*, что шимпанзе и гориллы, которых спрашивали на языке жестов, рассказывали о некоем воздействии – многие говорили, что были в других местах, – но им не хватило словарного запаса и психологических критериев, чтобы подтвердить или опровергнуть то, что они действительно видели своё собственное будущее".

- Это неважно. Большинство диких животных всё равно не будут есть добычу, находящуюся без сознания; они будут думать, она мертва, а естественный отбор давно устранил питание падалью у большинства жизненных форм. Нет, я уверена, мы сможем сообщить почти каждому, а те несколько, кому не сообщим, маловероятно окажутся в какой-то опасной ситуации.

- Всё это замечательно, – сказал Ллойд, – Но мы не можем просто объявить о том, что собираемся повторить эксперимент. Французские или швейцарские власти остановят нас, если не кто-то ещё.

- Нет, если у нас будет их разрешение. Нет, если у нас будет всеобщее разрешение.

- О, перестань! Учёные ещё могут заинтересоваться, можно ли повторить результат, но почему другим будет не всё равно? Почему весь мир даст разрешение, если, конечно, не захотят повторения, чтобы выяснить, виновен ли я или ЦЕРН.

Мичико моргнула. "Ты не думаешь, Ллойд. *Все* хотят ещё раз бросить взгляд на будущее. Едва ли мы одни остались с не сходящимися концами после первых видений. Люди хотят знать больше о том, что содержит будущее. Если ты скажешь им, что дашь возможность увидеть будущее, никто не будет стоять у тебя на пути. Наоборот, они горы свернут, чтобы это стало возможным.

Ллойд помолчал, переваривая это. "Ты так думаешь? – наконец, сказал он. - Мне думается, что будет большое сопротивление".

- Нет, всем любопытно. Разве *ты* не хочешь узнать, кто была та женщина? – Она остановилась. - Разве ты не хочешь узнать, кто отец моего ребёнка? Кроме того, если ты не прав в неизменности будущего, тогда мы можем увидеть совершенно другое будущее, то, в котором Тэо не умирает. Или мы увидим другое время, может быть, пять лет спустя или пятьдесят. Но смысл в том, что нет такого человека на планете, кто не хотел бы ещё одного видения.

- Я не знаю, – сказал Ллойд.

- Ну, тогда посмотри на это вот так: ты терзаешь себя из-за чувства вины. Если ты попробуешь воспроизвести Скачок во времени и потерпишь неудачу, тогда окажется, что БАК здесь не причём. И тогда ты можешь успокоиться.

- Может быть, ты права, – сказал Ллойд. - Но как мы получим разрешение на повторение эксперимента? Кто может дать такое разрешение?

Мичико пожала плечами. "Ближайший город – это Женева, – сказала она. - Чем он больше всего знаменит?"

Ллойд нахмурился, перебирая все подходящие ответы. И он нашёл его: Лига Наций, предшественник ООН, была основана там в 1920 году. "Ты предлагаешь отправиться в Организацию Объединённых Наций?"

- Конечно. Ты можешь поехать в Нью-Йорк и представить свои доводы.
- ООН может ни с чем не согласиться, – сказал Ллойд.
- Они согласятся с этим, – сказала Мичико. - Это слишком соблазнительно, чтобы отвергнуть.

Тэо поговорил с родителями и их соседями, но никому из них не были известны четкие подробности его будущей смерти. И так он успел на рейс *Олимпик Эирлайнс 7117* до Международного Аэропорта Женевы *Коинтрин*. Франко де ла Роббиа отвез его до самолета и теперь Тэо взял такси - по большой цене в тридцать швейцарских франков - до студенческого городка. Поскольку в самолете не кормили, он решил отправиться в кафетерий центра управления БАК, чтобы перекусить. Когда он вошел, то к своему удивлению обнаружил Мичико Комуру, сидевшую за столиком у стены. Тэо взял себе бутылочку апельсинового сока и заказал колбасы "*лонжоль*", и направился прямо к ней, минуя несколько групп физиков, которые ели и обсуждали возможные теории для объяснения Скачка в будущее. Теперь он понял, почему Мичико была одна; последнее, что она хотела - это размышлять о том, что за происшествие послужило причиной смерти ее дочери.

- Привет, Мичико, - сказал Тэо.

Она подняла глаза: "О, здравствуй, Тэо. С возвращением".

- Спасибо. Не возражаешь, если я присоединюсь?

Она указала рукой на свободное место напротив нее. "Как прошла поездка?" - спросила она.

- Я немного узнал. - Он думал ничего не рассказывать в дальнейшем, но, ведь она сама *спросила*. - Мой брат Димитрий... он говорит, что видения разрушили его мечту. Он хочет быть великим писателем, но не похоже, что у него когда-либо получится.

- Это грустно, - сказала Мичико.

- Как у тебя дела? - спросил Тэо. - Как ты держишься?

Мичико чуть-чуть развела руками, как будто не существовало легкого ответа. "Я продолжаю жить. Буквально живу те несколько минут, когда не думаю о том, что произошло с Тамико".

- Извини, - сказал Тэо уже в сотый раз. Они надолго замолчали. - А в остальном как?

- Хорошо.

- Просто хорошо?

Мичико ела пирог с начинкой из сыра *Бле де Жекс*. Также у нее оставалось полчашки чая; она сделала глоток, собираясь с мыслями. "Я не знаю. Ллойд - он не уверен, что хочет свадьбы".

- Правда? Бог мой.

Она оглянулась, проверяя, насколько они уединены; ближайший человек, сидящий через четыре столика, очевидно, был погружен в чтение со своего карманного компьютера. Она вздохнула, затем слегка пожала плечами. "Я люблю Ллойда... и знаю, он любит меня. Но его не покидают сомнения, что наш брак лишен будущего".

Тэо поднял брови. "Хорошо, он вырос в неполной семье. Очевидно, развод был весьма неприятный".

Мичико кивнула. "Я знаю, я пытаюсь понять. На самом деле, пытаюсь. - Она помолчала. - Какой был брак у твоих родителей?"

Тэо удивился такому вопросу. Он нахмурился, как будто обдумывал это. "Прекрасный, я полагаю; кажется, они все еще счастливы. Отец всегда был очень сдержанным, но мама никогда, казалось, не возражала".

- Мой отец умер, - сказала Мичико. - Но я думаю, он был типичным японцем своего поколения. Державший все в себе, и его работа была всей его жизнью. - Она помолчала. - Сердечный приступ, сорок семь лет. Когда мне было двадцать два".

Тэо искал правильные слова. "Я уверен, он очень бы гордился тобой, если был бы жив и видел, какой ты стала".

Данное высказывание показалось Мичико искренним, а не банальным. "Возможно. В его традиционном представлении, женщины не гонятся за карьерой в инженерии".

Тэо нахмурился. Он, на самом деле, многого не знал о японской культуре. В Японии проводились конференции, где он мог бы принять участие, но, несмотря на то, что он объездил всю Европу, и один раз побывал в Америке, и, будучи подростком, посетил Гонконг, его никогда не тянуло в Японию. Но Мичико была так очаровательна - каждый ее жест, каждое выражение, манера говорить, ее улыбка и то, как она хмурила свой носик и идеальные высокие нотки ее смеха. И как он мог быть заворочен ей и не восхищаться ее культурой? Не следовало ли ему захотеть узнать, каким является ее народ, что собой представляет ее страна, каждую толику испытаний, что сформировали ее как личность?

Или следовало бы быть честным? Признать правду, что его интерес к ней имеет чисто сексуальный характер? Мичико, безусловно, была красавицей... но в ЦЕРН работали тысячи людей, и половина из них - женщины; Мичико явно была не самой красивой из них.

И все же в ней *было* что-то... что-то экзотическое. Ну и, конечно, ей, очевидно, нравились белые парни...

Нет, не то. Не это делало ее обворожительной. Ни сейчас, когда он поддался этому; ни тогда, когда он смотрел на это ясно, без оправданий. Самое пленительное в Мичико было то, что она выбрала Ллойда Симко, компаньона Тэо. Они оба были одиноки, оба доступны. Ллойд был на десяток лет старше Мичико, Тэо - на восемь лет младше ее.

Не то, чтобы Тэо был трудоголиком, а Ллойд останавливался вдохнуть запах роз. Тэо частенько арендовал лодки и ходил под парусом на озере Леман; играл в крокет и бадминтон в лиге ЦЕРН; находил время, чтобы послушать джаз в женевском кабаре "Черная кошка", участвовал в постановках альтернативного театра "Л'Юсине"; и даже иногда посещал "Гранд Казино".

Но эта очаровательная, красивая, умная женщина предпочла благоразумного, тихого Ллойда.

А теперь, кажется, Ллойд не готов связать свою жизнь с ней.

Разумеется, это не было законным оправданием, чтобы хотеть ее самому. Но сердцу не прикажешь, его реакцию трудно предсказать. Он *действительно* хотел ее, и в общем, если Ллойд собирался позволить ей ускользнуть сквозь его пальцы...

- Все же, - произнес Тэо, наконец-то отвечая на комментарий Мичико о том, что ее отец не одобрил бы занятий инженерией, - Ему обязательно следовало бы признать твой ум.

Мичико пожала плечами. "Ввиду того, что это хорошо на нем отразилось, полагаю, он признал. - Она замолкла. - Но он бы ни за что не одобрил бы брак с белым".

Сердце Тэо пропустило удар... но было ли это из-за Ллойда или него самого, он не смог сказать: "О".

- Он не доверяет Западу. Я не знаю, знаешь ли ты, что в Японии среди молодежи модно носить одежду с английскими фразами. На самом деле не важно, что они говорят - главное, что они показывают объятия американской культуры. На самом деле эти слоганы весьма забавны для тех из нас, кто бегло говорит на английском. "Этим концом наверх". "Употребить до даты, указанной внизу". "Чтобы сформировать более совершенные луковичи". - Она улыбнулась той прекрасной улыбкой, когда у нее сморщен носик. - "Луковицы". До сих пор не могу остановиться от смеха, когда впервые увидела ту надпись. Но однажды, когда я вернулась домой в рубашке с английскими словами - только словами, даже

не фразами, разноцветными словами на темном фоне: "щенок", "кетчуп", "хоккейная площадка", "очень" и "цель". Папа наказал меня за то, что я ношу такую рубашку.

Тэо попытался выглядеть сочувствующее, в то время как его съедал интерес, каким было наказание. Оставили без карманных денег - или японские родители не давали детям карманные деньги? Отправили в ее комнату? Он решил не спрашивать.

- Ллойд - хороший человек, - сказал он. Слова возникли прежде, чем он о них подумал; возможно, они появились из-за некоего внутреннего чувства "честной игры", которое он был рад у себя обнаружить.

Мичико обдумала это, тоже; она имела привычку принимать каждое мнение и изыскивать достоверность с обратной стороны.

- О, да, - произнесла она. - Он очень хороший человек. Он беспокоится из-за этого дурацкого видения, что наш брак может оказаться не вечным. Но есть много всего в том, чтобы быть с ним, о чем, я знаю, *мне* никогда не придется волноваться. Он никогда меня не ударит, я уверена. Он никогда меня не унижит, не приведет в замешательство. А еще у него потрясающая память на подробности. Однажды я сказала ему, как зовут моих племянниц, так, мимоходом, несколько месяцев назад. Они возникли в разговоре на прошлой неделе, и он тут же назвал их имена. Поэтому я уверена, что он никогда не забудет о нашей годовщине или моем дне рождения. Я и прежде встречалась с мужчинами - двумя японцами и иностранцем - но ни в одном из них я не была так уверена, что он всегда будет добрым и нежным.

Тэо почувствовал дискомфорт. Он и про себя думал, что он тоже хороший и никогда не поднимет руку на женщину. Но, все же, у него *был* характер отца, в споре, если сказать по правде, он мог наговорить таких вещей, которые причинят много боли. И, безусловно, однажды, кто-то так его возненавидит, что захочет убить. Мог ли Ллойд - хороший Ллойд - когда-либо пробудить подобные чувства по отношению к другому человеку?

Он слегка встряхнул головой, отгоняя эти мысли. "Ты сделала хороший выбор", - сказал он.

Мичико опустила голову, принимая комплимент. А затем добавила: "И Ллойд тоже.- Тэо был удивлен; быть нескромной - так не похоже на Мичико. Но следующие ее слова, прояснили то, что она имела в виду. - Он бы не смог выбрать лучшего претендента в шаферы".

- *Я бы не был так в этом уверен*, - подумал Тэо, но вслух этого не сказал.

Он не мог преследовать Мичико, разумеется. Она была невестой Ллойда.

И к тому же...

К тому же, это были не ее прекрасные, очаровательные японские глаза.

Даже не зависть или обаяние, обусловленное ее предпочтением Ллойда вместо него.

Глубоко внутри, он знал настоящую причину своего внезапного интереса к ней. Конечно же, он знал ее. Он посчитал, что если начнет некую безумную новую жизнь, возьмет крутой поворот налево, совершит полностью непредсказуемый ход, как например побег и женитьба на невесте родителей, то каким-нибудь образом, судьба протянет ему свой перст, радикально изменит его будущее так, что он никогда не закончит, смотря в дуло заряженного пистолета.

Мичико была невероятно умна и очень красива. Но он не мог ее преследовать, это было бы большим безумством.

Тэо был удивлен, когда раздался радостным смехом... в некотором роде, это *было* забавно. Может быть, Ллойд был прав - может быть вся вселенная была цельным блоком с неизменяемым временем. О, Тэо думал совершить нечто дикое и безумное, а потом, после того, как тщательно все пересмотрел, взвесил варианты и подверг сомнению свои собственные мотивы, пришел к тому, что должен делать то, что следует, чтобы проблема никогда не возникла.

Картина его жизни продолжила раскрываться, кадр за уже отснятым кадром.

21

Мичико и Ллойд не планировали съезжаться вместе до свадьбы, но со времени смерти Тамико, за исключением времени проведенного в Токио, Мичико каждую ночь оставалась у Ллойда. С момента Скачка в будущее восемь, дней назад, она была дома всего несколько раз. Все, что она там видела, приводило ее к слезам: ботиночки Тамико на коврик возле двери; ее кукла Барби, высоко сидящая на одном из кресел в гостиной (Тамико всегда оставляла Барби так, чтобы ей было удобно сидеть); ее красочные рисунки, прикрепленные магнитами к двери холодильника; даже то место на стене, где Тамико написала свое имя волшебным фломастером, а Мичико, так и не смогла смыть.

Поэтому они и оставались у Ллойда, избегая воспоминаний.

Но, все же, Мичико частенько отключалась, всматриваясь в пустоту.

У Ллойда сил не хватало видеть ее в таком грустном состоянии, но он ничего не мог поделать. Она горевала... что ж, возможно это продолжится вечно.

И кончено же, он не был невеждой; он прочел множество статей по психологии и отношениям, и даже видел подобное в программах *Опры* и *Жизель*. Он знал, что ему не следовало говорить этого, но иногда слова сами просто появляются, выпрыгивают наружу, произносятся без всяких мыслей. Все, что он пытался сделать - это разрушить тишину между ним самим и Мичико.

- Знаешь, - сказал он, - У тебя будет еще одна дочь. В твоём видении.

Но она, молча, взглянула на него.

Она не произнесла и слова, но он смог прочесть это в ее глазах. Невозможно заменить одного ребенка другим. Каждый ребенок - особенный.

Ллойд это знал; несмотря на то, что он – пока - не стал родителем, он это знал. Много лет назад, он видел старый фильм с Микки Руни, который назывался "*Человеческая комедия*", но он был совсем не смешным, и, в конце концов, Ллойд подумал, что и не слишком человечным тоже. Руни играл американского солдата Второй Мировой Войны, которого отправили за границу. Отсутствие собственной семьи ему замещала связь с людьми, которые сражались за возвращение на родину, через письма его соседа по койке, присылаемые его семьей. Руни узнал их всех - брата парня, его мать, любимую в Штатах - через письма, которыми тот делился с Руни. А когда тот человек погиб в бою, Руни приехал в родной город парня вернуть его личные вещи. Он столкнулся с его младшим братом за пределами семейной фермы, и это было похоже на то, будто бы, Руни знал его всю свою жизнь. В последствие младший брат отправляется в дом и выкрикивает: "Мам, солдат вернулся!"

А потом пошли титры.

И зрителю осталось только предположить, что Руни каким-то образом заменит покойного сына женщины, застреленного во Франции.

Это было обманом; даже будучи подростком - ему было наверно шестнадцать, когда он увидел этот фильм по телевизору - он знал, что это было обманом, знал, что ни один человек на свете никогда не сможет заменить другого.

И теперь, по глупости, на один незначительный момент, он предположил, что будущая дочь Мичико может каким-то образом выместить из ее сердца умершую беднягу Тамико.

- Извини, - сказал он.

Мичико не улыбнулась, но кивнула головой, почти незаметно.

Ллойд не знал, подходящий ли это был момент - всю свою жизнь он мучился от того, что не обладал способностью чувствовать, когда настает подходящий момент: подходящий момент проводить девочку до школы, подходящий момент попросить повышения зарплаты, подходящий момент вмешаться в разговор двух людей на вечеринке, чтобы представиться, подходящий момент, чтобы извиниться, когда другим людям очевидно требовалось побыть одним. У некоторых людей это чувство было врожденным, но не у Ллойда.

И все же...

И все же вопрос должен *был* быть решен.

Мир стряхнул с себя пыль; люди продолжили жить своими жизнями. Да, многие ходили на костылях; да, многие страховые компании уже объявили о банкротстве; да, до сих пор не было известно точное число умерших. Но жизнь должна была продолжаться, и люди шли на работу, шли домой, ели, смотрели кино и пробовали повысить вероятность своего успеха.

- Насчет свадьбы... - произнес он, замирая, позволяя словам распространиться между ними.

- Да?

Ллойд выдохнул. "Я не знаю, кто эта женщина - женщина из моего видения. Понятия не имею кто она такая".

- И поэтому ты думаешь, что она может быть лучше, чем я, да?

- Нет, нет, нет. Конечно же, нет. Просто... Просто...

Он замолчал. Но Мичико знала его слишком хорошо. "Ты думаешь о том, что на планете семь миллиардов человек, да? И то, что мы вообще встретились - просто счастливый случай".

Ллойд кивнул: виновен по всем пунктам.

- Возможно, - сказала Мичико. - Но когда оцениваешь шансы *на* нашу встречу, я думаю, это больше, чем случай. Не то, что ты влюбился в меня или я в тебя. Ты жил в Чикаго, я - в Токио. А вместе мы оказались здесь, на Швейцарско-Французской границе. Так это случайный шанс или судьба?

- Я не уверен, что ты можешь верить в судьбу, пока в то же самое время веришь в свободу воли, - мягко сказал Ллойд.

- Полагаю, нет. - Она опустила глаза. - И все же, может быть, ты не совсем готов к браку. Множество моих друзей, женились довольно поздно потому, что считали, что это был их последний шанс. Знаешь: они достигали определенного возраста и понимали, если бы они вскоре не женились, то уже никогда бы этого не сделали. И если твое видение что-то и продемонстрировало, так это то, что я *не* являюсь твоим последним шансом. Полагаю, это ослабляет давление, так ведь? Больше не стоит так быстро передвигаться.

- Это не так, - произнес Ллойд, но его голос дрожал.

- Разве? - сказала Мичико. - Тогда соберись с мыслями, прямо сейчас. Прими решение. Мы поженимся?

Мичико была права, Ллойд знал. Его вера в неизменность будущего помогла смягчить чувство вины за то, что произошло... но, все же, это было положение, которое он всегда принимал как физик: пространство-время есть неизменяемый куб Минковского. Что же было делать с тем, что он уже натворил: будущее было также неизгладимо, как и прошлое.

Насколько им было известно, никто не описал в своих видениях, что Мичико Комура и Ллойд Симко были когда-либо женаты; никто не сообщил, что находился в комнате со свадебными фотографиями в дорогой рамке, на которых были изображены высокий человек европейской внешности и голубоглазая и красивая, невысокого роста, молодая азиатская женщина.

Да, что бы он ни сказал сейчас, это всегда было сказанным, и всегда будет сказанным. Но у него не было никаких догадок, какой ответ пространство-время содержит в себе. Его решение, прямо сейчас, в этот момент, на этом отрезке, на этой странице, в этом кадре фильма, было нераскрыто, неизвестно. Не становилось легче озвучить его – что бы это ни было, оно должно вылететь у него изо рта – даже зная неизбежность того, что он скажет/ сказал.

- Ну? – спросила Мичико. - Что с нами будет?

Тэо был ещё на работе, поздно вечером, прогоняя очередную симуляцию его с Ллойдом эксперимента на БАК, когда ему позвонили.

Димитрий был мёртв.

Его младший брат. Мёртв. Покончил с собой.

Он боролся с запоздалыми слезами, боролся с запоздалым гневом.

Воспоминания о Диме пробежали у Тэо в голове. Моменты, когда он был добр к нему, будучи ребёнком, и моменты, когда, когда он был жесток. И как все в их семье испугались годы назад, когда они поехали в Гонконг, и Дим потерялся. Тэо был рад, как никогда, увидев маленького Дима, сидящего на плече полицейского, который шёл к ним через многолюдную улицу.

Но теперь, теперь он был мёртв. Тэо предстояла ещё одна поездка в Афины на похороны.

Он не знал, как себя чувствовать.

Часть его – очень большая – была невероятно опечалена смертью брата.

И часть...

Часть ликовала.

Конечно, не из-за того, что Дим *был* мёртв.

А из-за факта, что его смерть всё *изменила*.

Потому что Димитрий испытал видение, видение подтверждалось другими людьми, но чтобы иметь видение, он должен быть жив спустя двадцать один год.

Но если он мёртв здесь, сейчас, в 2009 году, то он никак не может быть жив в 2030 году.

Таким образом, блочная вселенная разрушена. То, что видели люди, могло бы, в самом деле, составлять согласованную картину будущего... но это было только одно возможное будущее, и раз это будущее включило в себя Димитрия Прокопидеса, то оно было больше невозможным.

Теория хаоса утверждает, маленькие изменения в начальных условиях должны со временем иметь большое влияние. Несомненно, мир 2030 года теперь не мог оказаться таким, каким был изображён в миллиардах коротких отрывках, что уже видели люди.

Тэо ходил взад и вперёд по залам центра управления БАК: мимо большой мозаики, мимо плиты с полным первоначальным названием института, мимо кабинетов, лабораторий и туалетов.

Если будущее было теперь неопределенно – однозначно, *не* могло оказаться в точности таким, как показывали видения – то, возможно, Тэо мог бы прекратить свои поиски. Да, в ранее возможном будущем, кто-то посчитал нужным его убить. Но так многое могло измениться за следующие два десятилетия, несомненно, подобный исход не повторится снова. Действительно, он мог бы никогда не познакомиться с человеком, который должен его убить, никогда даже не встретить, кем бы тот человек ни был. Или, например, тот человек мог бы сам умереть до 2030 года. В любом случае убийство Тэо вряд ли было неизбежным.

И всё-таки...

Всё-таки оно могло ещё произойти. Непременно некоторые вещи окажутся такими, как показали видения. Те, кто не должен был умереть неестественной смертью, могли бы

прожить тот же срок; те, кто имел надёжное рабочее место, могли бы также держаться за него; у тех браков, что были хорошими, прочными и преданными, не было причин не продолжаться дальше.

Нет.

Хватит сомнений, хватит тратить время.

Тэо решил продолжать жить, отказаться от дурацких поисков, смело встретить завтрашний день, что бы он ни принёс, с поднятой головой. Конечно, ему надо быть осторожным – он определённо не хотел, чтоб одной из точек совпадения между 2030 годом из видений и 2030 годом грядущим была его собственная смерть. Но он мог бы продвигаться вперёд, пытаясь преуспеть за то время, что у него есть.

Если бы только Димитрий захотел сделать то же.

Прогулка привела его обратно в кабинет. Был кое-кто, кому он должен позвонить; тот, кому надо это услышать впервые от друга, прежде чем это бросят ему в лицо СМИ по всему миру.

Слова Мичико повисли между ними: "Что с нами будет?"

Пора, понял Ллойд. Время высветиться надлежащему кадру; момент истины, мгновение пространства-времени, в котором решение уже было записано и должно быть раскрыто. Он посмотрел Мичико в глаза, открыл свой рот и...

Дзынь! Дзынь!

Ллойд с проклятьем взглянул на телефон. Определитель номера показывал: "ЦЕРН БАК". Никто не стал бы звонить так поздно, кроме как по крайней необходимости. Он поднял трубку. "Алло?"

- Ллойд, это Тэо.

Он хотел сказать, что сейчас неподходящее время, попросить перезвонить позже, но прежде, чем он смог это сделать, Тэо его опередил.

- Ллойд, мне только что позвонили. Мой брат Димитрий мёртв.

- Боже мой, – сказал Ллойд. - Боже мой.

- Что случилось? – обеспокоенно спросила Мичико, широко раскрыв глаза.

Ллойд прикрыл микрофон. "Брат Тэо мёртв".

Мичико поднесла руку ко рту.

- Он убил себя, – сказал Тэо по телефону. - Передозировка снотворного.

- Мне так жаль, Тэо, – сказал Ллойд. - Могу я... могу я что-нибудь сделать?

- Нет. Нет. Ничего. Я подумал, тебе надо узнать это прямо сейчас.

Ллойд не понимал, что Тэо имел в виду. "Ага, спасибо", – сказал он с нотками замешательства в голосе.

- Ллойд, у Димитрия было видение.

- Что? О. - И после длинной паузы. - О.

- Он сам рассказал мне об этом.

- Он, должно быть, выдумал его.

- Ллойд, это мой *брат*; он не выдумывал его.

- Но не может быть...

- Ты знаешь, он не единственный такой; были также и другие сообщения. Но это... это было подтверждено. Он работал в ресторане в Греции; парень, что управляет рестораном в 2030 году, делает то же сейчас в 2009 году. Он видел Дима в своём видении, и Дим видел парня. Когда это покажут по телевизору...

Я... а, чёрт, – сказал Ллойд. Его сердце колотилось. - Чёрт.

- Извини, – сказал Тэо. - У прессы будет возможность порезвиться. – Он помолчал. - Как я и сказал, я подумал, ты должен знать.

Ллойд пытался успокоиться. Как он мог так ошибаться? "Спасибо, – произнёс он, наконец. А потом. - Слушай, это неважно. Как ты сам? Всё нормально?"

- Со мной всё будет хорошо.
- Если ты не хочешь быть один, Мичико и я можем подъехать.
- Нет, не надо. Франко де ля Роббия всё ещё в ЦЕРН; я побуду с ним.
- Ладно, – сказал Ллойд. - Ладно. - Ещё одна пауза. - Слушай, мне надо...
- Я знаю, – сказал Тэо. - Пока.
- Пока.

Ллойд вернул трубку на место.

Он никогда не встречал Димитрия Прокопидеса; более того, Тэо не очень часто говорил о нём. Ничего удивительного; Ллойд тоже редко упоминал свою сестру Долли на работе. Если на то пошло, это была всего лишь ещё одна смерть в неделе бесчисленных смертей, но...

- Бедный Тэо, – сказала Мичико. Она мягко покачала головой вперёд и назад. - И его брат – бедный парень.

Он посмотрел на неё. Она потеряла дочь, но сейчас, в этот момент, она нашла в своём сердце место, чтобы горевать о незнакомом человеке. Сердце Ллойда все ещё стремительно билось. Слова, которые он собирался произнести перед телефонным звонком, отдавались эхом в его голове. Что он думал теперь? Что он хотел оставаться свободным? Что он был не готов остепениться? Что ему надо узнать ту белую женщину, найти её, встретиться с ней, сделать рассудительный и взвешенный выбор между ней и Мичико?

Нет.

Нет, это было не то. И не могло быть.

То, что он думал, было: "Я идиот".

И то, что он думал, было: "Она невероятно терпелива".

И ещё то, что он думал, было: "Может предупреждение, что брак может не продолжаться сам по себе, было самой лучшей вещью, которая могла случиться". Как все пары, они предполагали, это будет, пока смерть не разлучит их. Но теперь он узнал, в тот день, таким способом, как никто другой, даже не таким, как узнают те, кто был из неполной семьи, подобно ему, что брак *необязательно* вечен. Он был постоянен, только если неусыпно бороться, биться и трудиться каждый момент жизни, чтобы сделать его постоянным. Он знал, что если собирается жениться, то это должно стать для него приоритетным. Не его карьера, не проклятая неуловимая Нобелевская премия, не публикации, не гранты.

Она.

Мичико.

Мичико Комуро.

Или... Мичико Симко.

Когда он был подростком, в 1970-ых годах, казалось, женщины навсегда откажутся от такой глупости, как взятие чужой фамилии. Но до сих пор многие *брали* фамилию мужа; они уже обсуждали это, и Мичико сказала, что это было, на самом деле, её желание взять его фамилию. Конечно, "Симко" было далеко не так мелодично, как "Комуро", но это была небольшая жертва. Но нет. Нет, она не должна брать его фамилию. Как много женщин носят не свою девичью фамилию, а фамилию кого-то из их далёкого прошлого, ежедневное напоминание об ошибках юности, о несчастной любви, о мучительных временах? Так и есть, Комуро не девичья фамилия Мичико, она была Окаво; Комуро – фамилия Хироши.

Всё же она *должна* сохранить её. Она должна остаться Комуро, таким образом Ллойду будет напоминаться, день за днём, что она не была его, что он должен прикладывать все усилия в их браке, что будущее в его руках.

Он посмотрел на неё - на её безупречный цвет лица, её очаровательные глаза, её такие тёмные волосы.

Все эти вещи изменятся со временем, конечно. Но он хотел быть при этом рядом, наслаждаться каждым моментом, получать удовольствие от всех периодов жизни с ней.

Да, с ней.

Ллойд Симко сделал то, что не сделал в первый раз – о, он думал об этом тогда, но отверг, как глупое, старомодное и необязательное.

Но это *было* то, что он хотел сделать, что ему надо было сделать.

Он опустился на одно колено.

И взял Мичико за руку.

И посмотрел в её терпеливое, очаровательное лицо.

И спросил: "Выйдешь за меня замуж?"

И время остановилось, Мичико явно была поражена.

А затем на её лице медленно появилась улыбка.

И она сказала, почти шёпотом: "Да".

Ллойд часто заморгал, его глаза увлажнились.

Будущее обещало быть великолепным.

22

Десять дней спустя: среда, 6 мая 2009 года

Гастона Беранже было легко убедить в том, что ЦЕРН следует попытаться повторить эксперимент с БАК. Но, разумеется, он чувствовал, что терять им было нечего, и они останутся в выигрыше, если попытка провалится: было бы трудно доказать ответственность ЦЕРН за нанесенный ущерб в первый раз, если вторая попытка не вызвала перемещения во времени.

И сейчас настал момент истины.

Ллойд направился к отполированному деревянному подиуму. Огромная эмблема Организации объединенных наций, изображающая земной шар с лавровым листом простиралась за ним. В воздухе было сухо; Ллойда ударило током, когда он дотронулся до металлической обшивки подиума. Он глубоко вздохнул, чтобы успокоиться. И затем наклонился к микрофону. "Я бы хотел поблагодарить..."

Он был удивлен, что его голос дрожал. Но, будь все проклято, он обращался к самым влиятельным политическим деятелям мира. Он сглотнул, затем попытался снова: "Я бы хотел поблагодарить Генерального секретаря Стивена Льюиса за позволение к вам сегодня обратиться". Не менее половины делегатов слушали переведенную речь через беспроводные наушники. "Дамы и господа, я - доктор Ллойд Симко. Я - канадец, в настоящее время проживаю во Франции и работаю в ЦЕРН, Европейском центре, занимающемся элементарными частицами. - Он сделал паузу, сглотнул. - На сегодняшний момент, без сомнения, вы все уже слышали, что, очевидно, эксперимент ЦЕРН вызвал феномен перемещения сознания. И, дамы и господа, знаю, поначалу это прозвучит безумно, но я пришел сюда попросить вас как представителей ваших правительств, разрешить повторить эксперимент".

Зал взорвался от шума - какофония языков, даже более разнообразных, чем можно услышать в разных кафетериях ЦЕРН. Конечно, всем делегатам было заранее известно, о чем приблизительно собирался говорить Ллойд. Ни один человек не выступал перед ООН без прохождения множества предварительных переговоров. Зал Генеральной Ассамблеи был похож на пещеру; его зрение, на самом деле, было не достаточно хорошим, чтобы

разглядеть множество отдельных лиц. Тем не менее, он смог увидеть гнев на лице одного из российских делегатов и нечто похожее на страх на лицах представителей Германии и Японии. Ллойд взглянул на Генерального секретаря, красивого белого мужчину семидесяти двух лет. Льюис одарил его одобряющей улыбкой, и Симко продолжил.

- Возможно, причины делать этого нет, - сказал Ллойд. - Нам кажется, у нас сейчас есть четкое доказательство, что будущее, описанное в первом комплекте видений не случится, по крайней мере, не совсем точно. Тем не менее, без сомнения, множество людей узнали свое будущее, благодаря картинам, промелькнувшим перед глазами.

Он сделал паузу.

- Я вспомнил рассказ *"Рождественская песнь"*, британского писателя Чарльза Диккенса. Главному герою - Эбинейзеру Скруджу явился дух Наступающего Рождества, который показал ему, что его поступки сделают несчастными множество других людей, да и самого его будут ненавидеть и презирать после смерти. И, разумеется, наблюдать подобное видение, было совершенно неприятно, увидев то самое, настоящее безоговорочное будущее. Но Скруджу сказали: "Нет"; то будущее, которое он видел, было лишь логической экстраполяцией его жизни, которое впоследствии только могло случиться. Он смог изменить свою жизнь и жизни окружающих его людей к лучшему; тот проблеск будущего оказался чудеснейшей вещью.

Он сделал глоток воды, и продолжил.

- Но видение Скруджа явилось в особенное время - Первый день Рождества. Не всем из нас явились существенные события; многие видели вполне банальные вещи, неопределенные до разочарования, или впрямь, почти треть из нас видели либо мечты, либо сны, либо тьму - мы спали в течение двух минут в этот момент через двадцать один год. - Он сделал паузу и дернул плечами, будто сам не знал, что надо было сделать. - Мы верим, что сможем повторить опыт с видениями; мы можем предложить всему человечеству еще одно мимолетное путешествие в будущее. - Он поднял руку. - Я знаю, что у некоторых правительств эти "озарения" вызвали недоверие, некоторые откровения были неприятны, но теперь мы знаем, что будущее не установлено, и я надеюсь, что вы позволите нам просто подарить этот дар, благо эффекта Эбинейзера человечеству еще один раз. При сотрудничестве ваших мужчин и женщин, ваших правительств, мы верим, что сможем сделать это в безопасности. Дело за вами.

Ллойд вышел через высокие стеклянные двери здания Генеральной Ассамблеи. Воздух Нью-Йорка обжег ему глаза - черт, но перед ними встала необходимость сделать что-нибудь с этим на днях; видения сказали, что к 2030 году будет еще хуже. Серое небо над головой пересекали инверсионные следы самолетов. Толпа журналистов, в общей сложности около пятидесяти человек, спешила к нему на встречу, с камерами и микрофонами, устремленными вперед.

- Доктор Симко! - крикнул один из них, белый мужчина среднего возраста. - Доктор Симко! Что произойдет, если сознание не вернется в настоящее время? Что будет, если мы все застрянем в будущем на двадцать один год вперед?

Ллойд устал. Он так не нервничал, выступая перед людьми, со времени устной защиты своей докторской диссертации. Ему просто хотелось добраться до номера в отеле, налить себе хорошего скотча и зарыться в постель.

- У нас нет причин полагать, что это может произойти, - сказал он. - Это оказалось определенно временным явлением, которое началось, когда мы начали сталкивать частицы, и закончилось - когда мы закончили.

- Что насчет тех семей тех людей, которые могут погибнуть в этот раз? Вы возьмете на себя ответственность за них?

- А как насчет тех, кто уже погиб? Не чувствуете ли вы, что должны им что-то?

- Разве это не просто некие дешевые поиски славы с вашей стороны?

Ллойд сделал глубокий вдох. Он устал, и у него ужасно болела голова. "Господа и дамы, выражу в общих чертах, вы, очевидно, привыкли брать интервью у политиков, которые не могут выглядеть не сдержанными, и поэтому вы можете себе позволить задавать им вопросы в подобных тонах. Что ж, я не политик; я, между прочим, профессор университета, и я привык к цивилизованным беседам. Если вы не сможете задавать вежливые вопросы, я закончу этот разговор.

- Но, доктор Симко, разве не правда, что все смерти и разрушения были вашей ошибкой? Не вы ли затеяли эксперимент, который вышел боком?

Ллойд сохранял ровный тон. "Люди, я не шучу. Я уже по горло сыт разоблачениями в СМИ; еще один дурацкий вопрос как этот и я ухожу.

Все замолчали. Репортеры переглянулись между собой, затем обернулись на Ллойда.

- Но все эти смерти... - начал один.

- Все, - отрезал Ллойд. - Я убираюсь отсюда. - И он пошел.

- Подождите! - крикнул один репортер, и - Стойте! - закричал другой.

Ллойд обернулся. "Только если вы будете задавать интеллигентные, цивилизованные вопросы".

После минутного колебания, чернокожая американка подняла руку, едва не кротко.

- Да? - сказал Ллойд, подняв брови.

- Доктор Симко, какое решение, по Вашему мнению, примет ООН?

Ллойд кивнул ей, подтверждая, что этот вопрос был вполне приемлемым. "Честно говоря, не уверен. Нутром я чувствую, что нам действительно стоит повторить результаты, но я - ученый, и повторение экспериментов - мои основные обязанности. Я думаю, что люди всей земли этого хотят, но соизволят ли их лидеры исполнить желания своих народов, я понятия не имею".

Тэо также приехал в Нью-Йорк, и они с Ллойдом этим вечером ужинали в дорогом буфете морепродуктов при ресторане "Амбассадор Гриль" в отеле "ООН Плаза -Парк Хайатт".

- У Мичико скоро день рождения, - сказал Тэо, раскалывая щупалец лобстера.

Ллойд кивнул. "Знаю".

- Ты собираешься устраивать ей вечеринку-сюрприз?

Ллойд сделал паузу. Спустя мгновение, произнес: "Нет".

Взгляд Тэо говорил "если бы ты ее и в правду любил, ты бы это сделал". У Ллойда не возникло желания объяснить. На самом деле, он никогда не думал об этом прежде, но это пришло неожиданно, будто бы он всегда об этом знал. Вечеринки-сюрпризы были обманом. Вы позволяете кому-то, кто вам безразличен, думать о том, что вы забыли об их дне рождения. Нарочно приводите их в уныние, заставляете чувствовать себя не нужными, заброшенными, забытыми, недооцененными. А затем вы лжете, лжете(!) им неделями до наступления значимого случая. И все это для того, чтобы в момент, когда гости кричат "Сюрприз!" человек почувствовал себя любимым.

В браке, который они с Мичико планировали, Ллойд никогда бы не сфабриковал подобную ситуацию, что бы Мичико почувствовала себя так. Она бы знала о его любви ежедневно и ежеминутно; ее доверие никогда бы не пошатнулось. Его любовь была бы ее спутницей по жизни, до ее, Мичико, самого последнего дня.

И, разумеется, он бы никогда ей не солгал, даже если это предполагалось для ее же блага.

- Ты уверен? - спросил Тэо. - Я бы с радостью помог бы с организацией.

- Нет, - ответил Ллойд, слегка встряхнув головой. Тэо был так молод, так наивен. - Нет, спасибо.

Заседания ООН продолжались. Находясь в Нью-Йорке, Тэо получил еще один ответ на запрос о своей смерти. Он уже был готов написать короткий, вежливый ответ, он уже был готов покончить со своими поисками, но, черт возьми, сообщение было слишком соблазнительным. "Поначалу я не стал с Вами связываться, - говорилось в нем, - потому что верил, что будущее неизменно, и то, что должно произойти, включая и мою роль в этом, неизбежно. Но теперь я считаю иначе, и я должен добиться Вашей помощи".

Сообщение было послано из Торонто, всего лишь в часе лета от Большого Яблока. Тэо решил направиться туда и встретиться лицом к лицу с человеком, отправившим письмо. Это был первый визит Тэо в Канаду, и он оказался не вполне готов к тому, насколько там жарко было летом. Ну, не так уж и жарко по Средиземноморским стандартам, температура здесь редко поднимается выше тридцати пяти градусов по Цельсию. Но погода его удивила.

Чтобы сэкономить на авиабилетах, Тэо пришлось остаться на ночь, а не прилететь и вылететь в один день. Поэтому ему надо было устроиться на вечер в Торонто. Его тур-агент предположил, что тому может понравиться отель в Денфорт-е. Это часть главной восточно-западной оси Торонто; там располагалось большое греческое общество Торонто. Тэо согласился, и к своему удовольствию, обнаружил, что на указателях в этой части города значились и английские и греческие буквы.

Хотя его встреча была назначена не в Денфорт-е. Скорее в Северном Йорке, этот район, очевидно, когда-то был самостоятельным городом, но его включили в состав Торонто, население которого в данный момент составляет три миллиона человек. На следующий день он поехал туда на метро. Его позабавило, что система общественного транспорта именовалась ТТС (Транзитная Система Торонто); такую же аббревиатуру несомненно можно было применить и для Тахионно-Тардионного Коллайдера, которым он, возможно, однажды будет руководить.

В вагонах метро было просторно и чисто, хотя он слышал, что они сильно переполнены в часы-пик. Его весьма потрясла одна вещь в поездке на подземке - тот отрезок пути с трудом можно было так назвать - через Дон Валлей Парквэй; здесь поезд ехал, должно быть, метрах в ста выше земли на специальных путях, подвешенных над Данфорт-ом. Вид был захватывающим - но что впечатлило еще больше, так это то, что мост через Дон Валлей был построен за десятилетия до того, как в Торонто появилась первая линия метро, и все же его построили так, чтобы в последствие приспособить две пары железнодорожных путей. Не часто можно было увидеть существующие доказательства планировки городов на далекое будущее.

Он пересел в другой поезд на станции Янг и добрался до Норф Йорк Центр. Он был удивлен, узнав, что ему не нужно выходить наружу, чтобы войти в многоквартирную башню, в которую ему сказали приехать; в нее был прямой доступ со станции. Этот же комплекс также включал книжный гипермаркет (часть сети под названием Индиго), многозальный кинотеатр, большой продуктовый магазин "Loblaws", который, похоже, специализировался на линии продуктов "Президентский Выбор". Это удивило Тэо; он ожидал, что в этой стране это будет Выбор Премьер-министра.

Он представился консьержу, который направил его через мраморный холл к лифтам, и поднялся на 35 этаж. Там он легко нашел квартиру, которую искал, и постучал в дверь.

Открылась дверь, показывая пожилого азиата. "Здравствуйте", - сказал он на совершенном английском.

- Здравствуйте, мистер Ченг, - сказал Тэо. - Спасибо, что согласились со мной встретиться.

- Пройдете внутрь?

Человек, которому должно быть уже за шестьдесят, отодвинулся, позволяя Тэо пройти. Тэо снял ботинки, и зашел в роскошные апартаменты. Ченг провел Тэо в гостиную. Окна выходили на юг. Вдалеке Тэо смог разглядеть центр Торонто, с небоскребами, стройным шпилем телевизионной башни и еще дальше озеро Онтарио, простирающееся к горизонту.

- Я очень признателен, что вы мне написали, - сказал Тэо. - Как вы можете себе представить, это очень нелегко для меня.

- Я уверен, что это так, - сказал Ченг. - Изволите ли чаю? Кофе?

- Нет, не нужно, благодарю.

- Что ж, тогда, - произнес мужчина. - Присаживайтесь.

Тэо сел на диван с обивкой из оранжевой кожи. На приставном столике стояла раскрашенная фарфоровая ваза. "Какая красота", - сказал Тэо.

Ченг кивнул в знак согласия. "Разумеется, династия Мин; ей почти пять сотен лет. Скульптура - самое величайшее из искусств. Написанный текст становится лишенным смысла, когда язык выходит из обихода, а материальные объекты, существующие веками или тысячами - это то, что надо хранить. Сегодня всякий может оценить красоту старинных артефактов Китая, Египта или ацтеков; я коллекционирую всех троих. Частные ремесленники зарабатывали себе на жизнь плодами собственного труда".

Тэо издал ни к чему не обязывающий звук и вернулся на диван. На противоположной стене висела картина маслом с изображением гавани Коулун. Тэо кивнул на нее. "Гонконг", - сказал он.

- Да. Вы бывали там?

- В 1996 году, когда мне было четырнадцать, мои родители взяли нас туда на каникулы. Они хотели, чтобы мы - я и мой брат - увидели его до того, как он поменяет владельца обратно на коммунистический Китай.

- Да, те последние пару лет были исключительны для туризма, - сказал Ченг. - Но они также были отличным временем, чтобы уехать из страны; я сам тогда покинул Гонконг и приехал в Канаду. Больше двухсот тысяч уроженцев Гонконга переехали в Канаду до того, как британцы вернули нашу страну китайцам.

- Я думаю, что поступил бы также, - сочувственно сказал Тэо.

- Те из нас, кто мог позволить себе это, уехали. И согласно видениям людей, ситуация в Китае за последующий двадцать один год не изменится к лучшему, поэтому я и впрямь рад что уехал. Я не могу вынести мысли о потере собственной свободы. - Старик сделал паузу. - Но Вы, мой юный друг, движетесь к куда более сильному поражению, разве нет? С моей стороны, я был склонен ожидать, что буду мертв последующий двадцать один год; и был восхищен тем фактом, что мое видение подразумевает то, что я буду жив и в то время. В самом деле, с тех пор как я ощутил себя достаточно бодрым, я начал полагать, что проживу еще больше, чем двадцать один год. Все же, ваше время может внезапно оборваться. В моем видении, о котором я сообщил вам по почте, упоминалось ваше имя. Простите за мои слова - но я никогда не слышал о вас раньше. Но ваше имя достаточно музыкально - Тэодосий Прокопидес - поэтому оно и отложилось у меня в голове.

- Вы говорили, что в вашем видении кто-то говорил вам о планах на мое убийство.

- Зловеще, если быть точным. Но и как я сказал, я знаю немного более того.

- Не сомневаюсь в вас, мистер Ченг. Но если бы я смог определить человека, с которым вы говорили в своем видении, очевидно, он знает больше.

- Но как я и сказал, я не знаю кто он такой.

- Если бы Вы могли мне его описать.

- Конечно. Он белый. Белый, как северный европеец, не с такой оливковой кожей как Вы. В моем видении ему было не более пятидесяти, что подразумевает он сейчас Ваш ровесник. Мы говорили по-английски, у него был американский акцент.

- Американских акцентов так много, - произнес Тэо.

- Да, да, - сказал Ченг. - Я имею в виду, он говорил как житель Новой Англии - возможно, кто-то из Бостона.

А ведь, Ллойд в своем видении оказался в Новой Англии. Но конечно, человеком, разговаривающим с Ченгом, не мог быть Ллойд - в тот момент он был занят с той старухой...

- Что еще вы можете сказать мне о речи этого человека? Он говорил как образованный?

- Да, когда вы это упомянули, полагаю что да. Он употреблял слово "предчувствующий" - не то, что это понятие несколько заумное, но малограмотные люди его вряд ли используют.

- Что конкретно он сказал? Вы можете пересказать разговор?

- Попытаюсь. Мы находились внутри какого-то помещения. В Северной Америке. Там было очень много различных видов розеток; я всегда полагал, что они похожи на изумленных детишек. Как бы то ни было, этот человек сказал мне: "Он убил Тэо".

- Человек, с которым вы разговаривали, убил меня?

- Нет. Нет, я цитировал его. Он сказал: "Он - (кто-то другой он) - убил Тэо".

- Вы уверены, что он сказал "он"?

- Да.

Что ж, это было что-то, во всяком случае, одним махом - и четыре миллиарда потенциальных подозреваемых устранены.

Ченг продолжил. "Он сказал: "Он убил Тэо", и я спросил: "Какого Тэо?" Тот мужчина ответил: "Вы знаете, Тэодосия Прокопидеса." И я сказал: "О, да". В точности так и сказал: "О, да". Боюсь я пока не настолько свободно владею английским языком, чтобы достигнуть той степени непринужденности, но, очевидно, по прошествии двадцати одного года буду. Во всяком случае, совершенно ясно, что я буду знать Вас, или, по меньшей мере, иметь представления о Вас, в 2030 году".

- Продолжайте.

- Что ж, тогда мой собеседник сказал мне: "Он нас опередил".

- П-Прошу прощения?

- Он сказал: "Он нас опередил". Ченг опустил голову. "Да, понимаю, как это звучит - будто бы мы с компаньоном тоже имели виды на вашу жизнь. - Старик развел руками. - Доктор Прокопидес, я - состоятельный человек, ей-богу, очень состоятельный. Я не заявляю вам, что люди не достигают моего уровня, не будучи безжалостными, мы оба знаем это не правда. Я довольно резко поступал с конкурентами все эти годы, и возможно даже был на грани нарушения закона. Но я не только бизнесмен, я еще и христианин. - Он поднял руку. - Пожалуйста, не тревожьтесь, я не буду читать вам лекцию - знаю, что в некоторых западных кругах смелое заявление о вероисповедании вызывает неудобство, будто бы поднимается вопрос, который в культурных компаниях лучше никогда не обсуждать. Я упомянул об этом для того, чтобы установить существенный факт: может быть я и жестокий человек, но я также и богобоязненный человек, и я никогда не одобрил бы убийства. В моем достаточно преклонном возрасте, вы себе вполне можете это представить; я не могу поверить, что на исходе лет, я нарушу те нравственные нормы, которые соблюдал с детства. Я знаю, о чем вы думаете - очевидное толкование слов "он нас опередил" означает, что кто-то убил вас прежде, чем это сделали мои партнеры. Но еще раз повторяюсь, я - не убийца. К тому же, я знаю, что вы - физик, и у меня есть небольшое дело в этой области - мое основное занятие - инвестиции, помимо недвижимости, всем следует вкладывать свой капитал и в биологические исследования: фармацевтические препараты, генная инженерия, и прочее. Сам я не ученый, поймите, я просто капиталист. Но думаю, вы согласитесь, что физик не может быть помехой к тем вещам, которые я преследую, и, как я и

говорил, я не убийца. Но все же, прозвучали слова, которые я вам сообщаю слово в слово: "Он нас опередил".

Тэо посмотрел на мужчину, принимая во внимание сказанное. "В таком случае, - сказал он, наконец, тщательно обдумывая каждое слово, - почему вы мне это говорите?"

Ченг кивнул, как будто ожидал этот вопрос. Естественно, говорить о планах на убийство намеченной жертве - это не нормально. Но, как я и сказал, доктор Прокопидес, я - христианин; поэтому полагаю, что под угрозой не только ваша жизнь, но и моя душа. И у меня нет никакого интереса быть вовлеченным, даже косвенно, в такое грешное дело как человекоубийство. И поскольку будущее *можно* изменить, я желаю, чтобы так и было. Вы отслеживаете того, кто бы вас ни убил; и если вы сможете предотвратить свою смерть от рук этого человека, кем бы он ни был, тогда, моих компаньонов будет некому опережать. Я доверяю вам свою тайну в надежде, что вы не только избежите участи быть застреленным - вас же застрелили, так? - тем человеком, но также и кем-то из моего окружения. Я не хочу, чтобы на моих руках была ваша, да и чья-либо еще, кровь".

Тэо шумно выдохнул. Поражающе было даже думать о том, что кто-то однажды захочет его смерти, но слышать о том, что этого желают сразу несколько сторон, было, вообще, шокирующе.

Возможно, что старик был сумасшедшим, хотя таковым и не казался. Все же, через двадцать один год ему будет... должно быть... а, правда, сколько ему будет? "Простите за наглость, - сказал Тэо, - но можно я спрошу, когда вы родились?"

- Конечно, 29 февраля 1932 года. Что означает - мне всего девятнадцать лет. - Тэо почувствовал, как его глаза расширяются. Он имел дело с психом...

Но Ченг улыбнулся. "Это потому, что я родился 29 февраля, понимаете, которое наступает лишь однажды в четыре года. А если серьезно, мне семьдесят семь лет".

Как оказалось, он значительно старше, чем предполагал Тэо, и - о, мой Бог! - это значит, что в 2030 году ему будет девяносто восемь лет.

Тэо внезапно настигла мысль: он достаточно пообщался с людьми, которые мечтали о 2030 годе; и обычно было не трудно отличить мечту от реальности. Но если Ченгу было девяносто восемь, у него могла бы быть болезнь Альцгеймера в будущем? Какие мысли в таком мозгу не проносятся?

- Я избавлю вас от вопроса, - сказал Ченг. - У меня нет предрасположенности к Альцгеймеру. Я также как и вы удивлен, что буду жив двадцать один год спустя, и также как и вы потрясен, что прожив целую жизнь, я, очевидно, переживу молодого человека, как вы.

- Вы и вправду родились 29 февраля? - спросил Тэо.

- Да. Едва это можно назвать уникальным случаем; на свете около пяти миллионов человек, которые родились в этот день.

Тэо обдумал сказанное и затем произнес: "Так значит, тот человек сказал вам: "Он нас опередил". А что вы сказали потом?"

- Я сказал, и опять, прошу у вас прощения за мои слова: "Так даже лучше".

Тэо нахмурился.

- И тогда, - продолжил Ченг, - я добавил, - "Кто следующий?" На что мой компаньон ответил: "Королев". Королев - полагаю, если по буквам - К-О-Р-О-Л-Е-В. По-моему, русское имя, да? Оно вам что-нибудь говорит?

Тэо покачал головой. "Нет. - И пауза. - Так вы собирались... собираетесь... устранить и этого Королева тоже?"

- Это очевидно, да. Но я понятия не имею, кем может быть он или она.

- Он.

- Судя по вашим словам, я думал, вы не знаете этого человека?

- Не знаю, но Королев - это мужская фамилия. Русские женские фамилии заканчиваются на -ова, а мужские - на -ов.

- А, - понял Ченг. - В любом случае, после того, как человек, с которым я говорил, произнес "Королев", я ответил: "Что ж, я не могу себе представить кого-нибудь еще, после него". И мой собеседник заявил: "Не стоит опасаться, Юбу, - Юбу - это мой псевдоним, который я разрешаю использовать только близким друзьям, хотя, как я уже говорил, пока я с этим человеком не встречался. - Не стоит опасаться, Юбу, - сказал он. - Парень, который добрался до Прокопидеса, вряд ли заинтересуется Королевым". Затем я сказал: "Очень хорошо. Принимай меры, Дэррил", - так я полагаю, звали моего собеседника. Он открыл рот, чтобы заговорить снова, но я, внезапно, вернулся назад в 2009 год.

- И это все, что вам известно? Что вам и человеку по имени Дэррил понадобятся несколько человек, включая меня и кого-то с фамилией Королев, но появится кто-то другой, кому будет не нужен Королев, и кто убьет меня первым?

Ченг извиняюще пожал плечами, то ли сожалея об отсутствии более конкретной информации, то ли о факте, что однажды, ему, возможно, захочется увидеть Тэо мертвым, Тэо не мог сказать. "Это все".

- Этот Дэррил, он был похож на боксера? Знаете, профессионального боксера?

- Нет. Я бы сказал, он был слишком тучным для атлета

Ошеломленный Тэо откинулся на диване. "Спасибо, что даете мне знать", - произнес он напоследок.

- Это самое меньшее, что я могу, - сказал Ченг. Он сделал паузу, будто оценивая благоразумие дальнейшего разговора, и добавил. - Души по отношению к жизни - бессмертны, доктор Прокопидес, а религия - это воздаяние должного. Я, пожалуй, предположу, что вас ожидают великие дела, и что вы, соответственно, *будете* вознаграждены, но в том случае, разумеется, если сумеете прожить достаточно долго. Сделайте себе одолжение, сделайте *нам* обоим одолжение, не прекращайте свои поиски.

24

Тэо вернулся в Нью-Йорк и рассказал Ллойд о своей встрече с Ченгом. Ллойда, также как и Тэо ошеломило то, что сказал старик. Тэо и Ллойд пришлось остаться в Нью-Йорке еще на восемь дней, пока ООН продолжало горячо обсуждать их заявку.

Китай выступал в защиту предложения о разрешении повторного эксперимента. Даже учитывая, как теперь выяснилось, что будущее не предопределено, первые видения установили, что тоталитарное правительство Китая все еще явно правило своей "железной рукой", подавляя огромное количество диссидентов в этой стране. Для Китая это было ключевой проблемой. У будущего было два возможных варианта: либо коммунистическая диктатура продолжается, либо нет. Первые видения показали, что диктатура и впрямь продолжается. Если бы вторые видения показали то же самое - что даже с предвидением изменяемого будущего, коммунизм не будет свержен - тогда диссидентский дух был бы сокрушен: прекрасный пример чего *Нью-Йорк Таймс* английским каламбуром в сомнительном стиле назвала "пессимистическое отношение к будущему" в честь Димитроса Прокопидеса, чей дух был сломлен увиденным в будущем, и который отчаялся когда-либо изменить его.

И что если, второе видение покажет, что Коммунизм пал? Тогда Китаю не будет хуже, чем было до первого Скачка в будущее, их будущее под вопросом. В представлении пекинского правительства эта была стоящая авантюра.

Послы Европейского Союза очевидно также собирались блоком проголосовать За по двум причинам. Если попытка потерпит неудачу, тогда бесконечный поток судебных исков, поданных против ЦЕРН и его стран-участниц, вполне возможно прекратится. А ес-

ли попытка удастся, что ж, этот второй проблеск будущего окажется бесплатным, а следующие можно будет продать за миллиарды евро каждый. Правда другие страны могли попытаться создать атомные ускорители, способные производить подобные виды энергий, выпускаемых БАК, но первые видения показали миру избыточное количество Тахионно-Тардионных Коллайдеров, и все же, казалось, видения невозможно было вызвать с легкостью. Если ЦЕРН был за это в ответе - явно, эта ответственность была *уникальна*, некая конкретная комбинация параметров, которую вряд ли бы воспроизвели с помощью другого ускорителя, сделала возможным Скачок в будущее.

Самый горячий протест выразило западное полушарие - те страны, население которых бодрствовало в момент, когда сознание было отброшено в 2030 год, и вследствие чего большинство людей пострадало, либо было убито. Протесты обуславливались, главным образом, возмутительными последствиями нанесенного в предыдущий раз ущерба, и страхами что второй эксперимент приведет к подобным разрушениям с человеческими жертвами.

Восточному полушарию был нанесен сравнительно незначительный ущерб; во многих государствах более девяноста процентов населения спали (или, по крайней мере, находились в безопасности, лежа в кроватях), когда произошло Скачок во времени; имело место единичное число жертв и подтверждено ничтожно малое повреждение имущества. Конечно, они убеждали, что организованный, заранее объявленный повтор эксперимента не подвергнет риску большинство людей. Они осуждали аргументы против повторения, как более эмоциональные, чем рациональные. Действительно, обзоры со всего мира показали, что те, у кого были видения, в подавляющем большинстве радовались, что видения у них были, даже притом, что они, как теперь было показано, не раскрывают неизменного будущего. Действительно, теперь, когда мир был уверен, что будущее может быть изменено, те, кто видел то, что они расценили как плохое личное будущее, были, в среднем, еще более рады иметь способность проникновения в суть, чем те, кто видел то, что они описали как положительное будущее.

Хотя он не имел формального голоса в обсуждении ООН, папа римский Бенедикт XVI вступил в спор, объявив, что видения полностью согласуются с Католическими доктринами. То, что после Скачка в будущее весьма возросла посещаемость месс, являлось несомненным фактором при решении папы.

Премьер министр Канады также поддержал видения, после того как они показали, что Квебек останется частью их страны. Президент Соединённых Штатов выказывал меньше энтузиазма: хотя Америка явно останется спустя два десятилетия ведущей мировой державой, присутствовала значительная обеспокоенность президентских советников тем, что первый скачок уже сильно навредил национальной безопасности, так как люди – и даже дети, – которые до этого не приводились к присяге, получили доступ ко всем видам закулисной информации. И, конечно, президента-демократа раздражало, что республиканцу Франклину Хэпгуду, в настоящее время профессору политологии в университете Пердью, предназначено занять его кресло в 2030 году.

Так что американская делегация продолжала выступать против повторения: "Мы до сих пор хороним наших погибших", – сказал один из послов. Но японская делегация ответила на это заявлением, что даже если видения не показали настоящее будущее, то они представляли собой будущее, которое можно *использовать*. США, страна с очень высоким процентом людей, имевших осмысленные дневные видения, пыталась присвоить технологические преимущества, которые можно извлечь из этих видений. Первый Скачок в будущее был в 11:21 в Лос-Анджелесе, в 14:21 в Нью-Йорке и в 03:21 в Токио; самое интересное, что видели большинство японцев, это они сами, спящие в будущем. Америка получала выгоду от новых технологий и изобретений, показанных в видениях граждан; Япония и остальное Восточное полушарие были нечестно оставлены позади.

Это снова завело китайскую делегацию; очевидно, они ждали, что кто-то поднимет этот вопрос. Скачок в будущее был в 02:21 по пекинскому времени; большинство китайцев также видели себя спящими в будущем. Если ещё один Скачок в будущее будет вызван, твёрдо убеждали они, он должен быть начат с временным смещением в двенадцать часов по сравнению с первой попыткой. Таким образом, если сознание перенесётся вперёд на те же двадцать один год, шесть месяцев, два дня и два часа, то Восточное полушарие получит на этот раз все преимущества, и ситуация уравновесится.

Японское правительство немедленно поддержало китайское в этой точке зрения. Индия, Пакистан и обе Кореи согласились, что только так будет по-честному.

Восток, возможно, был прав в утверждении, что Америка пытается заполучить технологическое лидерство: если это будет повторение, настаивали США, это должно произойти в то же время дня. Они излагали свои аргументы в научных терминах: повторение – так повторение, насколько это зависит от человека, каждый параметр эксперимента должен быть тем же.

Ллойд Симко был снова вызван в Генеральную Ассамблею по этому вопросу. "Я бы предостерёг от изменения без необходимости любого фактора, – сказал он, – но так как у нас до сих пор нет работающей модели феномена, я не могу категорически утверждать, что проведение эксперимента ночью вместо дня даст какую-нибудь разницу. В конце концов, туннель БАК сильно экранирован против утечек излучения, и такое экранирование в результате также удерживает солнечное и другие внешние излучения. Всё же я возражаю против изменения времени дня".

Делегат из Эфиопии указал на то, что Симко был американцем, и, следовательно, мог пытаться защитить интересы Америки. Ллойд возразил, что на самом деле он канадец, но это не произвело впечатления на африканца; Канада тоже непропорционально извлекла выгоду из видений будущего своих граждан.

Между тем, исламский мир рассматривал видения скорее как *ильхам* (божественное руководство, непосредственно влияющее на человеческие разум и тело), а не как *вахи* (божественное откровение о подлинном будущем), так как по определению только пророки были способны на второе. То, что видения оказались на самом деле изменяемым будущим, видимо подтверждало воззрения ислама, и хотя исламские лидеры не использовали метафору про Скруджа, понятие получения озарения, позволяющего улучшить себя в религиозном и духовном плане, было воспринято как наиболее полно соответствующее Корану.

Некоторые мусульмане придерживались особой точки зрения, что видения были не божественными, а демоническими, частью разворачивающегося разрушения мира. В любом случае исламские духовные лидеры полностью отвергали мнение, что причиной был физический эксперимент: это была интерпретация заблудших безбожников Запада. Видения явно имели духовное происхождение, и машины не имели к этому никакого отношения.

Ллойд боялся, что на этом основании исламские нации будут препятствовать повтору эксперимента на БАК. Но сначала Велаят-е Факих в Иране, потом Шейх аль-Ажар в Египте, а затем *шейх* за *шейхом* и *иман* за *иманом* по всему мусульманскому миру пришли к поддержке попытки повторения. Таким образом, когда попытка провалится, неверующим будет доказано, что исходное событие имело духовную, а не светскую, природу.

Конечно, правительства исламских наций часто имели разногласия с верующими в своих странах. Для тех правительств, что пресмыкались перед западом, поддержка повторения, а также смещения, как настаивали азиаты, на двенадцать часов от первого события, была беспроигрышным сценарием: если повторение не удастся, западные учёные оконфузятся, и точка зрения безбожников будет разгромлена; а если оно удастся, то экономика мусульманских стран получит рост из-за того, что их граждане обретут такое же представление о технологиях будущего, что и американцы.

Ллойд ожидал, что не имевшие видения – это, очевидно, те, кто в будущем будет мёртв – будут тоже против повторения, но на самом деле большинство из них поддерживали его. Молодые люди, у которых не было видений – прозванные в Newsweek "не признающими смерть", – часто упоминали о желании доказать, что у отсутствия видений в первый раз может быть другое объяснение, кроме их смерти. Более старые люди без видений в большинстве своём уже смирились с тем фактом, что они будут мертвы спустя двадцать один год, и им было любопытно узнать больше по отзывам других о будущем, которое они никогда не увидят своими глазами.

Некоторые государства, например, Португалия и Польша, высказывались за задержку повторения минимум на год. Было представлено три убедительных контраргумента. Во-первых, как указал Ллойд, чем больше времени пройдёт, тем более вероятно, что какой-нибудь внешний фактор изменится достаточно, чтобы помешать повторению. Во-вторых, необходимость абсолютной безопасности во время повторения была ясна людям прямо сейчас; чем сильнее тяжесть несчастных случаев, произошедших в прошлый раз, поблекнет в памяти, тем более вероятно, что люди будут легкомысленны в своих приготовлениях. В-третьих, люди хотели новых видений, которые подтвердят или опровергнут события, показанные в первых видениях, позволяя тем, у кого были тревожные предсказания, увидеть, на правильном ли они пути, чтобы избежать такого будущего. Если новые видения будут также через двадцать один год, шесть месяцев, два дня и два часа от момента начала повторного эксперимента, каждый пропущенный день убавляет шансы на то, что второе видение будет достаточно связано с первым, чтобы произвести сравнение возможных событий.

Также был хороший экономический аргумент в пользу скорого повторения, если оно всё же состоится. Многие предприятия работали в текущий момент не в полную мощность из-за повреждений оборудования и персонала, случившихся при первом Скачке в будущее. Остановка работы в ближайшем будущем для обеспечения второго Скачка привела бы к меньшей потере производительности, чем те же месяцы и годы спустя, когда все компании и фабрики вернутся к полноценному функционированию.

Дебаты распространялись на бесчисленные темы: экономика, национальная безопасность (что, если одна страна пошла в ядерное наступление против другой как раз до отправления сознания?), философия, религия, наука, и демократические принципы. Должно ли решение, которое затрагивает каждого на планете на самом деле быть решено путем одного голоса за всю страну? Должны ли голоса быть средневзвешенными, согласно населению каждой страны, причем голос Китая должен быть услышан как самый громкий? Или решение должно быть учтено путем проведения всемирного референдума?

Наконец, после моря желчи и доводов ООН принял такое решение: эксперимент с БАК надо будет повторить и перенести, как настояли многие, на двенадцать часов с момента осуществления первого события.

Послы Европейского союза все настаивали на одном условии, перед тем, как позволить ЦЕРН попытаться повторить эксперимент: что не будет никаких правительственных судебных процессов против ЦЕРН, его стран-участниц или любого из его сотрудников. Решение ООН было принято, предотвращая тем самым любые подобные судебные процессы, которые когда-либо смогут возникнуть, и будут рассматриваться в Мировом Суде. Конечно, ничего не могло бы предотвратить гражданские иски, хотя правительства Швейцарии и Франции и объявили, что их суды не будут слушать такие дела, и было трудно юридически доказать, что любые другие суды имели на это полномочия.

Третий Мир выразил самую большую внутреннюю проблему: неразвитые или слабо развитые регионы, куда новости добираются очень медленно, если вообще доходят. Было решено, что эксперимент будет возобновлен спустя шесть недель: этого времени будет достаточно, чтобы оповестить каждого, кого только можно будет найти.

И так, начались приготовления к тому, чтобы человечество еще разок взглянула в грядущее.

Мичико обозвала это "Операция Клаату"

В фильме *"День, когда остановилась Земля"*, пришелец Клаату отключает во всем мире электричество на тридцать минут точно в полдень по Вашингтонскому времени, чтобы продемонстрировать необходимость "мира во всем мире", осуществляя это, он проявляет удивительную заботу, чтобы никто не пострадал. Самолеты остаются в воздухе, а в операционных сохраняется энергия. На этот раз они постараются действовать так же осторожно, как и Клаату, несмотря на то, как подчеркнул Ллойд, в кино Клаату расстреливают за его же собственные старания. Конечно же, будучи пришельцем, он смог вернуться к жизни...

Чего Ллойд сделать бы не смог. В первый раз по какой-то причине эксперимент по получению бозона Хиггса не удался; он хотел немного подправить параметры в надежде создания неуловимой частицы. Но он знал, что должен был воспроизвести все в точности, как и прежде. У него возможно никогда не появится шанса усовершенствовать свою технологию, шанса произвести Хиггса. И это, конечно, означало что он, вероятно, никогда не получит Нобелевскую Премию.

Если бы...

Если бы он только смог объяснить происшедшее с точки зрения физики. Но даже притом, что это был его эксперимент, который привел к прыжку на двадцать один год вперед, и даже если он и все в ЦЕРН изнуряли свои мозги в попытке определить причину, на него так и не снизошло озарение, почему это случилось. Было настолько вероятно, что кто-то еще, возможно даже кто-то, не являющийся специалистом по физике частиц, сможет выяснить точно, что произошло.

25

День "Д".

Почти ничего не изменилось. Конечно, сейчас все происходило в ужасные 5 утра, вместо 5 вечера, но, так как теперь в комнате управления БАК не было окон, этого действительно невозможно было понять. В настоящий момент также было больше людей. Для большинства экспериментов физики элементарных частиц было трудно заполучить приличную толпу журналистов, но для этого эксперимента Служба связи с общественностью ЦЕРН фактически должна была тянуть жребий, чтобы определить, какая дюжина журналистов может быть допущена. Камеры передавали это событие по всему миру.

По всей планете люди ложились в кровати, на кушетки, на пол, траву, открытый грунт. Никто не пил горячие напитки. Не летали ни коммерческие, ни военные, ни частные самолеты. Движение транспорта во всех городах остановилось, точнее, стояло уже несколько часов, чтобы точно знать, что во время повторения эксперимента необходимости в операциях по скорой помощи или санитарных самолетах не будет. Скоростные дороги и шоссе либо пустовали, либо превратились в огромные парковки.

Два космических шаттла - один американский, один японский - находились на орбите, но причин думать, что они в опасности, не было. Астронавты просто залезут в спальные мешки на время операции. Девять человек, находящиеся на международной космической станции поступят точно так же.

Никого не оперировали, не подбрасывали тесто для пиццы, не управляли механизмами. Обычно в любой момент времени треть человечества спит... но прямо сейчас почти

все семь миллиардов населения Земли бодрствовали. Хотя, по иронии судьбы, проводилось меньше действий, чем в любой другой момент истории.

Как и в первый раз, столкновение управлялось компьютером. Ллойд на самом деле было особо нечего делать. Камеры репортеров стояли на штативах, а сами они лежали на полу или на столах. Тэо уже лежал, Мичико тоже, но, по мнению Ллойда, слишком уж близко к Тэо. На полу перед главным пультом осталось свободное пространство. Ллойд лег туда. Оттуда он мог видеть одни из часов, и он продолжил по ним обратный отсчет: "Сорок секунд".

Будет ли он перенесен обратно в Новую Англию? Конечно же видение не продолжится с того места, где прервалось месяцы назад. Конечно, он не вернулся бы в кровать с... Боже, он даже не знал ее имени. Она не сказала ни слова: конечно, она могла бы быть американкой, или из Канады, Австралии, Соединенного Королевства, Скандинавии, Франции... так трудно было понять.

- Тридцать секунд, - сказал Ллойд.

Где они встретились? Как долго они были женаты? У них были дети?

- Двадцать секунд.

Это был счастливый брак? За время того одного короткого проблеска, конечно, показалось, что был. Но впрочем, он видел даже своих собственных родителей, относящихся с нежностью друг к другу в отдельных случаях.

- Десять секунд.

Возможно, этой женщины даже не будет в его следующем видении.

- Девять секунд.

Действительно, вполне вероятно, что он будет спать... и не обязательно даже видеть сны... через двадцать один год.

- Восемь секунд.

Шансы, что он увидит себя, были, практически, нулевыми - что он будет около зеркала или увидит себя на камере системы видеонаблюдения.

- Семь.

Но, конечно, он увидел бы *что-то* разоблачительное, что-то важное.

- Шесть.

Что-то, что ответило бы, по крайней мере, на несколько горящих вопросов.

- Пять.

Что-то, что приблизило бы его к тому, что он уже видел.

- Четыре.

Конечно, он действительно любил Мичико.

- Три.

И они были женаты, независимо от того, что могло показать первое видение, или это.

- Две.

Но, тем не менее, было бы хорошо знать имя той другой женщины...

- Одна.

Он закрыл глаза, как будто это быстрее вызовет видение.

- Ноль.

Ничего. Темнота. Проклятье, в будущем он спал! Это не справедливо; в конце концов, это был *его* эксперимент. Если кто и заслуживает второго видения, так это он, и...

Он открыл глаза; он все еще лежал на спине. Над его головой, далеко вверху, был потолок центра управления БАК.

О, Боже... О, Боже...

Через двадцать один год ему будет шестьдесят шесть.

А двадцать один год и несколько месяцев спустя после этого видения...

Он будет мертв.

Как Тэо.

Черт возьми. Черт возьми.

Он повернул голову, чтоб увидеть часы.

Синие цифры тихо менялись: 22:00:11, 22:00:12, 22:00:13 ...

У него не было затмения - ничего не случилось.

Попытка повторить Скачек в будущее провалилась и ...

Зеленые огни.

Зеленые огни на пульте ALICE!

Ллойд поднялся на ноги. Тэо тоже вставал.

- Что случилось? - спросил один из журналистов.

- Большое жирное ничего, - сказал другой.

- Пожалуйста, - сказала Мичико. - Пожалуйста, все оставайтесь на полу... мы не знаем, безопасно ли уже.

Тэо хлопнул Ллойда ладонью по спине. Ллойд скалился вот уха до уха. Он повернулся и крепко обнял Тэо.

- Ребята, - позвала Мичико, опираясь на локоть. - Ничего не произошло.

Ллойд и Тэо разнялись, и Ллойд резко пересек комнату. Он потянулся и взял руки Мичико, поставил ее на ноги, и потом обнял.

- Дорогой, - сказала Мичико, - Что это?

Ллойд работал за пультом. Глаза Мичико расширились. *"Невероятно!"* - воскликнула она. - Ты получил его!"

Ллойд усмехнулся еще больше: "Мы получили его!"

- Получили что? - спросил один из репортеров. - Ничего не произошло, проклятье!

- О, да, не произошло, - сказал Ллойд.

Тэо также усмехнулся: "Да, действительно!"

- *Что?* - потребовал тот же репортер.

- Хиггс! - сказал Ллойд.

- Что?

- Бозон Хиггса! - сказал Ллойд, его рука обняла Мичико за талию. - Мы получили Хиггса!

Другой репортер сдержал зевоту. "Не велика радость", - сказал он.

У Ллойда брал интервью один из журналистов. "Что произошло? - резко спросил мужчина средних лет, корреспондент *Лондон Таймс*. - Или, точнее, почему ничего не произошло?"

- Как вы можете говорить, что ничего не случилось? Мы получили бозон Хиггса!

- Это никого не волнует. Мы хотим...

- Вы не правы, - сказал Ллойд решительно. - Это важно; это - самая важная вещь на свете. В других обстоятельствах, это стало бы историей для первой страницы в каждой газете во всем мире.

- Но видения...

- У меня нет объяснения, почему они не повторились. Но сегодняшнее событие трудно назвать провалом. Ученые пытались найти бозон Хиггса с тех пор как Глэшоу, Сэлэм и Вейнберг рассчитали его существование полвека назад...

- Но люди ожидали других проблесков будущего, и...

- Я понимаю это, - сказал Ллойд. - Но изначально Большой Адронный Коллайдер был построен именно для получения бозона Хиггса, а не для каких-то глупых исследований подсознания. Мы знали, что нам понадобится квинтильон электрон-вольт, чтоб получить бозон Хиггса. Вот почему девятнадцать стран, которые входят в ЦЕРН, объединились, чтобы построить БАК. Вот почему Соединенные Штаты, Канада, Япония, Израиль и

другие страны также пожертвовали миллиарды на этот проект. Это явилось хорошей наукой, важной наукой...

- В таком случае,- сказал репортер, - *Уолл Стрит Журнал* оценил полную стоимость всемирного прекращения работ по вашей милости в более чем четырнадцать *миллиардов* долларов. Что делает "Проект Клаату" самым дорогим предприятием за всю историю человечества.

- И мы получили бозон Хиггса! Вы понимаете? Это не только подтверждает теорию взаимосвязи электронов, это доказывает существования поля Хиггса. Теперь нам известна причина, по которой объекты - вы, я, этот стол, эта планета - имеют массу. Бозон Хиггса несет фундаментальное поле, которое обеспечивает элементарные частицы массой - *и мы подтвердили его существование!*

- Никого не волновал бозон, - сказал репортер. - Люди даже слова сказать не могут не хихикнув.

- Назовите ее частицей Хиггса, как и поступают большинство физиков. Но как бы вы ее не назвали, это пока самое важное открытие в области физики двадцать первого столетия. Конечно, мы еще и десяти лет в этом веку не прожили, но готов поспорить, что в конце этого столетия, люди оглянутся назад и скажут, что оно *еще* является самым значимым открытием века в области физики.

- Это не объясняет, почему мы ничего не добились...

- Мы *добились*, - возмущенно сказал Ллойд.

- Я имею в виду, что мы не видели никаких видений.

Ллойд надул щеки и выдохнул. "Послушайте, мы пытались, как могли. Может быть, первое явление было стечением обстоятельств. Может быть, это имеет большую зависимость от начальных условий, которые медленно менялись. Может быть..."

- Вы симулировали, - сказал репортер.

Ллойд был захвачен врасплох. "Простите?"

- Вы симулировали. Вы умышленно испортили эксперимент.

- Мы *не* симу...

- Вы хотели потопить все судебные иски; даже после этой свистопляски в ООН, вы все еще хотите быть уверены, что никто не подаст на вас в суд, если вы покажете, что ЦЕРН ничего не мог сделать со Скачком в будущее в первый раз...

- Мы ничего не подделывали. Мы не подделывали бозон Хиггса. Ради всего святого, мы совершили *прорыв*.

- Вы нас обманули, - сказал мужчина из *Таймс*. - Вы обманули всю планету.

- Это нелепо, - сказал Ллойд.

- Да бросьте. Если вы не симулировали, тогда почему вы не дали всем нам других проблесков будущего?

- Я... Я не знаю. Мы пытались. Честно, мы пытались.

- Будет следствие, вы в курсе.

Ллойд закатил глаза, но репортер был, скорее всего, прав. "Послушайте, - сказал Ллойд. - Мы сделали все, что могли. Компьютерные записи подтвердят это; они покажут, что каждый отдельный параметр эксперимента был точно такой же. Конечно, есть еще вопрос хаоса и обусловленный им чувствительности, но мы, действительно, сделали все, что могли, и результат трудно назвать провалом... отнюдь". Репортер, похоже, собирался снова возразить, возможно, утверждать, что записи могли быть подделаны. Но Ллойд поднял руку вверх. "Все же, может быть вы и правы; может быть, это доказывает, что ЦЕРН и правда ничего не мог поделаться с тем, что случилось раньше. В этом случае..."

- В этом случае, вы выпутываетесь из положения, - горько произнес репортер.

Ллойд нахмурился, обдумывая. Конечно, юридически он возможно уже выпутался из того, что произошло в первый раз. А морально? Без отпущения грехов всем челове-

ством, которое, в действительности, преследовало его со времени самоубийства Дима, за все причиненные им смерти и разрушения.

Ллойд почувствовал, что его брови полезли вверх. "Думаю, вы правы, - сказал он. - Полагаю, я вышел из положения".

26

Как любой физик Тэо каждый год с интересом ждал, чтобы увидеть, кто будет удостоен Нобелевской премии... кто присоединился бы к ряду Бора, Эйнштейна, Фейнмана, Гелл-Манна и Паули. За эти годы исследователи ЦЕРН заработали больше двадцати нобелевских премий. Конечно, когда он увидел тему письма в своём почтовом ящике, ему не надо было открывать его, чтобы узнать о том, что его имя отсутствует в списке лауреатов за этот год. Всё же он хотел увидеть, кто из его друзей и коллег удостоены выбора. Он нажал кнопку "Открыть".

Лауреатами были Перлмуттер и Шмидт за их работу, в основном оконченную десятилетие назад, которая показала, что вселенная будет расширяться бесконечно, а не разрушится при Большом Сжатии. Это было типично, награждалась работа, завершённая годами ранее; нужно время, чтобы повторить результаты и рассмотреть возможность дальнейшего развития исследования.

"Отлично, - подумал Тэо, - они оба являлись хорошим выбором". Несомненно, ЦЕРН было немного обидно; по слухам МакРэйни уже планировал свою праздничную вечеринку, хотя без сомнения это были лживые сплетни. Но Тэо по-прежнему хотел знать, как и каждый год в это время, увидит ли он когда-нибудь своё имя в списке.

Тэо и Ллойд провели несколько следующих дней, работая над своей документацией по бозону Хиггса. Хотя пресса уже (как-то без энтузиазма) объявила миру о создании частицы, они всё равно должны были описать свои результаты в журнале для научных публикаций. Ллойд по привычке без остановки чиркал в блокноте; Тэо шагал назад и вперёд.

- Почему такая разница? – спросил Ллойд в двенадцатый раз. - Почему мы не получили бозон в первый раз, но на этот раз получили?

- Я не знаю, – ответил Тэо. - Мы ничего не меняли. Конечно, также мы и не могли добиться полного совпадения. Прошли недели с первой попытки, поэтому Земля продвинулась на миллионы километров по своей орбите вокруг Солнца, и, разумеется, Солнце продвинулось в космосе, как оно всегда делает, и...

- Солнце! – восторженно вскрикнул Ллойд. Тэо безучастно посмотрел на него.

- Как ты не понимаешь? В прошлый раз, когда мы проводили эксперимент, солнце уже встало, а в этот раз солнце уже зашло. Может быть, в первый раз солнечный ветер взаимодействовал с нашим оборудованием?

- Туннель БАК на сотне метров под землёй и имеет лучшее экранирование, что можно купить за деньги. Заметное количество ионизированных частиц никак не могло пройти сквозь него.

- Хммм, – сказал Ллойд. - Но как насчёт частиц, от которых мы не можем экранироваться? Как насчёт нейтрино?

Тэо нахмурился: "Для них нет никакой разницы, обращены мы к Солнцу или нет". Только одна из двухсот миллионов нейтрино проходят через Землю, что-либо фактически поражая; остальные же просто переходят на другую сторону.

Ллойд поджал губы в раздумье. "Все же, может быть, количество нейтрино было особо высоко в тот день, когда мы впервые проводили эксперимент". В голове зашекетало: что-то, о чем упоминал Гастон Беранже, когда перечислял все другие события, происходившие 21 апреля в 17.00. "Беранже говорил мне, что Нейтринная обсерватория в Садбери зафиксировала выброс прямо перед тем, как мы начали эксперимент".

- Я знаю кое-кого в SNO, - сказал Тэо. - Вэнди Смолл. Мы вместе учились в аспирантуре. - Открытая в 1998 году, Нейтринная обсерватория в Садбери, располагалась в двух километрах под докембрийской скалой и являлась самым чувствительным в мире датчиком по определению нейтрино.

Ллойд указал жестом на телефон. Тэо подошел к аппарату. "Ты знаешь международный код?"

- Города Садбери? Возможно 705; им пользуются в большей части северного Онтарио.

Тэо набрал номер, переговорил с оператором, повесил трубку, снова набрал номер. "Здравствуйте, - произнес он по-английски. - Будьте добры, Вэнди Смолл. - Тишина. - Вэнди, это Тэо Прокопидес. Что? О, забавно. Забавная женщина. - Тэо прикрыл микрофон рукой и сказал Ллойд: "Она сказала, я думала, ты мертв". Ллойд сделал вид, что подавил усмешку. - Вэнди, я звоню из ЦЕРН и со мной еще один человек - Ллойд Симко. Не возражаешь, если я включу громкую связь?"

- *Тот самый* Ллойд Симко? - раздался голос Вэнди из динамика. - Приятно познакомиться.

- Здравствуйте, - тихо сказал Ллойд.

- Послушайте - сказал Тэо, - как вам уже, несомненно, известно, вчера мы попытались воспроизвести феномен перемещения во времени, и у нас не получилось.

- Да, я заметила, - сказал Вэнди. - Знаете, в моем первоначальном видении, я смотрела телевизор - за исключением того, что он был трехмерным. Это был кульминационный момент некоего детективного шоу. Я умирала, как хотела знать, кто же это сделал.

"*Я тоже*", - подумал Тэо, но сказал: "Извините, ни чем не можем помочь".

- Догадываюсь - начал Ллойд. - Нейтринная обсерватория в Садбери уловила поток нейтрино прямо перед тем, как мы провели свой эксперимент 21 апреля. Те нейтрино были вызваны солнечными пятнами?

- Нет, солнце в тот день было спокойным; все, что мы обнаружили - взрыв вне солнечной системы.

- Вне солнечной? То есть за пределами солнечной системы?

- Именно.

- А источник?

- Помните Сверхновую SN 1987A? - спросила Вэнди.

Тэо встряхнул головой.

Ллойд, усмехнувшись, сказал: "Это звук трясущейся головы Тэо".

- Я смогла услышать треск, - сказала Вэнди. - Значит, слушайте, в 1987 году была обнаружена огромнейшая сверхновая звезда, находящаяся в трехстах восьмидесяти трех световых годах. Голубой супергигант типа В3 - Сандулик -69°202 вспыхнул в Большом Магеллановом Облаке.

- Большое Магелланово Облако! - сказал Ллойд. - Это же у черта на куличках.

- Сто шестьдесят шесть тысяч световых лет, если быть точным, - прозвучал голос Вэнди. - Разумеется, есть смысл в том, что Сандулик вспыхнул в эпоху Плейстоцена, а его взрыв мы смогли увидеть только двадцать два года назад. А нейтрино почти всегда перемещаются беспрепятственно. И во время взрыва в 1987 году, мы обнаружили выброс нейтрино, который длился около десяти секунд.

- Хорошо, - сказал Ллойд.

- И, - продолжила Вэнди. - Сандулик оказался достаточно странной звездой; потому, что сверхновой становятся красные супергиганты, а не голубые. Невзирая на то, что после вспыхивания сверхновой, остатки звезды обычно перерождаются либо в нейтронную звезду, либо в черную дыру. Так что, если бы Сандулик стал черной дырой, нам никогда бы не удалось найти нейтрино; у них бы не было возможности вырваться. Но имея массу в двадцать раз тяжелее солнца, Сандулик, по нашему мнению, был слишком мал, чтобы сформировать черную дыру, по крайней мере, согласно принятой тогда теории.

- У-гу, - произнес Ллойд.

- Что ж, - сказала Вэнди, - вернемся к 1993 году, когда Ханс Бете и Джерри Браун предложили теорию, предполагающую, что конденсаты каона позволяют маловесящей звезде сжиматься в черную дыру; каоны не повинуются принципу запрета Паули. - Принцип запрета гласит, что две частицы определенного типа не могут одновременно находиться в одном энергетическом состоянии.

- Для того, чтобы звезда сжалась в нейтронную звезду, - продолжала Вэнди, - все электроны должны объединиться с протонами, чтобы сформировать нейтроны, но так как электроны *придерживаются* принципа запрета, поскольку вы пробуете столкнуть их вместе, они вместо этого только продолжают занимать все более высокие уровни энергии, обеспечивая сопротивление непрерывному коллапсу - та самая часть причины, почему вам нужно начинать с достаточно массивной звезды для образования черной дыры. Но если бы электроны были обращены в каоны, то все они могли бы занять самый нижний энергетический уровень, пуская в ход намного меньше сопротивления, и совершая сжатие меньшей звезды в черную дыру, что теоретически возможно. Так вот, Джерри и Ханс говорили, предположив, что произошло с Сандуликом - предположительно его электроны стали каонами. Тогда он смог сжаться в черную дыру. А сколько времени нужно, чтобы преобразовать электроны в каоны? На это было запланировано десять секунд - подразумевая, что нейтрино могли высвободиться в течение первых десяти секунд превращения сверхновой, а после их бы поглотила недавно сформированная черная дыра. Выброс нейтрино длился как раз десять секунд в 1987 году.

- Очень интересно, - произнес Ллойд. - А что может получиться в результате выброса, когда он происходит в то же время, что и начало нашего первого эксперимента?

- Ну, объект, который формируется из конденсата каона, на самом деле, не является черной дырой, - сказал голос Вэнди. - Скорее всего, это в своей основе непостоянная параособенность. Теперь, после Джерри Брауна, мы называем их "коричневые дыры". Фактически, в некий момент явление имеет обратное действие, и каоны спонтанно перестраиваются в электроны. Когда это происходит, включается принцип Паули, что вызывает массовое давление против вырождения, склоняя целостную вещь к почти мгновенному очередному расширению. В тот момент нейтрино должны были снова оказаться в состоянии утечки, по крайней мере, до обратного процесса, а электроны снова переуплотнятся в каоны. Сандулик находился в ожидании отдачи в некий момент, и, как оказалось, за пятьдесят три секунды до вашего первоначального явления сдвига времени, наш датчик нейтрино зарегистрировал выброс, исходящий от Сандулика; конечно, детектор или его самописцы прекратили работать в момент начала смещения времени, таким образом, я не знаю, как долго продолжался второй выброс, но теоретически должен был длиться дольше первого - возможно две или три минуты. - Ее голос стал задумчивым. - Фактически, я первоначально думала, что обратный взрыв Сандулика стал причиной первого смещения времени. Я уже была готова заказать билет до Стокгольма, когда вы, ребята, вышли на встречу и заявили, что это были проделки вашего коллайдера.

- Что ж, возможно это был и взрыв, - сказал Ллойд.

- Может быть, именно поэтому мы и не смогли повторить эффект.

- Нет, нет, - сказала Вэнди, - это не был обратный взрыв, по крайней мере, не он один; помните, взрыв начался за пятьдесят три секунды *до* смещения времени, а сдвиг

четко совпал с началом ваших столкновений. Однако, может быть, случайное совпадение выброса, продолжающего воздействовать на Землю, и вашего эксперимента, проводимого в это же самое время, вызвало все эти странные условия, создавшие смещение времени. А без такого выброса, когда вы пытались повторить эксперимент, ничего не произошло.

- Значит, - сказал Ллойд, - мы, в сущности, создали условия здесь на Земле, которые не существовали, начиная с доли секунды после Большого взрыва, и одновременно мы были поражены сильным ударом нейтрино, извергающихся из обратно-действующей коричневой дыры.

- В этом есть смысл, - произнес голос Вэнди. - Как вы можете себе представить, шансы на то, что это когда-либо произойдет, да еще и с тем же успехом - совершенно малы.

- Будет ли Сандулик снова обращаться? - спросил Ллойд. - Можем ли мы рассчитывать еще один выброс нейтрино?

- Вероятно, - сказала Вэнди. - Теоретически, он будет обращаться еще несколько раз, как бы колеблясь между тем, чтобы стать коричневой дырой или нейтронной звездой, пока не будет достигнуто стабильности, и он не успокоится как постоянная, но невращающаяся нейтронная звезда.

- И когда произойдет следующее обращение?

- Не имею понятия.

- Если мы дождемся следующего выброса, - сказал Ллойд, - И тогда повторим наш эксперимент именно в тот момент, возможно мы сможем воспроизвести эффект смещения времени.

- Этого не случится, - сказал голос Вэнди.

- Почему нет? - спросил Тэо.

- Подумайте об этом, ребят. Вам понадобятся недели для подготовки попытки воссоздания эксперимента; в конце концов, всех снова нужно будет предупредить в целях безопасности. А нейтрино же почти невесомы. Они передвигаются через пространство фактически со скоростью света. Невозможно узнать заранее, что они собираются прибыть, и, так как первый обратный взрыв длился не больше трех минут – он закончился к моменту, когда мой датчик начал снова писать - вам никогда не обнаружить последующего выброса, а в случае его начала, у вас будет только три, а то и меньше, минут для запуска вашего ускорителя.

- Черт, - сказал Тэо. - Черт возьми.

- Прости, у меня нет лучших новостей, - сказала Вэнди. - Слушай, у меня встреча через пять минут - я должна идти.

- Ок, - ответил Тэо. - Пока.

- Пока.

Тэо отключил громкую связь на телефоне и посмотрел на Ллойда. "Невоспроизводимо, - сказал он. - Миру это не подходит". Он подошел к стулу и сел.

- Черт, - произнес Ллойд.

- И ты мне это говоришь, - сказал Тэо. - Знаешь, теперь, когда мы знаем что будущее изменяемо, я уже не так волнуюсь, ну, об убийстве, но все же, я бы с радостью *кое на что* взглянул, ну ты понимаешь. На что-нибудь. Я чувствую, Боже, я чувствую, что меня не учли, понимаешь? Как будто все на планете видели главный космический корабль, а я в это время ходил по-маленькому.

БАК теперь ежедневно проводил столкновения ядер атомов свинца с энергией 1150 ТэВ. Некоторые из них были давно запланированными экспериментами и сейчас возобновлёнными; другие были частью постоянных попыток найти подходящее теоретическое обоснование временному смещению. Тэо сделал перерыв в просмотре компьютерных логов ALICE и CMS, чтобы проверить почту. "Объявлен ещё один лауреат Нобелевской премии", – сообщал заголовок первого сообщения.

Конечно, Нобелевские премии давались не только в физике. Пять других премий присуждались каждый год, о которых объявлялось на протяжении нескольких дней: по химии, по физиологии или медицине, по экономике, по литературе и за поддержку мира на Земле. Единственной по-настоящему интересующей Тэо была премия по физике, хотя он немного интересовался и наградой по химии. Он нажал на заголовок сообщения, чтобы узнать, о чём оно.

Оно было о премии не по химии, а по литературе. Он уже хотел предать сообщение забвению, когда его взгляд упал на имя лауреата.

Анатолий Королёв. Российский романист.

Конечно, после того, как Ченг в Торонто пересказал своё видение Тэо, упомянув какого-то Королёва, Тэо провёл исследование по этой фамилии. Она оказалась удручающе распространённой и удивительно непримечательной. Никто с такой фамилией не казался хотя бы отчасти знаменитым или важным.

Но теперь кто-то по фамилии Королёв получил Нобелевскую премию. Тэо незамедлительно подключился к *Британика Онлайн*; у ЦЕРН был неограниченный доступ к этой энциклопедии. Статья об Анатолии Королёве была короткой:

Королёв, Анатолий Сергеевич. Российский романист и полемист, родился 11 июля 1965 года в Москве, в бывшем СССР...

Тэо нахмурился. Парень-жертва был на год моложе Ллойда, во имя всего святого. Разумеется, никому не пришлось повторить экспериментальные результаты, обрисованные в романе. Тэо продолжил чтение:

Первый роман Королёва *"Перед восходом солнца"* ("Before Sunrise"), опубликованный в 1992 году, повествовал о первых днях после распада Советского Союза; главный герой, молодой Сергей Долонов, разочаровавшийся сторонник Коммунистической Партии, проходит через серию трагикомических этапов взросления, пытается понять перемены в своей стране, в итоге становится успешным деловым человеком в Москве. Другими романами Королёва были *"На куличках"* ("At the World's End"), 1995 год; *"Обыкновенная история"* ("A Common Story"), 1999 год; *"Москвитянин"* ("The Muscovite"), 2006 год. Из них только *"На куличках"* был опубликован на английском языке.

Автор, несомненно, получил бы неплохую рекламу при следующем выпуске, подумал Тэо. Ему стало интересно, читал ли Дим этого парня, когда изучал европейскую литературу.

Мог ли это быть Королёв, упоминающийся в видении Ченга? Если так, что может его связывать с Тэо? Или в таком случае с Ченгом, чьи интересы казались больше коммерческими, нежели литературными?

Мичико и Ллойд гуляли по улицам Сен-Жени, держась за руки, наслаждаясь тёплым вечерним бризом. После нескольких сотен метров, пройденных в молчании, Мичико остановилась. "Думаю, я знаю, что пошло не так".

Ллойд посмотрел на неё с вопросом на лице.

- Подумай о том, что произошло, – сказала она. - Вы разработали эксперимент для получения бозона Хиггса. При первом прогоне вы, однако, его не получили. И почему нет?

- Приток нейтрино с Сандулика, – ответил Ллойд.

- Да? Это действительно могло стать частью того, что вызвало смещение времени, но как это могло помешать созданию бозона?

Ллойд пожал плечами. "Ну, это... это.. хм, хороший вопрос".

Мичико покачала головой. Они возобновили прогулку. "Это никак не могло повлиять. Я не сомневаюсь, что имел место приток нейтрино во время проведения первоначального эксперимента, но это не могло сорвать получение бозонов Хиггса. Бозоны *должны были* быть получены".

- Но не были.

- Точно, – сказала Мичико. - Но не было никого, кто мог наблюдать их. Почти три минуты на Земле не было ни одного разума в сознательном состоянии, фактически некому было наблюдать создание бозона Хиггса. И не только это, никто не был в состоянии наблюдать *хоть что-то*. Поэтому все видеозаписи кажутся пустыми. Они *кажутся* пустыми, как будто на них нет ничего, кроме электронных помех. Но предположим, это не помехи, предположим, камеры напротив тщательно записали, что они видели: не определившийся мир. Весь мир, вся планета Земля - не определившиеся. Без компетентных наблюдателей – когда сознание *всех* находится где-то в другом месте – квантовой механике невозможно решить, что происходит. Невозможно выбрать между возможными реальностями. Те плёнки показывают ниспадающий волновой фронт, вид статической неопределённости – наложение всех возможных состояний.

- Сомневаюсь, что наложение волнового фронта похоже на помехи.

- Что ж, возможно это не подлинная картина; но, независимо является ли она такой или нет, ясно, что вся информация, о трехминутном промежутке, так или иначе, была подавлена; физика происходившего, воспрепятствовала любой регистрации данных в течение того периода. Без какого-либо где-либо находящегося живого существа, наша реальность рушится.

Ллойд нахмурился. "Мог ли он в этом ошибаться? Транзакционная интерпретация Крамера учитывала все в квантовой механике без обращения к компетентным наблюдателям ..., но возможно у таких наблюдателей *имелась* своя роль". "Возможно, - сказал он. - Но - нет, нет, это не может быть так. Если все было нерешенным, тогда как произошли несчастные случаи? Авария самолета - вот решение, одна возможная вероятность".

- Конечно, - сказала Мичико. - Это были не три минуты, в течение которых и самолеты и поезда и машины и конвейерные линии работали без человеческого вмешательства. Скорее всего, это были три минуты, в течение которых ничего не было решено - все существующие возможности сложились в мерцающую белизну. Но с истечением тех трех минут, вернулось сознание, и мир снова сложился в единый вариант. И, к сожалению это было неизбежно, потребовался тот вариант, который больше всех имел смысл, при условиях трехминутного отсутствия сознания: решением оказался тот мир, в котором разбились самолеты и автомобили. Но в течение тех трех минут не было никаких аварий; их вообще никогда не было. Мы просто сделали скачок из того что было в то что стало.

- Это... это безумно, - сказал Ллойд. - Это принятие желаемого за действительное.

Они прошли паб. Громкая музыка с французскими песнями, слышалась через тяжелую закрытую дверь. "Нет, не так. Это квантовая физика. А результат тот же самый: люди также мертвы или покалечены, словно несчастные случаи на самом деле имели ме-

сто. Я не предполагаю, что существует множество вариантов, как бы я этого сильно не желал".

Ллойд сжал руку Мичико, и они продолжили идти вверх по дороге в будущее.

Книга III

ДВАДЦАТЬ ОДИН ГОД СПУСТЯ ОСЕНЬ 2030

Упущенное время не вернуть назад

-- Джон Х. Аугхей

28

Время идет, вещи меняются.

В 2017 команда из физиков и исследователей мозга, большей частью выходцы из Стэнфорда, разработали полную теоретическую модель смещения времени. Квантово-механическая модель человеческого разума, предложенная Роджером Пенроузом тридцатью годами ранее, в целом оказалась правдой, даже если у Пенроуза было много ошибок в деталях; наверно, не было неожиданностью то, что достаточно значительный эксперимент квантовой физики может повлиять на сознание.

Тем не менее, нейтрино также являлись ключевой частью этого. Об этом известно с 1960-тых, когда по какой-то причине Солнце выплеснуло только половину того количества нейтрино, которое должно было... знаменитая "проблема солнечных нейтрино".

Солнце раскалилось под действием синтеза водорода: четыре ядра водорода - каждое из одного протона - собрались вместе, чтобы сформировать ядро гелия, состоящего из двух протонов и двух нейтронов. В процессе преобразования двух исходных протонов водорода в нейтроны должны были высвободиться два нейтрино электронов... но, каким-то образом, один из двух нейтрино электронов, которые должны были достичь Земли, исчезали, так и не сделав этого, почти как, если бы они были как-то подвергнуты цензуре, почти как, если бы Вселенная знала, что квантово-механические процессы, лежащие в основе сознания были неустойчивы, если присутствует слишком много нейтрино.

В 1998 году обнаружили, что нейтрино имеют малозначительную массу, что сделало вероятным давнишнее возможное решение "проблемы солнечного нейтрино": если нейтрино имеют массу, теория предположила, что они, возможно, могут менять виды по ходу движения, давая понять примитивным датчикам, что они исчезли. Но Нейтринная обсерватория в Садбери, способная обнаружить все типы нейтрино, продолжала показывать, что число нейтрино, достигнувших Землю, заметно меньше числа испущенных.

Веский антропный принцип гласит, что вселенной нужно было дать начало жизни, а Копенгагенская интерпретация квантовой физики - что для этого требуются наблюдатели; учитывая то, что теперь было известно о взаимодействии нейтрино и сознания, проблема солнечного нейтрино, оказалась свидетельством того, что вселенная на самом деле прилагала усилия для благоприятствования существованию таких наблюдателей.

Разумеется, случались и редкие внесолнечные выбросы нейтрино, но под нормальными обстоятельствами они могли быть допустимы. Но когда обстоятельства *не были* нормальными – когда наплыв нейтрино объединился с условиями, не существовавшими с тех пор, как закончился Большой Взрыв, – произошло смещение времени.

В 2018 году Европейское Космическое Агентство запустило зонд *Кассандра* к Сандулику -69°202. Конечно, чтобы достичь Сандулика потребовались бы миллионы лет, но это было неважно. Всё, что было важно сейчас, в 2030 году, это то, что *Кассандра* была в

2,5 триллионов километров от Земли и на 2,5 триллионов километров ближе к остаткам сверхновой 1987А, расстояние, на преодоление которого свету и нейтрину понадобится три месяца.

На борту *Кассандры* было два инструмента. Один был детектором света, нацеленным прямо на Сандулик; другой был недавним изобретением - тахионным излучателем - нацеленным на Землю. *Кассандра* не могла обнаружить непосредственно нейтрино, но если Сандулик выйдет из состояния коричневой дыры, то испустит свет вместе с нейтрино, и свет будет легко увидеть.

В июле 2030 года свет от Сандулика был обнаружен *Кассандрой*. Зонд немедленно запустил пучок тахионов с ультранизкой энергией (и, следовательно, с ультравысокой скоростью) по направлению к Земле. Сорока тремя часами позже тахионы прибыли туда, активировав сигнализацию.

Вдруг, спустя двадцать один год после первого смещения времени, люди Земли за три месяца получили уведомление о том, что, если они хотят ещё раз посмотреть будущее, это действительно можно осуществить с приемлемыми шансами на успех. Конечно, следующая попытка должна быть предпринята в тот момент, когда нейтрино Сандулика начнут проходить сквозь Землю, и не могло быть совпадением, что это будет в 19:21 по Гринвичу в среду, 23 октября 2030 года, точное начало двухминутного отрезка времени, показанного в прошлых видениях.

ООН обсудила этот вопрос с удивительной скоростью. Некоторые думали, что, так как настоящее получилось непохожим на то, что изображали первые видения, люди могут решить, что новые видения будут неуместны. Но в действительности, общее решение было как раз обратным - почти все хотели еще раз заглянуть в будущее. Эффект Эбинейзера все еще был в силе. И, конечно, существовало целое поколение молодых людей, родившихся после 2009 года. Они чувствовали себя обделенными и требовали шанса получить то, что уже испытали их родители: быстрый взгляд в их предполагаемое будущее.

Как и раньше, ЦЕРН был ключом к открытию будущего. Но шестидесяти шестилетний Ллойд Симко не являлся частью повторения опыта. Он ушел в отставку два года назад и отказался вернуться в ЦЕРН. Хотя Ллойд и Тэо, в самом деле, разделили Нобелевскую премию. Произошло это в 2024 году, да и дали ее не в честь чего-то, связанного со сдвигом во времени, или бозоном Хиггса, а скорее из-за их общего изобретения Тахионно-Тардионного Коллайдера, настольного устройства, которое обанкротило огромные ускорители частиц, использующиеся от TRIUMF до Фермилаб и ЦЕРН. Большая часть ЦЕРН сейчас была заброшена, несмотря на то, что оригинальный Тахионно-Тардионный Коллайдер располагался в кампусе ЦЕРН.

Может быть из-за того, что брак Ллойда и Мичико распался спустя десять лет, Ллойд не хотел вмешиваться в попытку воспроизведения первоначального эксперимента. Да, у Ллойда и Мичико родилась дочь, но всегда глубоко в душе, даже сначала ей и не признанное, у Мичико было чувство, что Ллойд каким-то образом *ответственен* за смерть ее первой дочери. Без сомнения она сама себе удивилась, когда во время их с Ллойдом ссоры впервые вырвалось это обвинение. Но это случилось.

В том, что Ллойд и Мичико любили друг друга, не было сомнений, но они, в конечном счете, решили, что просто не могут жить с таким грузом дальше. В конце концов, это был безболезненный развод, не такой, как и родителей Ллойда. Мичико вернулась в Японию вместе с их дочерью Джоан; Ллойд навещал ее раз в год, на Рождество.

Отсутствие Ллойда на воссоздании первоначального эксперимента не было критичным, хотя его помощь стала бы реальным активом. Сейчас он был счастлив в повторном браке - и да, это была Дорин, женщина, которую он видел в своем видении, и да, они владели домиком в Вермонте.

Джейк Хоровитц, который уже давно оставил ЦЕРН, чтобы работать в TRIUMF со своей женой Карли Томпкинс, согласился вернуться на три месяца. Карли также приехала с Джейком, и им приходилось выносить мягкие насмешки людей, спрашивающих, какие лаборатории ЦЕРН они собираются озаглавить собой. Они были женаты уже восемнадцать лет и имели трех чудесных ребятишек.

Тэодосий Прокопидес и около трех сотен других людей все еще работали в ЦЕРН, обслуживая ТТК. Тэо, Джейк, Карли, и избранный состав вступили в гонку со временем, чтобы спустя пять лет бездействия снова запустить Большой Адронный Коллайдер перед тем, как нейтрино Сандулика начнут прибывать.

29

Сорока восьмилетний Тэо, был в восхищении от того, что реальность 2030 года оказалась отличной от того, что рисовали видения 2009 года. Со своей стороны, он отращивал прекрасную, густую бороду, прикрывающую его выступающую челюсть (и спасающую его от возможности выглядеть так, будто ему нужно снова побриться к полудню). Юный Гельмут Дрэшер говорил, что видел подбородок Тэо в своем видении; борода была одним из маленьких утверждений его свободы воли.

Однако, поскольку дата повторения эксперимента приближалась, Тэо стал опасаться все больше и больше. Он пробовал убедить себя, что это была боязнь в очередной раз подвести целый мир, если что-то пойдет не так, но БАК, казалось, работал в совершенстве, и таким образом он должен был признать, что дело было совсем не в этом.

Нет, он нервничал по поводу другого - факта, что день, который показали видения 2009 года и в который он должен был умереть, приближался достаточно быстро.

Тэо понял, что не может ни есть, ни спать. Если бы он смог определить, кто именно был тем человеком, который стремился убить его первым, тогда, возможно, было бы немного легче - все что ему требовалось бы - это избегать его. Но он и понятия не имел кто спустил/ спустил бы/ мог бы спустить курок.

Наконец, неизбежно наступил понедельник, 21 октября 2030 года, дата, которую, по крайней мере, в одной из версий реальности, высекали лазером на его надгробии. Этим утром Тэо проснулся в холодном поту. В ЦЕРН было полным-полно работы - до удара нейтрино с Сандулика оставалось только два дня. Он пытался выкинуть все это из головы, но даже после того, как добрался до офиса, понял, что не способен сконцентрироваться.

И когда на часах было чуть более 10:00, он больше не мог этого вынести. Тэо покинул центр управления БАК, надев, как и всегда, бежевую кепку козырьком вперед и зеркальные солнечные очки. На улице было не особо солнечно, да и температура была прохладной, а половина неба была покрыта облаками. Но теперь больше никто не выходил наружу с непокрытой головой и незащищенными глазами. Хотя истощение озонового слоя и было, в конце концов, остановлено, ничего эффективнее кроме этого еще не придумали.

Солнце отсвечивало от снежных вершин Юрских гор. На автомобильной парковке стоял автобус "Глобус Гетевэй"; обычно заброшенный ЦЕРН не был отмечен привлекательным числом звездочек в *Путеводителе Мишлен*, конечно из-за шума, окружающего повторение опыта, никаким туристам в любом случае не разрешали здесь находиться. Этот автобус был заказан для того, чтобы привезти толпу журналистов от аэропорта; они прилетели, чтобы сделать репортаж о подготовке повторного эксперимента.

Тэо подошел к своему автомобилю, красному "форду октавия" - хорошему, практичному транспортному средству. Он провел свою юность, играя с ускорителями частиц

стоимостью в миллиарды долларов; ему вряд ли нужна была причудливая машина, чтобы установить себе цену.

Автомобиль узнал его, как только Тэо подошел, он кивнул, давая понять, что хочет войти внутрь. Боковая дверь водителя соскользнула в крышу. Вы все еще можете покупать машины с дверьми, откидывающимися наружу, но на парковках в большинстве городских центрах с дверьми, не требующими дополнительного пространства, намного удобнее.

Тэо залез в машину и сказал ей, куда хочет направиться. "В это время дня, - произнес автомобиль приятным мужским голосом, - будет быстрее через улицу Мейнард".

- Отлично, - сказал Тэо. - Ты поведешь.

Машина послушалась, поднялась над землей и отправилась в путь. "Музыку или новости?" - спросил автомобиль.

- Музыку, - ответил Тэо.

Машина наполнилась мелодией популярной корейской группы - одними из любимых музыкальных исполнителей Тэо. Но музыка только немного его успокоила. Черт возьми, он знал, что не должен был находиться здесь в Швейцарии, но Большой Адронный Коллайдер все еще оставался самым большим прибором своего рода в мире; до изобретения ТТК все периодические попытки возродить проект Сверхпроводящего Суперколлайдера, убитого американским Конгрессом в 1993 году, терпели неудачу. И управление, и ремонт ускорителей частиц стало умирающим искусством. Большинство из тех, кто строил исходный ускоритель БЭП - первый, установленный в гигантском подземном туннеле ЦЕРН - были либо мертвы, либо в отставке, и только несколько из тех, кто был связан с БАК, впервые запущенным четверть века назад, все еще занимались подобной работой. Так что опыт и знания Тэо были необходимы в Швейцарии. Но будь он проклят, если собирается стать легкой добычей.

Автомобиль остановился снаружи здания места назначения, требуемого Тэо - Главного Управления полиции Женевы. Это было старое здание - ему было более ста лет, на самом деле не смотря на то, что двигатели внутреннего сгорания и запретили на машинах, выпущенных после 2021 года, на постройке все еще была видна грязь автомобильных выхлопов, накопленная десятилетиями; его следовало бы как-нибудь почистить пескоструйным аппаратом.

- Открой, - сказал Тэо. Дверь скрылась в потолке.

- Нет ни одного свободного парковочного места в радиусе пятисот метров - сказала машина.

- Тогда продолжай двигаться вокруг квартала, - сказал Тэо. - Я скажу, когда меня нужно будет подобрать.

Машина чирикнула в знак согласия. Тэо надел кепку и очки и вышел из автомобиля. Он пересек тротуар, поднялся по ступенькам и вошел в здание.

- *Bonjour*, - сказал крупный блондин, сидящий за столом. - *Je peux vous aider*²⁰

- *Oui*, - ответил Тэо. - *Detective Helmut Drescher, s'il vous plait*.²¹ - Юный Гельмут Дрэшер уже был детективом; Тэо с праздным ему любопытством проверил это несколько месяцев назад.

- Мута нет, - сказал человек, все еще говоря по-французски. - Кто-нибудь еще сможет помочь?

Тэо почувствовал, как его сердце упало. Дрэшер, по крайней мере, мог понять, но объяснять все совершенно незнакомому человеку... "Я надеялся увидеть детектива Дрэшера, - сказал Тэо. - Как скоро вы ожидаете его возвращения?"

²⁰Здравствуй, -...- Чем могу помочь? (фр.)

²¹Да, - ... - Будьте добры детектива Гельмута Дрэшера. (фр.)

- На самом деле не - о, могу сказать, должно быть у вас счастливый день. Вон там Мут.

Тэо обернулся. Двое мужчин приблизительно одного возраста входили в здание; Тэо не знал, кто из них мог бы быть Дрэшером. "Детектив Дрэшер?" - вопросительно сказал он.

- Это я, - сказал мужчина справа. Гельмут вырос в красивого мужчину со светло-коричневыми волосами, с крепкой квадратной челюстью и яркими синими глазами.

- Как я и сказал, - сказал дежурный офицер за спиной Тэо. - У вас удачный день.

"Только, если я переживу его", - подумал Тэо. "Детектив Дрэшер, - сказал Тэо. - Мне необходимо поговорить с вами".

Дрэшер повернулся к другому человеку, с которым вошел. "Я подойду к тебе позже, Фриц", - сказал он. Фриц кивнул и пошел вглубь здания.

Дрэшер не показал ни единого знака, что узнает Тэо. Конечно, прошел двадцать один год с момента их последней встречи, и, хотя СМИ достаточно активно освещали наступавшую попытку повторить сдвиг времени, Тэо в последнее время был слишком занят, чтобы выступать по телевидению; он предоставил это Джейку Хоровитцу.

Дрэшер вел Тэо к внутренним дверям; он был одет в штатское, но Тэо не мог не заметить, что тот носил достаточно хорошую обувь. Дрэшер прислонил руку к устройству для считывания отпечатков ладони, и спаренные двери распахнулись внутрь, позволяя им войти в помещение для инструктажа. Флэтси - электронные планшеты, компьютеры, толщиной с лист бумаги - на некоторых столах были сложены стопкой и разбросаны на других. Одна из стен полностью представляла собой карту с изображением транспортного движения Женевы, управляемого компьютером, с каждым индивидуально отслеживаемым транспортным средством. Тэо посмотрел, сможет ли он найти свой собственный автомобиль,двигающийся вокруг здания; но оказалось, что он был не единственным, кто сейчас это делал.

- Присаживайтесь, - сказал Дрэшер, указывая на стул напротив его стола. Он взял из стопки флэтси и положил его между собой и Тэо. - Не возражаете, если я буду записывать? - спросил он. Слова на французском языке, немедленно отобразились в виде текста на флэтси, с атрибутивными признаками говорящего "Г. Дрэшер".

Тэо качнул головой. Дрэшер указал на флэтси. Тэо понял, что хотел устного разговора. "*Nem*", - сказал он. Флэтси в надлежащем порядке это записал, а напротив имени ответившего, поставил светящийся знак вопроса.

- А вы?

- Тэодосий Прокопидес, - сказал Тэо, ожидая, что его имя покажется Дрэшеру знакомым.

Наконец, флэтси записал - на самом деле, Тэо увидел, как на листке появилось окошко, показывающее правильное написание его имени с использованием греческого алфавита и кратким содержанием биографии Тэо. Атрибутивные признаки для сказавшего "*Nem*" и формулировка его имени тут же изменились на "Т. Прокопидес."

- Чем могу быть вам полезен? - спросил все еще не помнящий Дрэшер.

- Вы же не знаете, кто я, да? - сказал Тэо.

Дрэшер покачал головой.

- А... в последний раз, когда мы с вами виделись, у меня не было бороды.

Детектив всматривался в лицо Тэо. "Ну, я - о! Боже мой! Это же вы!"

Тэо опустил взгляд. Флэтси сделал работу, достойную похвалы, он выделил знаками препинания взволнованную речь детектива. Когда он поднял глаза, то увидел, как лицо детектива пошло красками.

- *Oui*, - сказал Тэо. - *C'est moi*.²²

²² Да, - ... - Это я. (фр.)

- *Mon Dieu*²³, – сказал Дрэшер. - Как же это преследовало меня годами. - Он покачал головой. - Знаете, с тех пор я видел много вскрытий и много трупов. Но ваш... увидеть такое, когда ты ещё ребёнок. - Он содрогнулся.

- Простите, – сказал Тэо. Он замолчал на мгновение, а потом спросил. - Вы помните меня, пришедшего увидеть вас сразу после того видения? В доме ваших родителей, в том, где была большая лестница?

Дрэшер кивнул. "Я помню. Напугался до смерти".

Тэо слегка пожал плечами. "Простите и за это тоже".

- Я пытался выкинуть то видение из памяти, – сказал Дрэшер. - Все эти годы я пытался не думать о нём. Но, знаете, оно всё равно возвращалось. Даже после всего, что я повидал, та картина преследует меня.

Тэо улыбнулся извиняясь.

- Это не ваша вина, – сказал Дрэшер, сделав рукой извиняющий жест. - О чём было ваше видение?

Тэо был удивлён вопросом; Дрэшер всё никак не мог связать труп из видения с человеком из реальности, сидящим перед ним. "Ни о чём", – ответил Тэо.

- А, да, правильно, – смущённо сказал Дрэшер. - Извините.

На несколько мгновений между ними повисла неловкая пауза, а затем Дрэшер снова заговорил: "Вы знаете, это было не совсем плохо. Я имею в виду то видение. Оно заинтересовало меня в работе полицейского. Не знаю, записался бы я в академию, если бы у меня не было того видения".

- Как давно вы в полиции? – спросил Тэо.

- Семь лет, последние два года как детектив.

Тэо не имел понятия, быстрое это было повышение или нет, но он произвёл вычисления относительно возраста Дрэшера. Он не мог иметь университетскую степень. Тэо провел слишком много времени среди академиков и учёных; он всегда боялся нечаянно сказать что-нибудь высокомерное тем, кто не пошёл дальше средней школы. "Это хорошо", – предположил он.

Дрэшер пожал плечами, но затем нахмурился и покачал головой. "Вы не должны быть где-либо *поблизости* отсюда. Господи, вас не должно быть в Европе вообще. Вы должны быть убиты в Женеве или рядом, или не я буду проводить полицейское расследование. Если бы у меня было видение, что я буду убит в этот день, можете держать пари, я был бы в Китае или на Гавайях".

Теперь была очередь Тэо пожать плечами. "Я не хотел быть здесь, но у меня нет выбора. Я говорил вам, что работаю в ЦЕРН. Я был частью команды, которая проводила эксперимент на Большом Адронном Коллайдере двадцать один год назад. Они нуждаются во мне, чтобы повторить его послезавтра. Поверьте, если бы в этом вопросе у меня был выбор, я *был бы* где-то в другом месте".

- Вы не занимаетесь боксом, так?

- Нет.

- Потому что в моём видении...

- Знаю, знаю. Вы сказали, я был убит во время боксёрского боя.

- Мой отец, он постоянно смотрел бокс по телевизору, – сказал Гельмут. - Думаю, странный спорт для продавца обуви, но ему нравилось. Я смотрел вместе с ним, даже будучи маленьким ребёнком.

- Послушайте, – сказал Тэо, – вы знаете, как никто другой, что я действительно в опасности. Поэтому я и пришёл к вам. - Он сглотнул. - Мне нужна ваша помощь, Гельмут. Мне нужна полицейская охрана. С этого момента и до тех пор, пока не повторится эксперимент через... - Он взглянул на настенные часы, приклеенный скотчем флэтси с пятна-

²³ Боже мой. (фр.)

дцати сантиметровыми цифрами, святающимися на его поверхности - ... через пятьдесят девять часов.

Дрэшер показал на все другие флэтси, разбросанные по его столу. "У меня много работы".

- Пожалуйста. Вы же знаете, что может произойти. Многие люди не работают в эту среду, знаете, чтобы они были дома в безопасности при повторном смещении времени. Мне даже неловко просить, но вы бы могли использовать это время, чтобы наверстать упущенное сегодня и завтра.

- У меня нет выходного в среду. - Он показал на других людей в комнате. - Ни у кого из нас, на случай, если что-то пойдёт не так. - Он помолчал. - Есть мысли, кто мог бы застрелить вас?

Тэо покачал головой, потом, взглянув на записывающий флэтси, сказал: "Нет. Ни одной. Я ломал голову двадцать один год, пытаюсь выяснить это, пытаюсь определить, кого я мог настолько разозлить, что они захотели моей смерти, или кто мог получить выгоду, убрав меня. Но нет никого".

- Никого?

- Ну, вы знаете, это сводит с ума, делает параноиком. Что-то вроде этого... заставляет подозревать каждого. Правда, одно время я думал, может мой старый партнёр, Ллойд Симко сделал это. Но я разговаривал с Ллойдом только вчера; он в Вермонте и не планирует приезжать в Европу в ближайшем будущем.

- Это всего лишь - сколько же? - трёхчасовой полёт, если он сядет на сверхзвуковой самолёт, - сказал Дрэшер.

- Я знаю, знаю. Но я на самом деле уверен, это не он. Но где-то *есть* кто-то... как вы это говорите? Какой фразой? Некая неизвестная личность или личности, которые могут действительно совершить покушение на мою жизнь сегодня. И я прошу вас - пожалуйста, умоляю вас - не дать этой личности или личностям добраться до меня.

- Где вам нужно быть сегодня?

- В ЦЕРН. Или в моём кабинете в центре управления БАК, или внизу в туннеле.

- В туннеле?

- Да. Вы, должно быть, слышали о нём: у ЦЕРН есть туннель, окружностью в двадцать семь километров и лежащий на сотне метров под землёй; гигантское кольцо, знаете ли? Там и расположен БАК.

Дрэшер закусил на мгновение нижнюю губу. "Дайте мне поговорить с капитаном", - сказал он. Он встал, пересёк комнату и постучал костяшками пальцев в дверь. Дверь скользнула в сторону, и Тэо смог увидеть суровую темноволосую женщину внутри. Дрэшер зашёл, и дверь закрылась за ним.

Казалось, его не было вечность. Тэо нервно осмотрелся. На столе Дрэшера была голограмма молодой женщины, которая могла быть его женой или девушкой, а также взрослых мужчины и женщины. Тэо узнал взрослую женщину: фрау Дрэшер. Предположив, что это недавний снимок - и, да, он должен быть таким; цены на голокамеры были вне досягаемости честным полицейским до последней пары лет, - десятилетия были добры к ней. Она была все ещё очень привлекательной женщиной, изображение позволяло увидеть её седые волосы.

Наконец, дверь в дальнем конце комнаты открылась опять, и детектив Дрэшер вышел. Он пересёк занятую работой комнату отделения и вернулся к своему столу. "Извините, - сказал он, садясь на место. - Если кто-то будет угрожать вам или что-то..."

- Позвольте мне поговорить с вашим капитаном.

Дрэшер фыркнул. "Она не примет вас; в половине случаев она даже меня не принимает. - Он смягчил свой голос. - Мне жаль, мистер Прокопидес. Послушайте, просто будьте осторожны, и всё".

- Я думал вы - именно вы из всех людей - поймёте.

- Я просто полицейский, - сказал Дрэшер. - Я выполняю приказы. - Он сделал паузу, и в его голосе послышались хитрые нотки. - К тому же, прийти сюда, возможно было огромной ошибкой. Я имею в виду, что если это я застрелил вас первым? Разве Агата Кристи не писала об этом, когда детектив оказывается убийцей? Какова ирония, вы приходите ко мне, не находите?

Тэо поднял брови. У него сильно забилося сердце, и он не знал, что сказать. Господи Иисусе, его застрелили из глока, оружия, которым пользуются полицейские во всем мире...

- Не волнуйтесь, - произнес, усмехаясь, Дрэшер. - Я просто шучу. Подумал, что у меня есть право вас напугать, учитывая то, что вы мне сделали много лет назад. - Он вытянул руки и пару раз ударил указательными пальцами, чтобы стереть последние строчки записи из флэтси.

- Удачи, мистер Прокопидес. Как я и сказал, будьте осторожны. Для миллиардов людей будущее обернулось не таким, каким его рисовали видения. Мне не следовало бы вам этого говорить, вы же ученый и все такое, но на самом деле, не очень-то хорошо думать, что именно ваше видение сбудется.

Тэо воспользовался сотовым, чтобы вызвать свою машину, и когда она приехала, он в нее сел.

Дрэшер, несомненно, был прав. Тэо почувствовал смущение из-за своего приступа паники; возможно дурной сон накануне в купе с беспокойством о предстоящем повторе эксперимента, на него так действовали. Он попытался расслабиться, рассматривая ландшафт, так как машина везла его обратно в центр управления БАК. Туристический автобус все еще был там. Это вызвало у него небольшую ностальгию. Автобусы "Globus Gateway" ездили, разумеется, по всей Европе. Он никогда не участвовал ни в одном из туров, но, как и полагается похотливому подростку, он и парочка его друзей постоянно наблюдали за ними в июле и августе. Североамериканские девочки, в поисках летних приключений, частенько путешествовали на таких автобусах; Тэо провел не один романтический вечер с американской школьницей, когда был тинэйджером.

Приятные воспоминания сменились печальными, он подумал о доме, об Афинах. С момента похорон Дима, он приезжал туда дважды. Почему он не уделил больше времени родителям? Тэо позволил машине найти свободное место. Он вышел и направился к центру управления БАК.

- О, Тэо, - произнес Джейк Хоровитц, шедший из другого конца по мозаичному полу коридора. - Я пытался связаться с тобой. Звонил тебе в машину, но она сказала, что ты арестован или что-то в этом роде.

- Веселенькая машинка, - сказал Тэо. - Вообще-то, я навещал... навещал кое-кого, кого считал своим старым приятелем.

- Что-то случилось с БАК и Джиггс не знает, как это починить.

- А?

- Да, что-то с одним из блоков криостата, номер 440, в третьем октанте.

Тэо нахмурился. Прошли годы с тех пор, как БАК работал на полную мощь. Джиггс, тридцати четырех лет, был главой отдела эксплуатации; фактически он никогда не видел коллайдера, который использовал энергию порядка 14ТэВ.

Тэо кивнул; управление криостатом было известно своей привередливостью. "Пойду взгляну." В те времена, когда у ЦЕРН было три тысячи сотрудников, Тэо не приходилось спускаться в туннель БАК одному, но с нынешней командой, это казалось лучшим способом распределить ограниченные людские ресурсы, и, ну, в общем, это было вероятно самое безопасное из возможных мест: разумеется, только сумасшедший смог бы достичь цели в кампусе ЦЕРН, охотясь за Тэо, ведь, несомненно злоумышленника останови-

ли бы прежде, чем он смог бы спуститься в туннель. К тому же, никто кроме Джейка и Джиггса, которым он всецело доверял, даже и не знал, что он находился там внизу.

Тэо воспользовался лифтом, чтобы добраться до уровня "минус 100 метров". Воздух в туннеле ускорителя частиц был влажным и теплым, пахло машинным маслом и озоном. Свет был тусклым - голубовато-белое флуоресцентное освещение на потолке подчеркивало равномерно расположенные желтые аварийные лампы, закрепленные на стенах. Пульсирующие звуки оборудования, гул воздушных насосов, и шелканье каблук Тэо по бетонному полу - все отражалось довольно громко. В поперечном сечении, туннель был круглым, за исключением плоского пола, и его диаметр менялся в пределах от 3.8 до 5.5 метров.

Как он и раньше часто поступал, Тэо Прокопидес посмотрел вниз туннеля в одну сторону, затем обернулся и посмотрел в противоположную. Он не был *совершенно* прямым. Хотя и можно было обозреть достаточно приличное расстояние, стены все же заворачивали.

К потолку туннеля была приделана монорельсовая дорога, на которой был подвешен и сам монорельсовый состав; Джиггс оставил его здесь. Монорельс состоял из кабины, достаточной, чтобы выдержать человек, трех вагончиков, скорее предназначенных для груза, нежели пассажиров и второй кабины, развернутой в обратном направлении и располагающейся сзади. Грузовые вагоны были не больше подвесных корзин, сделанных из металла, окрашенного в синий цвет. Каждая кабина была открытым, оранжевым каркасом с фарами, установленными над ее скошенным ветровым стеклом, и широким резиновым бампером, прикрепленным ниже. Ветровые стекла были наклонены под острым углом.

Водитель должен был сидеть с ногами спереди и наружу; кабина не была достаточно высокой, чтобы разместить нормально сидящего человека. Название ORNEX - изготовитель монорельса - красовалось по всей ширине передней стороны кабины. В обе стороны от названия располагались маленькие красные отражатели, а ниже шла широкая полоса с черно-желтыми предупредительными разметками; надо было быть абсолютно уверенным, что кабины будут видны в тусклом туннеле. В 2020 году монорельс был модернизирован; теперь им можно было управлять со скоростью около 60км/час, что означало, что туннель можно было объехать вокруг за тридцать минут.

Тэо взял ящик для инструментов в одном из шкафчиков на стоянке, надел свою желтую каску - даже притом, что он редко спускался в туннель, у него было достаточно высокое положение, чтобы иметь собственную каску. Он разместил ящик для инструментов в одну из грузовых машин, вскарабкался в кабину, которая стояла по направлению, в котором он хотел поехать - по часовой стрелке - и привел поезд в движение, треща далеко в темноте.

Детектив Гельмут Дрэшер пытался продвинуться вперед со своей работой; у него было семь незакрытых дел, где следовало хорошенько покопаться, а капитан Лавуазье требовала хотя бы малейшего прогресса. Но мысли Мута возвращались к положению дел Тэо Прокопидеса. Парень ему показался неплохим; и он очень хотел оказаться ему полезным. Он выглядел слишком хорошо для человека, которому должно быть около пятидесяти лет. Мут нашел флэтси, на котором был записан их разговор; вкладыш с биографическими данными Тэо все еще был на дисплее. Родился 2 марта 1982 года - значит ему уже сорок восемь. Он уже достаточно стар для боксера, к тому же у него не то строение. Может быть в какой-то альтернативной реальности, видения показали, что он являлся тренером или судьей, а не простым борцом. Но нет - явно было что-то не так. У Мута не было визитной карточки, которую Тэо дал ему два десятилетия назад, хотя он и сохранил ее спустя столько времени, и порой на нее поглядывал: там явно было написано ЦЕРН. Так, если он был физиком уже тогда, когда возникли видения в 2009 году, то вряд ли бы он переключился на карьеру в спорте. Но Мут отчетливо помнил свое видение: человек в хала-

те, теперь он точно знал – медицинский эксперт ясно сказал, что Прокопидеса убили в кольце, и –

В кольце.

Что же Прокопидес сказал ему сегодня? Ты должен был это слышать. Под ЦЕРН в ста метрах под землей находится двадцати семи километровый туннель в виде окружности; гигантское кольцо, понятно?

Он был маленьким мальчиком – маленьким мальчиком, который смотрел бокс со своим папой; маленьким мальчиком, который любил фильм *"Рокки"*. Он просто посчитал что фраза "в кольце" означает "на боксерском матче", и впредь не придавал этому другого значения.

Гигантское кольцо, понимаешь?

Черт. Может быть Прокопидес в большой опасности. Мут встал из-за стола и отправился к капитану Лавуазье.

Испорченный блок криостата находился в десяти километрах; монорельсу понадобилось бы около десяти минут, чтобы доставить Тэо туда. Свет от фар кабины монорельса рассекал темноту. По всему туннелю были прикреплены люминесцентные лампы, но было бессмысленно освещать все двадцать семь километров.

Наконец, монорельс прибыл к местоположению неработающего блока криостата. Тэо остановил поезд, вышел, нашел панель управления местным освещением, и включил его на пятьдесят метров впереди и позади себя. Затем он извлек сумку с инструментами и направился к неисправному элементу.

На этот раз капитан Лавуазье согласилась дать Муту разрешение действовать в качестве телохранителя Тэо до конца дня. Мут взял свою обычную непомеченную машину и поехал в ЦЕРН. Он подозревал, что ЦЕРН походил на большинство организаций: сигнал маячка автомобиля сотрудника позволил бы ему автоматически проехать через ворота, но Муту пришлось остановиться и показать свой значок компьютерному охраннику прежде, чем шлагбаум подняли. Он также спросил у компьютера направление; кампус ЦЕРН состоял из множества пустующих строений. Около пяти минут у него ушло, чтобы найти пункт управления БАК. Он позволил автомобилю пристроиться на асфальте и поспешил внутрь.

Привлекательная женщина средних лет с веснушками спускалась по коридору, облицованному рядом мозаик. Мут показал ей свое удостоверение: "Я ищу Тэо Прокопидеса", - сказал он.

Женщина кивнула: "Он был здесь сегодня; давайте посмотрим, сможем ли мы его найти".

Женщина повела за собой вглубь здания; проверила пару комнат, но Тэо, ни в одной из них не оказалась. "Давайте посмотрим у моего мужа в кабинете, - сказала она. - Он работает вместе с Тэо. - Они прошли ещё один коридор и зашли в кабинет. - Джейк, этот мужчина – полицейский. Он ищет Тэо".

- Он внизу в туннеле, – ответил Джейк. - Чёртов криостатный блок в третьем октанте.

- Он может быть в беде, – сказал Мут. - Можете отвести меня к нему?

- В беде?

- В его видении он застрелен сегодня, и у меня есть причины считать, это будет внизу в туннеле.

- Боже мой, – сказал Джейк. - Да, конечно, конечно, я могу отвести вас к нему, и... чёрт! Чёрт возьми, но он наверняка воспользовался монорельсом.

- Монорельсом?

- По кольцу проложен монорельс. Но Тэо в десяти километрах отсюда.

- Есть только один состав?
- Раньше у нас было ещё три, но мы продали их годами ранее. Остался только один.
- Вы можете долететь до дальнего пункта доступа, – сказала женщина. - Там нет дороги, но вы сможете легко перелететь фермерские поля.
- Правильно! Правильно! – воскликнул Джейк. Он улыбнулся своей жене. - Красива и блистательна! - Он повернулся к Муту. - Пошли!

Джейк и Мут быстро прошли по коридорам, через фойе, и вышли на стоянку. "Возьмём мою машину", – сказал Мут. Они уселись, Мут нажал кнопку старта, и автомобиль поднялся над землёй. Он следовал инструкциям Джейка, чтобы выбраться из кампуса. Затем Джейк указал направление через фермерское поле.

Автомобиль полетел.

Тэо осмотрел внутренности криостатного блока. Не удивительно, что Джиггс не смог починить его, он использовал не тот люк. Панель, за которой он работал, оставалась открытой, но потенциометры, из-за которых Джиггс попусту потерял время, были скрыты под другой панелью.

Тэо попробовал открыть дверь, которая отделяла его от нужных органов управления, но она не сдвинулась с места. После многих лет неиспользования в тёмном влажном туннеле дверь очевидно приржавела. Тэо порылся среди своих инструментов, ища что-нибудь, чем можно заставить её открыться, но всё, что у него было, это несколько отвёрток, оказавшихся неподходящими для этой задачи. Что ему действительно было нужно, так это монтировка или что-нибудь похожее. Он выругался по-гречески. Он мог бы вернуться на монорельсе обратно в кампус и взять подходящий инструмент, но это казалось такой потерей времени. Наверняка здесь в туннеле было что-то, что он мог бы использовать. Он посмотрел назад, откуда приехал; но за последние несколько сотен метров он не заметил ничего подходящего, но ведь во время поездки на монорельсе он специально и не искал. Всё же было более логичным продолжить движение в туннеле по часовой стрелке, хотя бы на короткое расстояние, и посмотреть сможет ли он найти что-нибудь, чтобы добраться до цели.

Дальний пункт доступа был старым бетонным бункером посреди рапсового поля. Автомобиль Мута опустил на небольшой проезд, там была подъездная дорога, ведущая в противоположном направлении, и он заглушил двигатель. Он и Джейк вышли наружу.

Был полдень, и, так как был октябрь, солнце было в небе не очень высоко. По крайней мере, пчёлы, представлявшие неудобство летом, отсутствовали. Конечно, на горных склонах были в основном хвойные деревья, но здесь внизу было много лиственных. Листья на многих из них уже поменяли цвет.

- Пошли, – сказал Джейк.

Мут колебался. "Там ведь нет вероятности облучения?"

- И не только когда коллайдер выключен. Это совершенно безопасно.

Когда они подходили к бункеру, пробежал ежик, быстро спрятавшись среди девятосантиметровых побегов рапса. Джейк остановился, не доходя до двери. Это была старомодная дверь на петлях и с засовом. Но дверь была взломана; рядом с бункером в траве лежал лом.

Мут подошёл к двери. "Нет ржавчины, – сказал он, показывая на обнажённый металл там, где засов был сломан. - Это сделано недавно. - Он слегка подтолкнул лом носком своих причудливых туфель. - Трава под ним ещё зелёная; это случилось сегодня или вчера. - Он посмотрел на Джейка. - Внизу хранится что-нибудь ценное?"

- Ценное, да, – ответил Джейк. - Но продаваемое ли? Только если вы знаете о чёрном рынке для устаревшего оборудования физики высоких энергий.

- Говорите, этот коллайдер не использовался в последнее время?

- Нет, уже несколько лет.

- Должно быть, самовольное заселение, – сказал Мут. - Мог бы кто-нибудь жить там внизу?

- Наверно. Было бы холодно и темно, но водонепроницаемо. - У Мута был карман на бедре; он открыл его и вытащил небольшое электронное устройство, которым он поводил над ломом. "Много отпечатков пальцев, – сказал он. Джейк посмотрел; он мог видеть отпечатки пальцев, высветившиеся на экране. Мут нажал несколько кнопок на устройстве. Прошло почти тридцать секунд, и какой-то текст пробежал по экрану. - Нет совпадений в картотеке. Кто бы это ни сделал, он никогда не арестовывался где-либо в Швейцарии или Европейском Союзе. – Он замолк. - Как далеко отсюда Прокопидес?"

Джейк показал. "Около пяти километров в ту сторону. Но должна быть пара хOVER-каров, припаркованных там; мы возьмём один из них".

- У него есть сотовый? Мы можем ему позвонить?

- Он на сотню метров ниже уровня почвы, – сказал Джейк. - Сотовые там не работают.

Они поспешили в бункер.

Тэо прошел по туннелю пару сотен метров и не нашёл ничего, что помогло бы ему заставить открыться дверь криостатного блока. Он оглянулся назад; сам блок исчез за плавным закруглением кольца. Он почти признал поражение и развернулся к монорельсу, когда впереди что-то привлекло его внимание. Кто-то ещё работал рядом с одним из шестиполюсных магнитов. Человек был без каски, что нарушало правила. Тэо подумал окликнуть его, но акустика в туннеле была настолько плоха, что он давно научился не пытаться кричать на любом расстоянии. Что ж, неважно кто это, лишь бы у него был более полный набор инструментов, чем тот, что принёс Тэо.

У Тэо заняло ещё одну минуту, чтобы приблизиться к человеку. Он работал рядом с одним из воздушных насосов, производимый им шум заглушил приближение Тэо. На полу туннеля был приземлён хOVERкар, диск диаметром полтора метра, с двумя одиночными креслами под навесом. ХOVERкары были разработаны для применения на полях для гольфа; их было намного легче использовать на траве, чем старомодные моторизованные тележки.

В старые дни в ЦЕРН были тысячи работников, которых Тэо сразу не узнавал, но теперь, когда было всего несколько сотен, он был удивлён увидеть кого-то, кого он не знал.

- Эй, там, – позвал Тэо.

Человек – худой белый мужчина пятидесяти лет со светлыми волосами и тёмно-серыми глазами – обернулся, явно испугавшись. У него был с собой набор инструментов, но...

Он открыл большую дверцу сбоку воздушного насоса и почти закончил вставлять туда устройство...

Устройство, выглядящее как небольшой алюминиевый чемоданчик, на боку которого был ряд светящихся синих цифр.

Светящихся цифр обратного отсчёта.

30

Ряд шкафчиков тянулся вдоль одной из стен бункера. Джейк взял себе каску и указал Муту, что ему следует сделать то же самое. Внутри был лифт, так же как и ведущая

вниз лестница. Джейк нажал кнопку вызова; они простояли бесконечно много времени в ожидании кабины.

- Кто бы на нем не уехал, он должно быть все еще там внизу, - сказал он. - В противном случае, лифт был бы наверху.

- А он не мог воспользоваться лестницей? - спросил Мут.

- Допустим, но там сотня метров - это эквивалентно тридцатизэтажному офисному зданию. Даже спускаться вниз - достаточно утомительное занятие.

Подъехал лифт, и они вошли внутрь. Джейк нажал кнопку, чтобы привести его в действие. Поездка шла разочаровывающе медленно; спуск к туннельному уровню занял целую минуту. Джейк и Мут вышли из лифта. Здесь находился припаркованный хOVERKAP, и Джейк двинулся к нему. "Разве Вы не говорили, что здесь должно было быть два хOVERKAP?"

- Да, я этого ожидал, - сказал Джейк.

Джейк сел на водительское кресло хOVERKAP, а Мут - на пассажирское. Он включил фары и активизировал винты надземных подушек. Кар всплыл, и они двинулись по направлению против часовой стрелки вдоль туннеля с максимальной скоростью на которую было способно это небольшое транспортное средство.

Вдоль пути туннель распрямлялся на некоторое расстояние; так было возле каждого из четырёх больших детекторов, чтобы избежать излучения синхротрона. В середине прямого участка, они увидели гигантскую пустую камеру высотой двадцать метров, которая использовалась для размещения детектора Компактного Мюонного Солюноида с его 14000 тонным магнитом. В то время когда его строили, КМС стоил более ста миллионов американских долларов. После создания Тахионно-Тардионного Коллайдера, ЦЕРН выставил на продажу детекторы КМС и ALICE, находившийся в такой же камере в другом конце туннеля. Их обоих приобрело японское правительство для использования в Научно-исследовательской организации высокоэнергетических ускорителей КЕК в городе Цукуба. Мичико Комуро руководила здесь демонтажом массивных машин, и повторной сборкой их на своей родине. Звук моторов хOVERKAP отражался эхом в этой огромной камере, достаточной для того, чтобы в ней разместить небольшую многоэтажку.

- Сколько еще осталось? - спросил Мут.

- Не долго, - ответил Джейк.

Они двигались дальше.

Тэо посмотрел на человека, который продолжал сидеть, скорчившись в туннеле напротив воздушного насоса. "*Mein Gott*"²⁴, - тихо сказал человек.

- Вы, - произнес Тэо по-французски. - Кто вы?

- Здравствуйте, доктор Прокопидес, - ответил мужчина.

Тэо расслабился. Если парень знает, кто он, он не может быть нарушителем. Кроме того, он выглядел смутно знакомым.

Мужчина посмотрел в ту сторону туннеля, откуда прибыл. А затем засунул руку внутрь темной кожаной куртки и вытащил пистолет.

Сердце Тэо екнуло. Конечно же, много лет назад, когда маленький Гельмут упомянул о 9-ти миллиметровом глоке, Тэо посмотрел в сети на его изображение. Угловатое полуавтоматическое оружие, сейчас направленное на него, было именно таким пистолетом; его обойма могла вмещать до пятнадцати патронов.

Мужчина посмотрел на пистолет, как будто сам был удивлен увидеть у себя в руке. Затем он слегка дернул плечами. "Кое-что маленькое, что я прихватил из Штатов, там их намного легче достать. - Он сделал паузу. - И, да, я знаю, о чем вы думаете. - Он жестом указал на алюминиевый чемоданчик с голубым светодиодным таймером. - Вы думаете,

²⁴ Боже мой (нем.)

может быть это бомба. А это именно она и есть. Думаю, я мог бы установить её где угодно, но я проделал весь этот путь по туннелю, чтобы найти место, где её никто не найдёт. Внутренности этой машины кажутся подходящим местом".

- Что... - Тэо удивил звук его собственного голоса. Он сглотнул, попытался вернуть себе контроль. - Чего вы пытаетесь достигнуть?

Мужчина снова дернул плечами. "Это должно быть очевидным. Я пытаюсь подорвать ваш ускоритель частиц".

- Но зачем?

Он наставил на Тэо пистолет. "Вы не узнаете меня, не так ли?"

- Вы действительно выглядите знакомо, но...

- Вы навещали меня в Германии. Один из моих соседей связался с вами; мое видение показывало, меня, смотрящего по видеомонитору выпуск новостей о вашей смерти.

- Правильно, - сказал Тэо. - Я помню. - Он не мог вспомнить имя мужчины, но помнил встречу двадцать лет назад.

- А почему вы думаете, я смотрел новости? Почему репортаж о вашей смерти, был единственным, что я перематывал, чтобы посмотреть? Да потому, что я проверял, имелись ли у них какие-либо улики, указывающие на меня. Я никогда никого не планировал убивать, но я убью вас, если придется. В конце концов, это будет честно. Вы убили мою жену.

Тэо начал возражать, что ничего подобного не делал, но тут до него дошло. Да, он вспомнил свой визит к этому человеку. Его жена упала с лестницы на станции метро в момент смещения времени и сломала шею.

- Мы никак не могли знать, что случится, никак не могли этого предотвратить.

- Конечно же, вы могли предотвратить это, - отрезал мужчина - Руш, вот как его звали. Тэо вспомнил его имя - Вольфганг Руш. - Конечно же, могли. Вы не имели права делать то, что делали. Пытаться воспроизвести условия рождения вселенной! Пытаться вытеснить работу Господа по созданию света Божьего! Любопытство, говорят, кошку сгубило. Но это было *ваше* любопытство - и именно моя жена погибла.

Тэо не знал, что сказать. Как вы объясните науку - необходимость, поиски - кому-то, кто, очевидно, является фанатиком? "Слушайте, - сказал Тэо, - где был бы мир, если бы не..."

- Думаешь, я сумасшедший? - спросил Руш. - Ты думаешь, что я псих? - он затряс головой, - Я не псих. - Он залез в задний карман и вытащил бумажник. Он возился одной рукой, чтобы вытащить из него желто-голубую ламинированную карточку, и показал ее Тэо.

Тэо посмотрел на нее. Это было факультетское удостоверение Берлинского университета имени Гумбольдта. "Приглашенный профессор, - заявил Руш. - Доктор химических наук из Сорбонны. - Все правильно - возвращаясь в 2009, мужчина говорил, что преподает химию. - Если бы я знал, какую роль ты в этом сыграл, я бы с тобой не заговорил. Но ты пришел ко мне раньше, чем ЦЕРН придал огласке свою причастность".

- А теперь вы хотите меня убить? - сказал Тэо. Его сердце било с такой скоростью, что он подумал, оно разорвется, и почувствовал, как пот проступил на всем теле. - Это не вернет Вашу жену к жизни".

- О, нет, вернет, - заявил Руш.

Он *спятил*. Черт, почему Тэо один спустился в туннель?

- Не твоя смерть, разумеется, - произнес Руш. - Но то, что я делаю. Да, это вернет Елену. Это все из-за принципа Паули.

Тэо не знал, что сказать; этот мужчина бредил. "Чего?"

- Вольфганг Паули, - сказал Руш, кивая. - Я любил рассказывать своим студентам, что меня называли в честь него, но это не так... меня называли в честь дяди моего отца. - Он остановился. - Принцип Паули первоначально применяли к электронам: два электрона не

могли одновременно занимать один и тот же энергетический уровень. Позже его раскрыли, чтобы включить другие элементарные частицы.

Тэо все это знал. Он пытался скрыть нарастающую панику. "И?"

- И я верю, что принцип запрета также применим к понятию *сейчас*. Все свидетельства в нем: может быть только одно *сейчас* - на всем протяжении человеческой истории, мы все уславливаемся, что данный момент - это настоящее время. Никогда не возникало момента, когда одна часть человечества думала, что они были сейчас, пока другая часть думала, что они были в прошлом, третья - что они - в будущем.

Тэо слегка пожал плечами, не понимая, к чему клонит собеседник.

- Не улавливаешь? - спросил Руш. - Не понимаешь? Когда вы переместили сознание людей на двадцать один год вперед - когда вы передвинули "сейчас" 2009 года в 2030 - "теперь", которое знали люди из 2030 года, должно было сместиться куда-то еще. Принцип запрета! Каждый момент является "теперь" для тех, кто застрял там, - нельзя наложить "теперь" 2009 года на "теперь" 2030 года; два "теперь" не могут существовать одновременно. Когда вы переместили вперед "сейчас 2009-го", "теперь 2030-го" пришлось занять то время. Когда я услышал, что вы собираетесь перезапустить эксперимент в то самое время, которое изобразили первоначальные видения, все встало на свои места. - Он сделал паузу. - Сверхновая Сандулик будет колебаться еще много десятилетий или веков в будущем - разумеется, завтрашняя попытка не последняя. Вы считаете, что человеческое пристрастие увидеть будущее будет удовлетворено одним мимолетным взглядом туда? Конечно же, нет. Мы алчны в наших желаниях. С незапамятных времен, ни одна мечта не была более соблазнительна, чем знание будущего. *Каждый раз* при возможности сдвига восприятия "сейчас", мы будем делать это, если конечно ваш завтрашний эксперимент пройдет успешно.

Тэо мельком взглянул на бомбу. Если он правильно прочитал данные на дисплее, до взрыва было более пятидесяти пяти часов. Он пытался мыслить ясно; он и понятия не имел, как это нервирует, когда на твое сердце направлено оружие. "Так... так... о чем вы говорите? Если окно 2030 года для прыжка сознания из 2009 не будет открыто, то первого скачка никогда не случится?"

- Точно!

- Но это безумие. Первый скачок *уже* произошел. И мы все прожили двадцать один год после него.

- Мы не *все* пережили, - резко сказал Руш.

- Ну, нет, но...

- Да, он случился. Но я собираюсь его отменить. Я собираюсь переписать в обратном направлении два прошлых десятилетия.

Тэо не хотел спорить с мужчиной, но: "Это же не возможно".

- Нет, возможно. Я знаю, возможно. Как же Вы не видите? Я уже достиг цели.

- Что?

- Что, в общем, показывали видения людей в первый раз? - спросил Руш.

- Я не ...

- Отдых! У подавляющего большинства населения был свободный день, выходной.

А почему? Потому что им сказали воздержаться от работы в тот день, чтобы остаться в целости и сохранности, т.к. ЦЕРН собрался воспроизвести попытку смещения времени. Но что-то случилось - что-то заставило отозвать эксперимент, но было уже поздно возвращаться на работу. Таким образом, человечество получило неожиданный выходной день!

- Больше похоже на то, что мы видели в первый раз, было просто версией реальности, в которой событие предвидения никогда не происходило.

- Чушь, - сказал Руш. - Несомненно, мы видели людей за работой - лавочников, уличных продавцов, полицейских и прочих. Но большинство фирм были закрыты, ведь

так? Вы слышали предположение о том, что в среду 23 октября 2030 года был огромный праздник, отмечаемый во всем мире. Всемирный день разоружения, может быть, или день "Первого контакта с пришельцами". Но сейчас в 2030 году, вам также как и мне, известно что, такого праздника не существует. Никто не работал, все готовились к перемещению времени, которое так и не состоялось. Но их *кто-то* заблаговременно предупредил, что этого не произойдет, - имеется в виду сообщение, что Большой Адронный Коллайдер был поврежден, должно быть сломался совсем недавно в этот день. Итак, я запрограммировал бомбу на взрыв за два часа до того, как придут нейтрино с Сандулика.

- Но если бы что-то подобное было в новостях, то кто-то обязательно бы увидел это в своем видении. Кто-нибудь сообщил бы об этом.

- Кто-то кто сидел бы дома и смотрел новости два часа в неожиданный выходной день? - спросил Руш. - Нет, и я уверен, что мой план действий - верный. У меня получится вывести из строя ЦЕРН; сознание планеты Земля 2030 года останется там, где и должно быть, и цикл начнет развиваться в обратном направлении от этой точки на двадцать один год назад, тем самым переписывая историю. Моя дорогая Елена и все эти остальные люди, которые погибли из-за вашего высокомерия, снова будут жить.

- Вы не можете убить меня, - сказал Тэо. - И вы не можете продержаться здесь в течение двух дней. Люди заметят, что я отсутствую, они спустятся сюда для моих поисков, найдут вашу бомбу и деактивируют ее.

- Хорошая мысль,- сказал Руш. Осторожно удерживая Glock, направленным на Тэо, он попятился к бомбе. Он вынул ее из насоса, поднимая за ручку чемоданчика. Он, должно быть, заметил выражение лица Тэо. - Не волнуйся, - сказал Руш,- Она не хрупкая. - Он расположил бомбу на полу туннеля и делал что-то с механизмом отсчета. Затем он развернул кейс удлиненной стороной к Тэо. Тэо посмотрел вниз на таймер. Он все еще вел обратный отсчет, но сейчас на нем было 59 минут 56 секунд.

- Бомба сработает через один час, - сказал Руш. - Это раньше, чем я планировал, и из-за такого слишком раннего предупреждения мы вероятно обманем людей с их послезавтрашним выходным, но общий эффект будет таким же. Так как ремонт поврежденного туннеля займет больше двух дней, *Der Zwischenfall*²⁵ не повторится. - Он сделал паузу. - А теперь мы с тобой пойдем. Я не доверю себя хOVERKAPY, в котором ты сидишь, или... Полагаю, ты воспользовался монорельсом, не так ли? Ну, а мы не будем. Но через час, мы сможем пройти по туннелю достаточно далеко, чтобы никто из нас не пострадал. - Он указал на оружие. - Так давайте отправляться.

Они начали идти против часовой стрелки, по направлению к монорельсу, но только они прошли чуть более дюжины метров, Тэо начал ощущать слабый писк позади них. Он обернулся, и Руш тоже. Огибая дугу туннеля, вдалеке показался другой хOVERKAPY.

- Черт, - выругался Руш. - Кто это?

Джейка Хоровитца с его рыжими с проседью волосами было легко распознать, даже на таком расстоянии, но другого человека...

Боже! Он похож...

Он был. Детективом Гельмутом Дрэшером из полиции Женевы.

- Я не знаю, - сказал Тэо, притворяясь, что щурится.

ХOVERKAPY быстро приближался. Руш посмотрел налево и направо. По бокам туннельной стены было установлено много аппаратуры с кое-какой сигнализацией, каждый мог с легкостью найти щели, чтобы укрыться. Руш оставил бомбу у края туннеля и начал отступать от приближающегося кара. Но было слишком поздно. Джейк определенно направлялся к ним. Руш сократил расстояние между собой и Тэо, и ткнул пистолетом в ребра Тэо. Тэо никогда в жизни не думал, что его сердце способно так сильно биться.

²⁵ Инцидент (нем.)

Дрэшер вынул свой пистолет, как только ховеркар приземлился на пол где-то в пяти метрах от Руша и Тэо.

- Кто вы?- спросил Джейк у Руша.

- Будьте осторожны! - выпалил Тэо. - У него есть пистолет.

Руш выглядел испуганным. Установить небольшое количество взрывчатки - это одно, а взять заложника и стать потенциальным убийцей - совсем другое. И все же он снова ткнул глоком в бок Тэо. "Правильно, - произнес Руш. - Так что отойди".

Сейчас Мут стоял с разведенными для большей устойчивости ногами, держа свой пистолет в обеих руках, нацеленный прямо в сердце Руша. "Я - офицер полиции, - сказал Мут. - Бросьте оружие".

- *Nein.*²⁶

Интонация Мута была совершенно ровной: "Бросьте оружие или я выстрелю"

Взгляд Руша метнулся слева на право. "Если вы выстрелите, доктор Прокопидес умрет"

У Тэо в голове пронеслось. Случилось ли так в первый раз? Рушу пришлось выстрелить не один раз, а три, согласно видению. При таком раскладе, он может запустить одну пулю в грудь Тэо - не то, чтобы потребовалось бы еще - но несомненно, стоит ему только в первый раз нажать на курок, Мут тут же выстрелит в Руша.

- Отойдите, - сказал Руш. - Отойдите!

Джейк выглядел так же испуганно, как и чувствовал себя Тэо, но Мут стоял на своем. "Бросьте оружие. Вы арестованы".

Паника Руша, казалось, на мгновение уменьшилась, как будто обвинение его просто шокировало. Если он на самом деле был просто университетским профессором, то возможно, никогда в своей жизни он не состоял не в ладах с законом. Но затем его каким-то образом озарило.

- Вы не можете меня арестовать.

- Могу, черт возьми, - сказал Мут.

- В каком подразделении полиции Вы служите?

- Женевском.

Руш в данный момент выдавил маленький, истерический смешок. Он снова ткнул Тэо пистолетом. "Скажи ему, где мы".

У Тэо все внутренности ходуном ходили. Он не понял вопроса. "В Большом Адронном..."

Руш снова ткнул. "Страна".

Тэо почувствовал, как у него упало сердце. "О." Черт. Проклятье. "Мы во Франции, - сказал он. - Граница проходит прямо поперек туннеля".

- Таким образом, - заявил Руш, смотря на Мута. - У вас нет здесь полномочий; Швейцария не член Европейского Союза. Если Вы выстрелите в меня за пределами вашей юрисдикции, то это будет убийством.

Мут, казалось, на мгновение задумался; оружие в его руке дрогнуло. Но затем он снова нацелил его на сердце Руша. "Я как-нибудь улажу это с законом, после содеянного, - сказал Мут. - Бросьте оружие или я выстрелю".

Руш так близко стоял к Тэо, что тот мог чувствовать его дыхание - быстрое, поверхностное. У парня вероятно гипервентиляция.

- Хорошо, - сказал Руш. - Хорошо. - Он отошел от Тэо и –

Бах!

Звук выстрела эхом отразился в туннеле.

У Тэо остановилось сердце...

... но только на секунду.

²⁶ Нет (нем.)

Рот Руша расширился от страха, ужаса... от осознания того, что он натворил... поскольку Мут Дрэшер отшатнулся назад, споткнулся и упал на спину, роняя пистолет, на его плече увеличиваясь расплзалось пятно крови.

- Боже мой! - закричал Джейк, - Боже мой! - Он ринулся вперед, пробираясь к оружию Дрэшера.

Руш выглядел абсолютно потрясенным. Тэо обхватил его сзади, сжимая шею и упираясь коленом в поясницу Руша. Другой рукой он пытался вырвать горячее, дымящееся оружие у Руша.

Теперь у Джейка был пистолет Дрэшера. Он пытался нацелить его настоящих вместе Тэо и Руша, но его руки сильно тряслись. Тэо вывернул руку Рушу, и тот выронил оружие. Тэо отскочил в сторону, и Джейк выпустил пулю. Но в его неопытных, трясущихся руках, пуля повела себя дико, врезалась в трубу люминесцентного освещения над головой, которая разорвалась потоком искр и стекол. Руш тоже боролся за свое выроненное оружие. Ни он, ни Тэо, казалось, не могли им овладеть, и наконец Тэо выбил его из хватающей пистолет руки Руша. Его унесло на десяток метров вниз по туннелю по направлению против часовой стрелки.

У Тэо не было оружия, ровно как и Руша. Дрэшер лежал в луже крови, но, кажется, он был еще жив; его грудь вздымалась. Джейк выстрелил еще раз, но снова промахнулся.

Руш был уже на полпути к глоку. Тэо, поняв, что не сможет его догнать, решил действовать по-другому. "У него бомба, - крикнул он, как только миновал Джейка. - Помоги Муту!"

Джейк кивнул. Теперь Руш вернул себе оружие, повернулся назад и бежал, держа пистолет перед собой навстречу Джейку, Муту и отступающему Тэо.

Тэо бежал изо всех сил, его шаги громко отражались в туннеле. Впереди был алюминиевый чемоданчик с бомбой. Он украдкой взглянул через плечо. Джейк, все еще держа пистолет Мута, опустился на колени рядом с полицейским. Руш обошел их, держа направленный на Джейка револьвер, тем самым, не давая ему сделать еще один выстрел. Руш повернулся, побежал задом, держа Джейка на мушке пока находился на небезопасном расстоянии от него. Затем он снова обернулся и продолжил преследовать Тэо.

Тэо дотянулся до бомбы, вытягивая ее одной рукой, а потом...

Вскочил в хOVERKAP Руша и ударил ногой по педали активатора. Тэо оглянулся, в то время как кар начал поспешно удаляться в направлении по часовой стрелке.

Руш был дальше него в два раза. Джейк, очевидно предполагая, что Руш ушел, отложил пистолет Мута и снимал его рубашку через голову, некоторые пуговицы были все еще застегнуты - ясное дело, он хотел использовать ее как стягивающую повязку для остановки потока крови, вытекающего из тела Мута. Руш без труда овладел хOVERKAPом, на котором приехали Джейк и Мут, и отправился вслед за Тэо.

Тэо отлично справлялся с управлением, учитывая то, как его кренило. Но это едва ли было прямолинейным полетом – надо было учитывать не только кривизну туннеля, но и торчащие как попало по всей его длине гигантские детали оборудования.

Тэо взглянул на дисплей бомбы: 41 минута, 18 секунд. Он надеялся, что Руш сказал правду, когда говорил, что взрывчатка не из хрупких. При дисплее имелся ряд необозначенных кнопок - невозможно было сказать, какие из них могли установить таймер на более высокое численное значение, а какие спровоцировать моментальный взрыв бомбы. Но, если бы он мог добраться до станции выхода и подняться на поверхность, у него было полно времени, чтобы оставить бомбу в центре одного из фермерских полей.

Кар Тэо окончательно завилал – он, несомненно, проталкивал ее быстрее, чем позволял гироскоп. Он снова оглянулся. Сначала он вздохнул с облегчением - Руша нигде не было видно - но спустя секунду, за изгибом туннеля появился преследующий кар.

Впереди была темнота; Тэо включил освещение только на небольшом участке всей окружности туннеля. Он надеялся, что Джейк смог стабилизировать Мута. Черт, не стоило

ему брать хOVERKAP; хотя вытащить Мута на поверхность было, несомненно, важнее обеспечения сохранности оборудования в туннеле. Он надеялся, Джейк сообразит, что моно-рельс должен быть поблизости.

Черт! Кар Тэо коснулся внешней стены туннеля, и его закружило, лучи от фар нарезали темноту. Он боролся с рычагом управления кара, пытаясь удержать его от возможности врезаться куда-нибудь еще. Он смог повернуть его в нужном направлении, но теперь кар Руша был на половине длины видимой части туннеля, а не на дальнем его конце.

Ховеркар не был так быстр как ветер, но, тем не менее, похоже, он ехал с головокружительной скоростью. У Руша, разумеется, все еще был глок, но хOVERKAP - не автомобиль; нельзя стрелять по шинам в надежде его остановить. Единственный способ обездвигнуть подобное средство передвижение - выстрелить в водителя; Тэо продолжал давить на педаль акселератора, чтобы продолжить движение.

Тэо продолжал ехать на каре, виляя им слева на право, вверх и вниз, настолько, насколько позволял тесный туннель; он хотел сделать себя трудной для поражения целью на случай, если Руш попытается нацелиться на него с тыла.

Он просматривал обозначения на плавно изгибающейся стене; туннель делился на восемь октантов, по три километра каждый, каждый октант подразделялся на тридцать с лишним блоков, длиной по сто метров. Согласно указателю, он был в третьем октанте, на двадцать втором участке. Станция выхода была в четвертом октанте, на тридцать третьем участке. Он мог просто это сделать...

Столкновение!

Сноп искр.

Звуки разрывающегося металла.

Черт, он не проявил достаточного внимания; хOVERKAP налетел на один из криогенных блоков. Его развернуло почти на 180 градусов, из-за чего Тэо и бомбу сбросило на пол. Тэо снова боролся с рычагами управления, отчаянно пытаясь стабилизировать кар. Незаметный взгляд назад подтвердил его опасения: столкновение его настолько притормозило, что Рут уже находился на расстоянии около пятидесяти метров от него. Он должен быть чертовски хорошим стрелком, чтобы достать Тэо на таком расстоянии в темноте, если только не подберется ближе...

Впереди сверху, туннель сжимало еще больше оборудования; Тэо пришлось опустить кар на несколько сантиметров от пола, но управление транспортным средством с его текущей скоростью было скверным - кар пронесся по настилу как прыгающий камешек по воде.

Еще один взгляд на часовой механизм бомбы, светящиеся ярко-синие цифры на тусклом фоне. Тридцать семь минут.

Бэмс!

Пуля пронеслась мимо Тэо; он инстинктивно увернулся. Она ударила по металлической арматуре впереди, освещая туннель искрами.

Тэо надеялся, что Джейк и Мут спустились на лифте на станции выхода. Если кабина лифта была наверху, Тэо ни за что не дождался бы ее, и ему пришлось бы пройти множество ступенек вверх, перед тем, как Руш смог бы взять его на мушку.

Тэо снова отклонился, на этот раз, чтобы избежать опоры, поддерживающую лучевую трубу. Он оглянулся назад. Черт, должно быть кар Руша заряжен на полную; он был уже совсем близко.

Изгиб туннеля сейчас закончится, и... да, Боже, вот она! Площадка для выхода. Но...

Но Руш был уже слишком близко... очень близко. Если Тэо остановит кар здесь, то Руш сразит его выстрелом. Черт, черт, черт.

Тэо почувствовал, как падает сердце, когда проезжал станцию выхода. Он развернулся в кресле и смотрел, как она исчезает из виду. Руш, очевидно решив, что не желает

преследовать Тэо по всему туннелю, выстрелил еще раз. Пуля коснулась кара, и его кузов завибрировал в ответ.

Тэо заставил кар ехать быстрее. Он вспомнил, что старые кары для гольфа ЦЕРН использовал для передвижения на короткие дистанции по туннелю. Ему их не хватало; по крайней мере, в них постоянно не возникало риска перевернуться на высоких скоростях.

Они продолжали, все дальше и дальше, кружа по туннелю и...

Сзади раздался сильнейший грохот. Тэо посмотрел назад. Кар Руша врезался в наружную стену. Остановился как вкопанный. Тэо слегка приободрился.

Он вычислил, что они проехали приблизительно семнадцать километров - вскоре должна была показаться площадка кампуса с монорельсовой станцией. Он мог бы туда добраться и подняться на лифте в центр управления БАК. Он надеялся увидеть стоящий там монорельс, считая, что Джейк и Мут уже в безопасности и...

Проклятье! Его хOVERKAP погибал, у него истощился аккумулятор. Сигнал об этом, возможно, включился раньше, но Тэо не слышал ее из-за шума перенапряженных двигателей. Кар упал на пол, проскользнув еще немного по бетонной поверхности, перед тем как окончательно встать. Тэо схватил бомбу и бросился бежать. Подростком Тэо однажды участвовал в воссоздании бега от Марафона до Афин в 490 года до н.э., сообщающего о победе греков над персами... но ему тогда было на тридцать лет меньше. Его сердце бешено билось, поскольку он старался бежать еще быстрее.

Ба-бам!

Еще один выстрел. Рушу, должно быть, удалось завести свой кар. Тэо продолжил бежать, его ноги ходили, по крайней мере, он сам так думал, как поршни. Там, впереди, находилась главная станция кампуса, где вдоль стены, были припаркованы полдюжины хOVERKAPов. Всего-то каких двадцать метров...

Он оглянулся. Руш быстро приближался. Иисусе, ему здесь никак не удастся остановиться - Руш подстрелит его как утку.

Тэо приложил все усилия для преодоления последних нескольких метров, и...

Погоня продолжилась.

Он запрыгнул в другой хOVERKAP и взял курс также по часовой стрелке дальше по туннелю. Он посмотрел назад. Руш бросил свой хOVERKAP, видимо беспокоясь о его батареях, и пересел в заряженный. Он ушел от погони.

Тэо взглянул на таймер бомбы. Осталось только двадцать минут, но на этот раз у Тэо был приличный отрыв. И поэтому он фактически остановился, чтобы подумать секунду. Возможно ли, было, что Руш прав? Мог ли быть шанс отменить все повреждения, все смерти, произошедшие двадцать один год назад? Если бы не было видений, жена Руша могла быть всё ещё жива, дочь Мичико тоже могла быть жива, брат Тэо Димитрий мог быть жив.

Но, конечно, никто из зачатых после видений - никто из родившихся за последние двадцать лет - был бы таким же. Который из сперматозоидов проник в яйцеклетку, зависело от тысячи деталей; если бы мир развился по-другому, если бы женщины забеременели в другие дни или даже в другие секунды, их дети были бы другими. Это было - сколько же? - что-то вроде четырех миллиардов людей, родившихся за последние два десятилетия. Даже если он мог бы переписать историю, было ли у него какое-то право так поступить? Заслуживали ли эти миллиарды прожить оставшиеся из отпущенных им семидесяти лет, а не быть просто-напросто уничтоженными, даже не убитыми, а вычеркнутыми с временной линии?

Кар Тэо продолжил путешествие по туннелю. Он оглянулся; Руш появился на отдалении из-за изгиба.

Нет. Нет, он не будет менять прошлое, даже если бы мог. И кроме того, он на самом деле не верил Рушу. Да, будущее могло быть изменено. Но прошлое? Нет, оно долж-

но быть неизменным. В этом он всегда соглашался с Ллойдом Симко. То, что говорил Руш, было безумством.

Ещё один выстрел! Пуля прошла мимо, ударившись в стену туннеля впереди. Но, несомненно, последуют другие, если Руш поймёт, куда направляется Тэо.

Проскользнул ещё один километр. Теперь таймер бомбы показывал всего одиннадцать минут. Тэо посмотрел на указатели на стене, пытаясь разобрать их в тусклом свете своей фары. Он должен быть прямо перед ним, и...

Вот он! Именно там, где он его оставил!

Монорельс, свисающий с потолка. Если бы он смог добраться туда...

Раздался новый выстрел. Этот попал в хOVERKAP, и Тэо снова почти потерял управление аппаратом. Монорельс всё ещё был в сотне метров впереди. Тэо опять боролся с джойстиком, проклиная кар, заставляя его лететь быстрее, быстрее...

Монорельс состоял из пяти составных частей – из кабин на каждом конце и из трёх вагонов посередине. Он добрался до дальней кабины; состав мог двигаться только носом вперёд.

Почти на месте...

Он не останавливал хOVERKAP плавно; вместо этого он просто ударил по тормозам. Аппарат наклонился вперёд, Тэо качнуло вместе с ним. ХOVERKAP врезался в пол туннеля, с искрами скользя по нему. Тэо вылез, схватив бомбу, и...

Ещё один выстрел...

Боже!

Собственная кровь Тэо брызнула ему на лицо...

Больнее, чем когда-либо в его жизни...

Пуля попала в его правое плечо.

Боже...

Он выронил бомбу, подхватил её левой рукой и, шатаясь, забрался в кабину монорельса.

Боль... невообразимая боль...

Он ударил по кнопке запуска монорельса.

Его фары, установленные над наклонным лобовым стеклом, вспыхнули, освещая туннель впереди. После полумрака за последние полчаса, свет был болезненно ярким.

Монорельс пришёл в движение, завывая при этом. Тэо нажал на рычаг скорости; состав ехал всё быстрее и быстрее.

Тэо думал, что потеряет сознание от боли. Он посмотрел назад. Руш пролетел мимо кара, оставленного Тэо. Монорельс использовал магнитную левитацию; он был способен развить очень высокую скорость. Конечно, никто не проверял его максимальную скорость в туннеле...

До этого момента.

Дисплей бомбы показывал восемь минут.

Просвистела ещё одна пуля, но в цель не попала. Тэо оглянулся, как раз чтобы увидеть, что кар Руша отстал за изгибом туннеля.

Тэо высунул голову за пределы кабины; ветер дул ему в лицо. "Давай, – сказал он. – Давай..."

Изогнутые стены туннеля проносились мимо. Генераторы на магнитных подвесах громко гудели.

Там были они: Джейк и Мут, физик позаботился о полицейском, который теперь, к счастью живой, сидел выпрямившись. Тэо помахал им, когда монорельс проезжал мимо.

Пролетели километры, и...

Шестьдесят секунд.

Он не сможет добраться до дальней станции доступа, не сможет выбраться на поверхность. Может, он должен просто бросить бомбу; да, это выведет из строя БАК, неважно, где она взорвётся, но...

Нет.

Нет, он зашел слишком далеко... он не был обречен на неудачу; его гибель была не предопределена.

Если только...

Он снова посмотрел на таймер, затем на стенные надписи.

Да!

Да! Он мог бы это сделать!

Он заставил поезд ехать еще быстрее.

А затем...

Туннель выпрямился.

Он нажал стоп-кран.

Еще один поток искр.

Металл против металла.

Его голова подалась вперед...

Плечо мучительно болело...

Он выбрался из тесной кабины и, шатаясь, убежал с монорельса.

Пятьдесят пять секунд...

Он шатаясь пробежал вперед еще несколько метров по туннелю - ко входу в огромную, пустую, высотой в шесть этажей палату, которую раньше занимал детектор КМС.

Он заставил себя идти дальше, в камеру, поместить бомбу в центр огромного пустого пространства.

Тридцать секунд.

Он развернулся, и побежал изо всех сил, пришел в ужас от того какую реку крови он оставил на том пути...

Назад к монорельсу...

Пятнадцать секунд.

Карабкаясь обратно в кабину, выжимая педаль акселератора...

Десять секунд.

Скользя по рельсу на потолке...

Пять секунд.

Вокруг дуги туннеля...

Четыре секунды.

Почти без сознания от боли...

Три секунды.

Заставляя поезд мчаться быстрее...

Две секунды.

Прикрывая голову руками, его плечо яростно сопротивляется, поскольку он поднял правую руку...

Одна секунда.

Коротко удивившись тому, что несёт будущее...

Ноль!

Ба-бах!

Взрыв отдавался эхом в туннеле.

Вспышка света сзади отбросила огромную тень в форме гусеницы монорельса на изгибающуюся стену туннеля...

А потом...

Восхитительная, облегчающая темнота, состав ускорился, когда Тэо свалился на крохотную приборную панель.

Прошло два дня.

Тэо находился в аппаратной БАК. Она была битком набита людьми, но не учеными или инженерами, почти все было автоматизировано. Все же, присутствовало множество репортеров, они все лежали на полу. Там был, разумеется, и Джейк Хоровитц и специально приглашенные гости Тэо - детектив Гельмут Дрэшер с повязкой на плече и его молодая жена.

Тэо запустил таймер и лег на пол, ожидая происходящего.

31

Ллойд Симко часто думал о своей семилетней дочери Джоан, которая теперь жила в Японии. Конечно, они общались каждые несколько дней по видеотелефону, и Ллойд пытался себя убедить, что видеть и слышать ее так же хорошо, как и обнимать ее, подбрасывать на колене, держать за руку во время прогулки в парке, и вытирать слезки, когда упадет и разобьет коленку.

Он чрезвычайно сильно ее любил и неописуемо гордился ею. Верно, не смотря на ее западное имя, внешне она была совсем на него не похожа; ее черты лица были полностью азиатскими. На самом деле, более чем на кого-либо, она была похожа на бедную Тамико, единокровную сестру, которую не было дано ей узнать. Но внешность не имела значения; половина того, что было у Джоан, появилось от Ллойда. Больше, чем его нобелевская премия, больше, чем все труды, созданные им самим или в соавторстве, больше, чем что-либо еще, *она* была его бессмертием.

Несмотря на то, что брак родителей распался, Джоан жилось прекрасно. О, Ллойд не сомневался, что порой она мечтала о том, чтобы мамочка и папочка все еще оставались вместе. Однако, она посетила венчание Ллойда и Дорин, и завоевала сердца каждого, являясь девочкой, разбрасывающей цветы перед женщиной, которая вскоре должна была стать ее мачехой.

Мачеха. Единокровная сестра. Бывшая жена. Бывший муж. Новая жена. Перемены; множество человеческих взаимосвязей, способов создания семьи. Вряд ли уже кто-то женится со всеми формальностями, но Ллойд настоял. Законы большинства штатов и провинций Северной Америки гласят, если двое взрослых людей живут вместе достаточно длительное время, то они женаты, и если они прекращают сожительство, то считаются разведенными. Ясно и просто, ни суеты, ни беспорядка - и никакой боли, через которую прошли родители Ллойда, ни каких спектаклей и страданий, которые наблюдали он и Долли наивные и ошеломленные с рушащимся вокруг них миром.

Но Ллойд хотел церемонии; он от многого воздержался из-за страха создать еще одну распавшуюся семью - выражение, он отметил, его последний словарь Мэрриэм-Уэбстер объяснил как "устаревшее". Он решил больше не бояться этого - прошлого - никогда. И так они с Дорин, поженившись, устроили грандиозный праздник, как выразились все, незабываемый вечер, полный танцев, песен, смеха и любви.

К тому времени, как они с Ллойдом стали встречаться, у Дорин была менопауза. Разумеется, сейчас уже разработаны и методы и технологии, и если бы ей захотелось бы ребенка, то она вполне могла его родить. Ллойд тоже этого очень хотел; он уже был отцом, но ни за что на свете не отказал бы ей в шансе стать матерью. Но Дорин не захотела. Она была довольна своей жизнью и до встречи с Ллойдом, и наслаждалась ей еще больше, когда они оказались вместе, но она не желала иметь детей, не искала бессмертия.

Теперь, когда Ллойд уволился, они стали проводить много времени в домике в Вермонте. Разумеется, оба их видения показывали этот день и это место.

Они смеялись над тем, как обставили спальню, сделали ее такой же, какой увидели в первый раз, устанавливая на те же самые места старую тумбочку из фанеры и стенное зеркало из сучковатой сосны. Теперь Ллойд и Дорин лежали рядом на кровати; на ней даже была надета темно-синяя рабочая форма Тилли. Через окно виднелись деревья, наряженные в великолепные цвета осени. Пальцы их рук были переплетены. Работало радио, велся обратный отсчет до прибытия нейтрино Сандулика.

Ллойд улыбнулся Дорин. Они были женаты уже пять лет. Он полагал, будучи ребенком развода, да и однажды пережив собственный развод, что ему не стоит быть наивным в мыслях о том, что они с Дорин будут вечно, но, тем не менее, он чувствовал, что так и будет. Ллойд с Мичико было хорошо, а с Дорин стало *прекрасно*. Дорин однажды была замужем, но брак распался более двадцати лет назад. Она предполагала, что никогда больше не выйдет замуж и продолжала безбрачную жизнь.

А потом они встретились с Ллойдом, он - нобелевский лауреат по физике, и она - художница, два совершенно разных мира, во многом более далеких, чем Япония Мичико и Северная Америка Ллойда, и все же они чудом сошлись, и любовь расцвела между ними, и теперь он делил свою жизнь на две части: до Дорин и после.

Голос по радио продолжал обратный отсчет. "Десять секунд. Девять. Восемь".

Он посмотрел на нее и улыбнулся, она улыбнулась в ответ.

"Шесть. Пять. Четыре".

Ллойд было интересно, что он увидит в будущем, но в одном он не сомневался, несомненно хоть что-то.

"Два! Один!"

Что бы ни готовило будущее, они с Дорин будут вместе, всегда.

Ноль!

Ллойд увидел снимок с ним и Дорин, намного старше, старше, чем он мог себя с ней представить, и значит...

Разумеется, они не мертвы. Конечно же, он ничего бы не увидел, если бы его сознания не существовало бы.

Его тело, возможно, постепенно исчезало, но... быстрый проблеск, вспышка образа...

Новое тело, все серебряное и золотое, гладкое и блестящее...

Андроидное тело? Его человеческое сознание в образе робота?

Или это виртуальное тело, не более, не менее, чем представление о том, что он находится внутри компьютера?

Перспектива Ллойда переместилась.

Теперь он смотрел вниз на планету Земля с высоты нескольких сотен километров. Вокруг нее все еще кружатся белые облака, да и солнечный свет отражается от поверхностей крупнейших океанов....

За исключением...

Кроме того, в один короткий момент, в течение которого он это осознал, он подумал, пожалуй, это были не океаны, а скорее сам сверкающий континент Северной Америки с поверхностью, покрытой тонкими переплетениями из металла и механизмами, целая планета, буквально превращалась во Всемирной Паутину.

Затем его перспектива снова сменилась, он еще раз взглянул на Землю, или то, что, по его мнению, должно было быть Землей. Да, да, конечно же, это была она, так как за ее лимбом появлялась луна. А вот Тихий океан был меньше, прикрывая только треть поверхности, которую он видел, да и западное побережье Северной Америки радикально поменялось.

Время летело; прошло достаточно тысячелетий, чтобы континенты потихоньку переместились к новому местоположению.

И он снова проскользнул вперед...

Он увидел как луна, двигаясь по спирали, уходила все дальше и дальше от Земли, а затем...

Это показалось мгновенным, но возможно прошло много тысяч лет...

Луна разлетелась ни во что.

И еще одно перемещение...

И Земля, *сама по себе сокращалась*, сжималась, сводилась на нет, уменьшалась, стала размером с камешек, а затем...

Снова солнце, но...

Невероятно...

Солнце было наполовину заключено с металлическую сферу, вылавливающую каждый фотон энергии, на нее нападающий. Луна и Земля не рассыпались - они были *демонтированы*. На составляющие...

Ллойд продолжил свое путешествие. Он увидел...

Да, это было неизбежно; да, он читал об этом целую вечность назад, но никогда не думал, что доживет до того, чтобы это увидеть.

Галактика Млечный Путь, звездная вертушка, которое человечество назвало "нашим домом", сталкивается с Туманностью Андромеды, своей огромной соседкой, скрещивание двух спиральных галактик, сопровождаемое мощным сиянием межзвездного газа.

И опять же, он продолжает двигаться вперед, в будущее.

Это было совсем не похоже на первый раз - но тогда что это была за жизнь?

В прошлый раз видения были похожи на мимолетное переключение из настоящего в будущее. А если бы на это потребовалась одна стотысячная доля секунды, кто бы это заметил? И если бы эта стотысячная доля секунды распределялась бы так, что за 0,00005 секунды пролетал целый год, снова, кто бы это осознал? Но 0,00005 секунды, помноженная на восемь *миллиардов* лет, составили бы что-то около часа - часа мимолетного скольжения по веренице кадров грядущего, ни на чем не останавливаясь, нигде не материализуясь, ни в один момент не занимая места сознания, но все же имея возможность ощутить, почувствовать, увидеть, как всё развивается, как растет и меняется вселенная, узреть всю эволюцию человечества, шаг за шагом, из его детства...

... куда бы ни было суждено ему придти.

Конечно, Ллойд на самом деле не перемещался. Он оставался в Новой Англии, и у него было не больше власти над тем, что он видит, или тем, что делает его обновлённое тело, чем при первом видении. Сдвиги перспектив, несомненно, были вызваны перемещением того, чем он стал, по мере прохождения тысячелетий. Это должно быть что-то вроде инерции памяти, аналогично инерции зрения, которая делает возможным просмотр кинофильмов. Несомненно, он касался каждого из этих времён только мимолётом; его сознание проверяло, занят ли этот отрезок пути через куб, и когда оно обнаруживало, что этот так, что-то вроде принципа запрета – Тэо прислал ему письмо о Руше и его явных бреднях – удерживало сознание от обоснования здесь, устремляя далее, вперёд, всё дальше и дальше в будущее.

Ллойд был удивлён, что у него осталась индивидуальность; он думал, если человечество и выживет на протяжении миллионов лет, то, безусловно, будет связанным, коллективным сознанием. Но он не слышал других голосов в своей голове; насколько он мог судить, он всё ещё был отдельной уникальной сущностью, несмотря на то, что хрупкое физическое тело, которое он ранее занимал, давно прекратило существование.

Он увидел сферу Дайсона, наполовину покрывающую Солнце, означающую, что человечество однажды будет распоряжаться фантастическими технологиями, но пока что он не видел никаких свидетельств любого другого разума, кроме человеческого.

А затем это случилось: вспышка озарения. То, что происходит, означает отсутствие другой разумной жизни где-либо – ни на одной из планет двухсот миллиардов звёзд, составляющих Млечный Путь, или – он прервался, чтобы поправить себя – шестисот миллиардов звёзд, входящих в состав объединённой в текущий момент супергалактики, сформированной пересечением меньшего Млечного Пути с большей Андромедой. И ни на одной из планет ни одной из звёзд в бесчисленных миллиардах других галактик, составляющих вселенную.

Без сомнения все сознания повсеместно должны быть согласны с тем, что представляет собой "сейчас". Если человеческое сознание скакало, сдвигалось, не означает ли это отсутствие другого сознания, другой группы, соперничающей за право утверждать, какие отдельные моменты определяют настоящее?

В таком случае человечество ошеломляюще, подавляюще и неотступно одиноко в безбрежном тёмном космосе, единственная вспышка способности осознавать, когда-либо случавшаяся. Жизнь развивалась на Земле очень счастливо четыре миллиарда лет, прежде чем произошли первые проявления самосознания, и до сих пор, к 2030 году, никому не удалось воспроизвести такое чувство в машине. Пребывание в сознании, осознавая, что было ранее, что есть сейчас, что завтра – это следующий день, было невероятной удачей, случайностью, странным явлением, никогда до или после не повторявшимся в истории вселенной.

И возможно это объясняло тот невероятный упадок духа, с которым Ллойд снова и снова обозревал время. Даже к 2030 году человечество не отважилось отправиться за пределы Луны; никто не полетел на Марс в течение шестидесяти одного года со времени маленького шага Армстронга, и не похоже было, что есть какие-то планы по осуществлению этого. Марс, конечно, мог отдаляться от Земли на 377 миллионов километров, когда планеты находились на противоположных сторонах от Солнца. При таких обстоятельствах человеческий разум на Марсе будет находиться в двадцать одной световой минуте от другого разума на Земле. Даже стоящие друг за другом люди были несколько разделены во времени – видели бы друг друга не такими, как сейчас, а на одну триллионную секунды раньше. Само собой, определенный уровень несинхронности был совершенно приемлем, но должна же быть какая-то верхняя граница. Пожалуй, шестнадцать световых минут еще было бы терпимой задержкой – разница во времени между двумя людьми на противоположных сторонах сферы Дайсона, имеющей радиус орбиты Земли – но двадцать одна световая минута уже было многовато. А может, даже шестнадцать было уже больше, чем допустимо для сознательных существ. Несомненно, эту сферу Дайсона, за которой Ллойд наблюдал, построило человечество – таким образом, отгораживаясь от пустой, одинокой необъятности за внешней стороной – но, возможно, вся ее внутренняя поверхность не была населена. Люди могли занять только одну часть ее поверхности. Всё-таки сфера Дайсона имела площадь поверхности в миллионы раз большую, чем у планеты Земля; даже при использовании одной десятой предоставленной территории, у человечества будет на порядки больше земли, чем когда-либо ранее. Сфера могла бы удерживать каждый фотон, испущенный звездой в центре, но возможно люди не разбрелись по всей поверхности.

Ллойд – или то, чем стал Ллойд – понял, что продвигается всё дальше и дальше вперед в будущее. Картинки продолжали меняться.

Он подумал о том, что говорила Мичико: Фрэнк Типлер и его теория, что каждый, кто когда-либо существовал, или мог бы существовать, будет воссоздан в точке Омега, чтобы жить снова. Физика бессмертия.

Но теория Типлера основывалась на предположении, что вселенная заполнится и будет иметь достаточную массу, чтобы её собственное гравитационное притяжение, в

конце концов, вызовет сжатие всего в сингулярность. Так как пролетели уже целые эры, стало ясно, что это не произойдёт. Да, Млечный Путь и его ближайший сосед столкнулись, но даже целые галактики были малы в масштабах постоянно расширяющейся вселенной. Расширение могло бы замедлиться почти полностью, асимптотически приближаясь к нулю, но оно никогда не остановится. Точки Омега никогда не будет. И никогда не будет другой вселенной. Так оно и было, одна и единственная итерация пространства и времени.

Конечно, к этому моменту даже звезда, окружённая сферой Дайсона, несомненно, испустила дух; если астрономы двадцать первого века были правы, Солнце разрослось в красный гигант, поглотив оболочку вокруг него. Однако человечество однозначно было предупреждено за миллиарды лет до этого и, несомненно, переселилось – *целиком*, если это требовалось физикой сознания – в другое место.

Ллойд, по крайней мере, надеялся, что они смогли. Он по-прежнему чувствовал себя изолированным от всего того, что разыгрывалось в отдельных высвечивающихся кадрах. Может человечество исчезло, когда его солнце погибло.

Но он – чем бы он ни стал – был каким-то образом всё ещё жив, всё ещё думающий, всё ещё чувствующий.

Должен быть кто-то ещё, чтобы разделить всё это с ним.

Если только...

Если только это не было способом вселенной починить неожиданный разрыв, вызванный нейтрино с Сандулика, оросившими воссоздание первого момента существования.

Стереть всю излишнюю жизнь. Просто оставить одного компетентного наблюдателя – одну всеведущую форму, глядящую на...

... на всё, определяя реальность своими наблюдениями, запертую в одном непрерывном *сейчас*,двигающуюся вперёд с неумолимой скоростью одна секунда в секунду.

Бог...

Но пустой, безжизненной, бездумной вселенной.

Наконец, скольжение сквозь время подошло к концу. Он прибыл в свой пункт назначения, в просвет; сознание этого далеко удалённого года – если слово "год" имело какое-то значение теперь, планета, чья орбита использовалась для его измерения, давно исчезла – отлучилось в ещё более удалённые миры, позволяя ему занять это оставленное место.

Конечно, вселенная расширялась. Конечно, это продолжалось бесконечно. Единственной возможностью того, что сознание из прошлого могло перепрыгивать вперёд, было существование более удалённых точек, в которые переносилось сознание настоящего; если вселенная была замкнута, смещение времени никогда бы не произошло. Это должна была быть бесконечная цепочка.

И перед ним сейчас...

Перед ним было далёкое, далёкое будущее.

Когда он был молод, Ллойд прочитал "*Машину времени*" Г. Уэллса. И это не давало ему покоя годами. Но не мир Элоев и Морлоков; даже будучи подростком, он распознал аллгорию, нравоучительное обыгрывание классового строя Викторианской Англии. Нет, тот мир 802701 года н.э. произвёл слабое впечатление на него. Но в книге Уэллса путешественник во времени совершил ещё одно путешествие, прыгнув на миллионы лет ближе к закату мира, когда приливные силы замедлили вращение Земли настолько, что она была постоянно обращена одной стороной к Солнцу, раздувшемуся и красному, зловещему глазу над горизонтом, в то время, как крабоподобные существа медленно передвигались вдоль берега.

Но то, что сейчас было перед ним, казалось даже более мрачным. Небо было тусклым – звёзды настолько удалились друг от друга, что только несколько были видны.

Единственной частицей очарования были эти звёзды - богатые металлами, образованные поколениями солнц, приходивших и уходивших до них, они светились цветами, невиданными в молодой вселенной Ллойда: изумрудно-зелёные звёзды, фиолетовые звёзды, бирюзовые звёзды, как драгоценные камни на бархатном небесном своде.

И сейчас в пункте назначения Ллойд так же не мог управлять своим синтетическим телом; он был пассажиром позади стеклянных глаз.

Да, он так же был твёрдым, так же имел физическую форму. Он теперь мог снова видеть, какими стали его руки, совершенные, безупречные, больше похожие на жидкий металл, чем на что-то биологическое, появляющиеся и исчезающие из его поля зрения. Он был на поверхности планеты, на безбрежной равнине белого порошка, который мог быть снегом, мог быть расщеплёнными камнями, мог быть чем-то совершенно неизвестным хилой науке миллиард лет раньше. Не было никаких признаков строений; если у тебя неразрушимое тело, пожалуй, никто не будет нуждаться или не захочет иметь убежище. Планета не могла быть Землёй – она давно потеряна – но гравитация не отличалась. Он не ощущал никаких запахов, но были звуки – странные неземные звуки, нечто среднее между вздыхающим ветерком и музыкой духовых инструментов.

Его поле зрения сместилось, когда он обернулся. Нет, нет, не так, он на самом деле не поворачивался, скорее он просто переключил своё внимание на другой комплект устройств ввода, на глаза на затылке. А почему бы и нет? Если вы собираетесь произвести тело, то определённо устраните недостатки оригинала.

И в его новом поле зрения была другая фигура, ещё одна оболочка человеческой сущности. К его удивлению лицо не было стилизованным, не просто яйцевидным. Вместо этого оно имело сложные, изысканно высеченные черты, и если тело Ллойда казалось сделанным из жидкого металла, то это было из гладкого зелёного мрамора с прожилками, полированного и прекрасного, воплощение статуи.

Во внешнем виде не было ничего женственного... или мужественного... но он сразу понял, кто это должен быть. Дорин, конечно, – его жена, его возлюбленная, единственная, с кем он хотел провести вечность.

Но потом он стал изучать лицо, высеченные черты, глаза...

Миндалевидные глаза...

А затем...

Ллойд лежал на кровати во время повторения эксперимента, его жена рядом, так они не могли причинить вреда себе или друг другу, когда потеряют сознание.

- Это было невероятно, – сказал Ллойд, когда это закончилось. - Абсолютно невероятно.

Он повернул голову, нашёл руку Дорин и посмотрел на неё.

- Что ты видела? – спросил он.

Она выключила радио другой рукой. Он увидел, что её рука дрожит. "Ничего", – ответила она.

Его сердце опустилось. "Ничего? Совсем никакого видения?"

Она покачала головой.

- О, милая, – сказал он, – Мне так жаль.

- Насколько удалённым было твоё видение? – спросила она. Она, должно быть, хотела знать, сколько времени ей осталось.

Ллойд не знал, как выразить это словами. "Я не уверен", – ответил он. Это было удивительное путешествие, но было ошеломляюще думать, что Дорин не доживёт до того, чтобы тоже это увидеть.

Она пыталась придать голосу храбрость. "Я старая женщина, – сказала она. - Я думала, может, у меня есть ещё двадцать или тридцать лет, но..." Она умолкла.

- Я уверен, что есть, – сказал Ллойд, пытаясь произнести это убеждённо. - Уверен, что есть.

- Но у тебя было видение..., – сказала она.

Ллойд кивнул. "Но оно было... оно было о долгосрочном будущем".

- Включить телевизор, – сказала Дорин в воздух; её голос был встревоженным. - АВС.

Одна из картин на стене стала экраном телевизора. Дорин подпёрла голову, чтобы видеть лучше.

"... огромное разочарование, – сказала диктор, белая женщина примерно сорока лет.

- Пока что действительно никто не сообщил, что у него было видение в этот раз. Повторение эксперимента в ЦЕРН, кажется, сработало, но никто здесь в АВС Ньюс и никто из тех, что позвонил нам, не сообщил о видении. Похоже, что все просто отключились, по предварительным оценкам прошёл час, пока люди были без сознания. Так же, как и весь день, Джейкоб Хоровитц присоединяется к нам из ЦЕРН; доктор Хоровитц был частью команды, которая произвела феномен первого смещения во времени двадцать лет назад. Доктор, что это значит?"

Джейк пожал плечами. "Ну, предполагая, что смещение времени произошло – конечно, мы в этом ещё не уверены – должно быть, в достаточно далёкое будущее, чтобы все сейчас живущие были... ну, по-другому не скажешь, так? Все сейчас живущие должны быть мертвы к тому времени. Если смещение было, скажем, на сто пятьдесят лет, я полагаю, это не удивительно, но..."

- Выключить звук, – сказала Дорин из кровати. - Но у тебя было видение, – сказала она мужу. - Было оно на сто пятьдесят лет вперёд?

Ллойд покачал головой. "Дальше, – тихо сказал он, – Намного дальше".

- Насколько?

- Миллионы, – ответил он. - Миллиарды.

Дорин усмехнулась. "О, перестань, дорогой! Это должно быть сон. Конечно, ты будешь жив в будущем, но ты будешь видеть сон тогда".

Ллойд обдумал это. Могла она быть права? Могло это быть не больше, чем сном? Но это было так ярко, так реалистично...

И ему было шестьдесят шесть лет, ради всего святого. Неважно насколько лет вперёд он прыгнул, если у него было видение, то, разумеется, у более молодых людей тоже должно было быть. Но Джейк Хоровитц был на четверть века его младше, и, несомненно, у АВС Ньюс много работников двадцатилетнего и тридцатилетнего возраста.

И никто из них не сообщил о видении.

- Не знаю, – сказал он, наконец, – Это не похоже было на сон.

32

Будущее *могло быть* изменено; они открыли это, когда реальность отклонилась от того, что они видели в первых видениях. Конечно, это будущее также могло быть изменено.

Когда-нибудь, относительно скоро, будет разработан процесс для обретения бессмертия - или чего-то чертовски близкого к этому, - и Ллойд Симко подвергнется этому. Это не было бы чем-то таким же легким, как наращивание теломера, но, что бы это не было, это будет работать, по крайней мере, на протяжении сотен лет. Позже его биологическое тело было бы заменено на более долговременное роботизированное, и он будет жить достаточно долго, чтобы увидеть столкновение Млечного пути и Андромеды.

Так, что все, что он должен был сделать, это найти способ убедиться, что Дорин тоже прошла процедуру получения бессмертия - сколько бы это не стоило, какие бы ни были критерии отбора, он должен убедиться, что его жена была включена.

Несомненно, существовали другие люди, кроме него самого уже живого, которые станут бессмертны. Он не мог быть единственным, у кого было видение; все же он не мог остаться один в самом конце.

Но, как и он, они сохраняли спокойствие, все еще пытались разобраться в том, что они увидели. Возможно, когда-нибудь все люди будут жить вечно, но из текущего поколения - тех, кто живет в 2030 году - очевидно, только какая-нибудь группа не будет знать смерти.

Он найдет их. Сообщение по сети, может быть. Ничего подобного крикливым вопросам, видел ли кто-то еще что-нибудь, не могло в этот раз появиться. Нет, нет... это должно было быть что-то изящное. Может быть, попросить всех, кто интересуется сферой Дайсона, связаться с ним. Даже те, кто не знали, что видели во время видений, наверно, начали изучать изображения, как только их сознание вернулось в настоящее время, и задали в веб поиске основные понятия.

Да, он найдет их -- он найдет других бессмертных.

Или они найдут его.

Он думал, что, возможно, это была Мичико, которую он видел на той белоснежной плоскости в далеком будущем.

Но затем пришло письмо с приглашением в Торонто. Это было простое электронное сообщение: "Я - тот нефритовый человек, которого вы видели в конце своего видения".

Нефритовый. Конечно, вот что это было. Не зеленый мрамор - нефрит. Он никому не рассказал о той части своего видения. В конце концов, как он мог рассказать Дорин, что он видел Мичико, а не ее?

Но это была не Мичико.

Ллойд перелетел из Монтпилиера в Международный Аэропорт Пирсона, и пошел по телетрапу. Это был международный полет, но у Ллойда был канадский паспорт, позволяющий ему быстро пройти через таможню. Водитель ждал его точно за воротами, держа флэтси с ярко светящимся словом "СИМКО" на ней. Его лимузин летел - буквально - по 407 к Янг стрит, и на юг к многоквартирной жилой башне с книжным магазином наверху, продуктовым магазином и многозальным кинотеатром.

- Если бы вы могли сохранить только очень маленькую часть человеческого рода от смерти, кого бы выбрали? - спросил мистер Ченг Ллойда, который сейчас сидел в гостиной Ченга на оранжевом кожаном диване. - Как вы убедитесь, что выбрали величайших мыслителей, величайшие умы? Несомненно, есть множество способов; что до меня, то я решил выбирать победителей Нобелевской премии. Самые прекрасные доктора! Самые выдающиеся ученые! Самые лучшие писатели! И, да, самые крупные гуманисты - те, кто были награждены премией мира. Конечно, любой может придраться к выборам нобелевского комитета в любой конкретный год, но, в общем и целом, выбранные заслуживают (премию). И таким образом, мы начали обращаться к нобелевским лауреатам. Мы делали это тайно, конечно; можете себе представить протест общественности, который последовал бы, если бы стало известно, что бессмертие возможно, но это утаивают от масс? Они не поняли бы - поняли, что процесс невероятно дорог и вероятно останется таковым в течение предстоящих десятилетий. О, в конечном итоге, мы, возможно, нашли бы более дешевые способы сделать это, вначале мы могли позволить себе иметь дело только с несколькими сотнями человек.

- Включая вас самого?

Ченг не обратил внимания. "Я привык жить в Гонконге, доктор Симко, но по некоторой причине я покинул его. Я капиталист - и капиталисты верят, что те, кто работают в поте лица, должны преуспеть. Бессмертия не существовало бы вообще без миллиардов моих компаний, вкладывающих деньги в его разработку. Да, я выбрал себя для процедуры; это было моим правом".

- Если вы идете вслед нобелевских лауреатов то, что относительно моего коллеги - Тэодосия Прокопидеса?

- А, да. Казалось благоразумным управлять процессом в порядке убывания возраста. Но, да, затем мы займемся им, несмотря на его юность; для совместных лауреатов нобелевской премии мы обрабатываем всех членов команды в одно и то же время. Он помолчал. Однажды я встречал Тэо, знаете - двадцать один год назад. Мое первоначальное видение было связано с ним, и когда он искал информацию о своем убийце, он навещал меня здесь.

- Я помню, мы вместе были в Нью-Йорке, и он летал к вам сюда. Он рассказал мне о своей встрече с вами.

- Он рассказывал вам, о чем я ему говорил? Я рассказал ему, что души бессмертны, и что религия - это просто вознаграждение. Я сказал ему, что его ждут великие дела, и однажды он получит великую награду. Даже тогда я подозревал правду; в конце концов, по справедливости, у меня не должно было быть видения, я должен быть мёртв сейчас, по крайней мере, не ходить самостоятельно быстрым шагом. Конечно, я не мог быть уверен, что мой персонал однажды разработает технику бессмертия, но это был мой долгосрочный интерес, и существование такой вещи объяснило хорошее здоровье, которое я ощутил в моём видении, несмотря на мой преклонный возраст.

- Я хотел дать понять вашему другу, не выдавая моих секретов, что если он смог бы прожить достаточно долго, величайшая награда из всех - бесконечная жизнь - будет предложена ему. - Он помолчал. - Вы часто его видите?

- Больше нет.

- Всё равно я рад - рад больше, чем вы можете представить - что его смерть была предотвращена.

- Если вы беспокоились об этом, и бессмертность была вам доступна, почему вы не предоставили ему свою терапию до дня, в котором первое видение показало, он может умереть?

- Наш процесс сдерживает биологическое старение, но он определённо не делает вас неуязвимым, хотя, как вы без сомнения видели в своём видении, сменные тела, в конце концов, избавят и от этой заботы. Если бы мы вложили миллионы в Тэо, а он оказался застреленным, это было бы напрасной тратой очень ограниченного ресурса.

Ллойд обдумал это. "Вы упоминали, что Тэо моложе меня; это правда. Я старик".

Ченг засмеялся. "Вы дитя! Я старше вас на тридцать лет".

- Я имею в виду, - сказал Ллойд, - если бы мне предложили это, когда я был моложе, здоровее...

- Доктор Симко, допуская, что вам шестьдесят шесть... но вы провели весь этот срок под присмотром постоянно усложняющейся современной медицины. Я видел отчёты о вашем здоровье...

- Вы что?

- Пожалуйста... я же предоставляю бесконечную жизнь; вы серьёзно думаете, что несколько охранников являются барьером для человека в моём положении? Как я говорил, я видел отчёты о вашем здоровье: ваше сердце в превосходной форме, кровяное давление прекрасно, уровень холестерина под контролем. Серьёзно, доктор Симко, сейчас у вас здоровье лучше, чем было у двадцатипятилетних, рождённых сто лет назад.

- Я женатый человек. Что насчёт моей жены?

- Мне жаль, доктор Симко. Мое предложение действительно для вас одного.

- Но Дорин...

- Дорин проживёт остаток естественной жизни – ещё двадцать с лишним лет, я думаю. Она ничего не лишится; вы сможете прожить все эти годы с ней. В какой-то момент она уйдёт. Я христианин, доктор Симко, я верю, нас ждёт лучшее... ну, большинство из нас. Я был безжалостен в жизни и ожидаю, что буду сурово осуждён... вот поэтому я не тороплюсь получить по заслугам. Но ваша жена... Я много знаю о ней и подозреваю, что ей обеспечено место в раю.

- Я не уверен, что хотел бы идти дальше без неё.

- Она, несомненно, хотела бы, чтобы вы жили дальше, даже если бы она не смогла. И, извините за прямоту, она не первая ваша жена, а вы не первый её муж. Я не преуменьшаю ваше чувство любви, но вы, вполне буквально, просто этапы в жизни друг друга.

- А если я предпочту не участвовать?

- Мои знания в фармацевтике, доктор Симко. Если вы предпочтёте не участвовать или симулируете согласие, но дадите нам причину усомниться в вашей искренности, вам сделают инъекцию мнемоназы; это разрушит вашу краткосрочную память. Вы забудете эту встречу полностью. Если вы на самом деле не желаете бессмертия, пожалуйста, выберите этот вариант – это безболезненно и не имеет продолжительных побочных эффектов. А теперь, доктор Симко, мне, наконец, нужен ваш ответ. Что вы выбираете?

Дорин подобрала Ллойда в аэропорту Монпелье. "Слава богу, ты дома! – сказала она, как только Ллойд вышел из зоны выдачи багажа. - Что случилось? Почему ты пропустил более ранний рейс?"

Ллойд обнял жену; Боже, как он любил её и как ненавидел быть далеко от неё. Но затем он покачал головой. "Удивительная вещь. Я совершенно забыл, что мой обратный рейс в четыре часа. - Он пожал плечами и слегка улыбнулся. - Думаю, я старею".

33

Тэо сидел в своём офисе. Когда-то, само собой, это был офис Гастона Беранже, но его пятилетний срок службы давно закончился, и в эти дни ЦЕРН уже не был достаточно крупной организацией, чтобы нуждаться в генеральном директоре. Поэтому Тэо, как директор ТТК, сделал его своим. Старина Гастон всё ещё появлялся здесь; он был заслуженным профессором физики в Парижском университете. Они с Мэри-Клэр всё ещё жили в счастливом браке, и у них выросли прекрасный, успешный в учёбе сын и такая же дочь.

Тэо отвлеченно глядел в окно. Прошел месяц после великой "отключки" - Скачка в будущее, когда все потеряли сознание на час. Но они вызвали бы гордость у Клаату: во всем мире не было зарегистрировано ни одного смертельного исхода.

Тэо всё ещё был жив, ему удалось избежать своего убийства. У него была ещё долгая жизнь впереди - кто знал, насколько долгая? Десятилетия уж точно. Новый договор об аренде жизни.

И внезапно он осознал, что не представляет, что делать со всем этим временем.

Была осень: буквально поздновато, чтобы вдыхать аромат роз.

Но в переносном смысле? Он поднялся, оставил дверь внутреннего офиса сдвинутой в сторону, сделал то же с дверью наружного офиса, прошел к лифту, спустился на цокольный этаж, прошел по коридору, пересек вестибюль и вышел на улицу.

Небо было затянуто облаками, но все равно он надел солнцезащитные очки.

Когда он был подростком, он пробежал марафонскую дистанцию до Афин. Уже после финиша ему казалось, что сердце никогда не перестанет бешено колотиться, а ды-

хание никогда не выровняется. Он ясно помнил этот яркий момент - пересечение финишной прямой, завершение исторического забега.

Разумеется, были и другие моменты, которые он помнил так же ясно. Его первый поцелуй, первый сексуальный опыт; особые кадры - как почтовые открытки в собственной памяти - из поездки в Гонконг; выпускной в университете; день, когда он встретил Ллойда; перелом руки во время игры в лакросс. И воспоминания о первом запуске БАК, за исключением памяти о самом временном скачке...

Но...

Но все эти острые моменты, эти яркие воспоминания *все* были двадцатилетней давности.

А что было после этого? Какие кульминационные переживания, какие сильные печали, какие головокружительные высоты?

Тэо брел вперед; его окутывал прохладный воздух. Всё вновь начало обретать форму, содержание, ясность, которая померкла с тех пор...

С тех пор, как он начал расследовать своё убийство.

Двадцать один год, одержимый одной только вещью.

А были ли у Ахаба больные воспоминания? А, да - потеря ноги, без сомнения. Но после - после того, как он начал свои поиски? Было ли это все помутнением, месяц за месяцем, год за годом, куда входило всё и все?

Но нет - нет. Тэо не был Ахабом; он не был одержимым. Он для многого нашел время между 2009 годом и сегодняшним днем, здесь, в 2030-м.

И все же...

Все же он так и не позволил себе планов на будущее. Он продолжал делать свою работу, и его несколько раз продвигали по службе, но...

Однажды он читал книгу о человеке, который в девятнадцать лет узнал, что может заболеть синдромом Хантингтона, наследственным расстройством, которое отнимет у него все физические и умственные способности, когда он достигнет среднего возраста. Тот человек направил все свои усилия на то, чтобы оставить на земле свой след, пока отведенный ему период времени не истечет. Но Тэо не делал этого. О, он сделал некоторые хорошие успехи в работе физика, и, конечно, он получил Нобелевскую премию. Но даже тот момент - получения медали - не был в центре внимания.

Двадцать один год, проведенный в тени. Даже знаю, что будущее изменчиво, даже обещая себе, что не позволит поискам своего потенциального убийцы взять верх над своей же жизнью, два десятилетия оказались в основном потерянными - если не вообще пронеслись совершенно бессмысленно, урезанно и пусто.

Ни какой роковой ошибки? Это смешно.

Тэо продолжил идти. На заднем плане защелкали птицы.

Ни какой роковой ошибки? Это была самая самонадеянная мысль из всех. Разумеется, он был обречен на неудачи, конечно же, в нем был *первородный грех*. Но это не было зеркальным отражением Эдипа; Эдип думал, что *сможет* избежать своей судьбы. Тэо, зная, что будущее изменчиво, все еще преследовался страхом, что он не сможет обмануть судьбу.

И так...

И поэтому он так и не женился; у него не было детей; в этом он был даже меньше, чем Ахаб.

При этом он не читал "*Войну и мир*". Или Библию. Действительно, Тэо не читал роман в течение - сколько? - возможно, лет десяти.

Он не путешествовал по миру, за исключением того, куда его приводили старые поиски улики.

Он не научился готовить изысканные блюда.

Не брал уроки бриджа.

Не забрался на Монблан, хотя бы частично.

И теперь, невероятно, у него было – ну, если не всё время мира, то намного больше, чем раньше.

У него была свобода воли, будущее для свершения.

Это были пьянящие мысли. *Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?* И одежду с изображениями мультперсонажей пришлось снять. Как было в юности; сейчас ему сорок восемь лет. Для физика это была древность. По всей вероятности он слишком стар, чтобы совершить ещё один крупный прорыв.

Будущее для свершения. Но как он определил бы это?

Как лазерно-яркие моменты, твёрдые как алмаз воспоминания; чёткие и ясные. Будущее *жило*, будущее благоухало, некоторые моменты будущего – такие колкие и острые, что порой резали и вспыхивали так ярко, что было больно их лицезреть, но были и другие, наполненные чистотой и радостью, чистой радостью, той самой радостью, которую не мог ощутить в полной мере все эти двадцать один год.

Но с этого момента...

С этого момента он будет *жить*.

Но что сделать первым?

Вновь всплыло имя, из его прошлого, из его подсознания.

Мичико.

Она была в Токио, конечно. Он получил электронную открытку от неё на Рождество, ещё одну в день его рождения.

Она развелась с Ллойдом, её вторым мужем. Но после этого она так и не вышла замуж.

Знаете, он мог поехать в Токио, повидать её. *Это* было бы замечательным моментом.

Но, Боже, так много лет прошло. Так много воды утекло.

Всё равно...

Всё равно он всегда очень любил её. Так разумна – да, об этом он подумал в первую очередь; этот замечательный интеллект, этот острый ум. Но он не мог отрицать, что она также была привлекательна. Может даже больше, чем привлекательна; непременно элегантна и уравновешенна, и всегда безукоризненно одета по текущей моде.

Но...

Но прошёл двадцать один год. Должен быть кто-то другой после всего этого времени, нет?

Нет. Никого не было; до него дошли слухи. Конечно, он моложе её, но это ведь неважно, так? Ей было – сколько же? – пятьдесят шесть лет.

Он не мог просто взять и полететь в Токио.

Или мог бы?

Вся жизнь впереди...

Что он теряет?

Совсем ничего, решил он. Совсем ничего.

Он направился обратно к зданию, воспользовался лестницей вместо лифта, две ступеньки за раз исчезали под его длинными шагами, туфли стучали громко и решительно.

Конечно, он должен сначала позвонить ей. Который час был в Токио? Он задал вопрос в воздух: "Который час в Токио?"

- Двадцать часов, восемнадцать минут, – ответило одно из бесчисленных компьютеризованных устройств, разбросанных по кабинету.

- Набрать Мичико Комуро в Токио, – сказал он.

Из динамика исходил звук электронного звонка. Его сердце начало колотиться. Тонкий монитор, выехавший из его стола, показывал логотип Ниппон Телеком.

А потом...

Это была она. Мичико.

Она была всё ещё восхитительна, и она несильно постарела; она могла сойти за женщину на двенадцать лет более молодую. И, конечно, она была стильно одета – Тэо пока не видел такого особенного внешнего вида в Европе, но он был уверен, это должно быть самым передовым в Японии. Мичико была одета в короткий блейзер, покрытый радужными узорами.

- Как! Тэо, это ты? – сказала она по-английски.

Электронные открытки были только текстовыми и графическими; прошли годы, с тех пор как Тэо слышал этот прекрасный высокий голос, как плеск воды. Он почувствовал, как черты его лица растянулись в улыбке. "Здравствуй, Мичико".

- Я думала о тебе, – сказала она, – когда приближалась дата видения. Но я побоялась позвонить. Боялась, ты подумаешь, я позвонила, чтобы попрощаться.

Он любил слушать этот голос ранее. Он улыбнулся. "Вообще-то человек, убивший меня в видениях, сейчас под стражей. Он пытался взорвать БАК".

Мичико кивнула. "Я читала в Интернете".

- Думаю, ничьё видение не сбылось.

Мичико пожала плечами. "Ну, может быть не совсем точно. Но моя прекрасная дочка именно такая, какой я её видела. И, знаешь, я встретила новую жену Ллойда, и он сказал, что она именно такая, как он предвидел. И мир сегодня сильно похож на то, каким говорилось, он станет в проекте "Мозаика".

- Наверно. Просто я рад, что часть, затрагивающая меня, не сбылась.

Мичико улыбнулась. "Я тоже".

Установилась тишина между ними; одним из удобств видеотелефонов была приемлемость молчания. Можно было просто смотреть друг на друга, любоваться друг другом без слов.

Она *была* прекрасна...

- Мичико, – сказал он тихо.

- Ммм?

- Я, э-э, я много думал о тебе.

Она улыбнулась.

Он сглотнул, пытаясь набраться смелости. "Я хотел спросить, ну, что ты думаешь о том, чтобы я приехал в Японию ненадолго. - Он поднял свою руку, как будто чувствуя необходимость обеспечить их обоим лазейкой, если она сделает вид, что не поняла его, чтобы разочаровать его бережней. - В Токийском университете есть ТТК; они попросили меня приехать и поговорить о развитии технологии".

Но она не искала лазейки. "Будет приятно увидеть тебя снова, Тэо".

Конечно, невозможно было сказать, произойдёт ли что-то между ними. Она могла просто искать частицу ностальгии, вспомнить прошлое, время, когда они были в ЦЕРН все эти годы назад.

Но может быть, только может быть, они были настроены на одну волну. Может быть, всё сработает между ними. Может быть, после всех этих лет это собирается случиться.

Он непременно надеялся на это.

Но только время покажет.